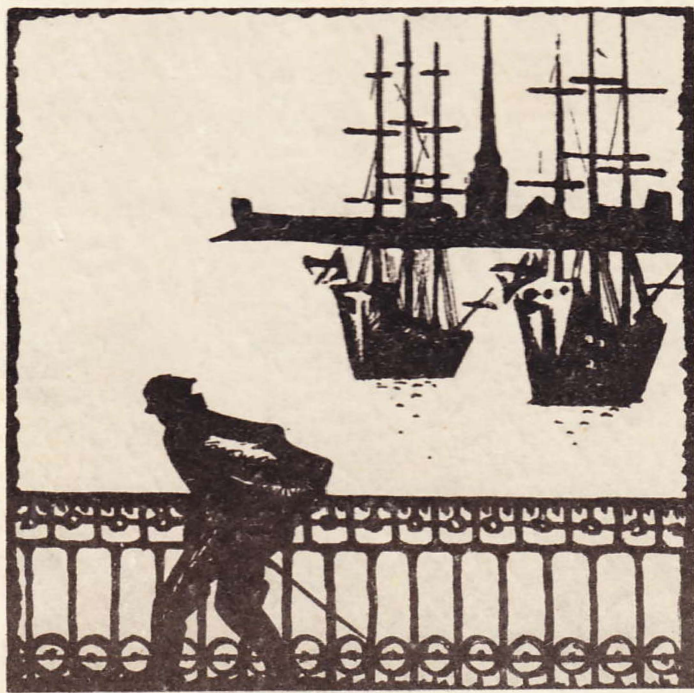

26.8

Г 55

ж

И.В.ГЛУШАНКОВ
СЕКРЕТНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

02 ✓ 52

И. В. ГЛУШАНКОВ

СЕКРЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Экспедиция Креницына — Левашова,
посланная для открытия, исследования
и точного нанесения на карты
наиболее восточных островов Алеутской гряды

-31329-

—

91 (И7) + 91 (09)

Г55

*Научная редакция
доктора исторических наук,
кандидата географических наук
А. И. АЛЕКСЕЕВА*

Художник В. И. КОШЕЛЕВ

2 — 8 — 4
33 — 72М

Экспедиция П. К. Креницына и М. Д. Левашова, о которой рассказывается в предлагаемой читателю книге, явилась переломным моментом в истории исследования Алеутских островов. Она была первой (после Беринга) правительственной экспедицией с участием квалифицированных офицеров, хорошо знающих правила морской описи и картографирования, имеющих в этом опыт, а также кадровых матросов. Несмотря на все превратности судьбы и трудности, выпавшие на ее долю, экспедиция эта заложила основы научного изучения Алеутских островов и предприняла первую и довольно удачную попытку их картографирования. О ходе ее и результатах рассказывает автор в своем ценном исследовании, основанном на новых архивных материалах.

И. В. Глушанков по специальности инженер, живет в Ленинграде. Уже много лет он проводит большую исследовательскую работу по истории русских географических открытий и по истории русских гидрографических работ.

Историю экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова собирался написать еще в XVIII веке (и значительно успел в сборе материалов) А. И. Нагаев, но смерть помешала ему исполнить задуманное. Его материалами воспользовались В. Н. Берх и А. П. Соколов. В 1852 году А. П. Соколов сделал первое и по сути последнее описание этой экспедиции.

Многочисленные архивные материалы, сохранившиеся в основном в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота, более столетия лежали нетронутыми.

И. В. Глушанков разыскал, собрал, проанализировал и умело использовал в данной работе многие из этих материалов. Особенно ценными оказались ранее неизвестные дневники, описания и рисунки помощника начальника экспедиции М. Д. Левашова.

История исследования дальневосточных морей, северной части Тихого океана исполнена героизма русских людей, которым принадлежит первая и решающая роль в открытии, изучении и освоении Курильских, Алеутских островов и Аляски.

Начиная с открытия Северной Америки со стороны Тихого океана М. С. Гвоздевым и И. Федоровым в 1732 году и высадки на ее берега в другом месте в 1741 году участников экспедиции В. Беринга и А. И. Чирикова и кончая правительственной экспедицией И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, на протяжении более полувека, продолжались непрерывные, интенсивные поиски русскими мореходами и промышленными людьми новых земель в этой части мирового океана, завершившиеся исследованием и постепенным освоением Курильских и Алеутских островов.

Колоссальные прибыли от «мягкой рухляди» — пушнины (морские котики, бобры, песцы, соболи) в скором времени привели к образованию многочисленных промышленных морских компаний, снаряжавших одно или несколько судов под руководством опытных мореходов и передовщиков на вновь открытые или открываемые острова порой на несколько лет.

Дерзкие мореходы, храбрые передовщики-промышленники за какие-нибудь 20 лет побывали на многих островах Алеутской гряды, зимовали на Аляске. Преодолевая невероятные трудности, они по несколько лет проводили на этих далеких землях. Порой вместо богатого промысла их ожидали разорение и смерть. Но они все же настойчиво шли и шли на восток.

Только ли погоня за наживой гнала неумных покорителей неведомых земель, только ли жажда богатства толкала их на каждодневные подвиги? Думается, что не одни эти извечные мотивы первооткрывателей были главными двигателями. Безудержная отвага всегда шла бок о бок с пытливой любознательностью русских людей, всегда вела к умножению славы своей Родины.

Автору книги, на мой взгляд, удалось показать эти отличительные качества русских мореходов, ибо он рассказывает и о предшественниках участников первой правительственной экспедиции на Алеутские острова и Аляску. Главное же в книге И. В. Глушанкова — это взволнованное повествование о героизме и мужестве моряков экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова, дезавувавших привести в порядок сведения промышленников об этих землях, нанести их на меркаторские карты, своими действиями, а иногда и ценой собственной жизни все новооткрытые до них и ими самими острова и земли закрепить за Россией.

*А. И. АЛЕКСЕЕВ, доктор исторических наук,
кандидат географических наук.*

ВВЕДЕНИЕ

История географических открытий и исследований со всей очевидностью показывает решающую роль русских людей в изучении Алеутских островов.

К началу 60-х годов XVIII века многочисленные экспедиции русских промышленников и мореходов открыли и в значительной степени освоили всю цепь Алеутских островов. А в 1764 году от сибирского губернатора Д. И. Чичерина пришло в Петербург известие об открытии Степаном Гловым и Савином Пономаревым дальних Алеутских островов, расположенных у самой Америки. Правительство Екатерины II решило принять необходимые меры по изучению новых земель, по укреплению своего влияния на Аляске и Алеутских островах. С этой целью в 1764 году была отправлена специальная секретная правительственная экспедиция под командованием П. К. Креницына и его помощника М. Д. Левашова.

Экспедицию готовили очень спешно, так как русское правительство имело все данные опасаться, что острова и берега Северо-Западной Америки, о которых привез ценные сведения С. Г. Глов, могут стать объектом экспансии иностранных государств, в первую очередь Англии. Вот почему были приняты все меры для сохранения секретности этой экспедиции. О ней знали только члены Адмиралтейств-коллегии, и официально ее именовали «экспедицией по описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в оная реки»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 5.

Долгие годы поход П. К. Креницына и М. Д. Левашова был сугубо секретным и «в известной степени остался таковым и до нашего времени»¹.

Более 200 лет назад, в 1769 году, эта экспедиция возвратилась на Камчатку. Несмотря на большие расходы, ничтожные прибыли от сбора ясака, гибель двух судов и почти половины людей, Адмиралтейств-коллегия не считала экспедицию Креницына — Левашова неудачной.

Ведущий гидрограф и картограф того времени и большой знаток истории русских плаваний, один из организаторов экспедиции Креницына — Левашова и автор инструкции для этой экспедиции, адмирал А. И. Нагаев², дал высокую оценку итогам ее работы. Адмиралтейств-коллегия еще в 80-х годах XVIII века относительно секретной экспедиции высказывала мнение, что капитан Креницын, проходя мимо островов Умнака, Уналашки и Унимака, достиг Аляскинского пролива (Исаноцкий пролив.— И. Г.), «а потому первый и открыл в тех местах западный мыс Америки... сделал многие открытия между Алеутскими островами»³.

Географические результаты этой экспедиции были очень велики. Она завершила открытие Алеутской цепи, протянувшейся почти на 1800 километров, открыла самый крупный остров Уникама и небольшие архипелаги островов, получивших название «острова Креницына» и «Четырехспочные острова», обследовала 200 километров побережья полуострова Аляски, Исаноцкий пролив и группу Лисьих островов, научно описала и нанесла на карту свыше 40 островов, показав их положение относительно Камчатки и полуострова Аляски. Такой картой не только могли пользоваться мореходы, но она была и важным вкладом в географию.

¹ С. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 40.

² Нагаев Алексей Иванович (1704—1781 гг.) — выдающийся гидрограф и картограф, руководитель первой гидрографической экспедиции Балтийского моря, организатор многих географических экспедиций и первый директор Морского кадетского корпуса.

³ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. II, л. 271.

Кроме путевых журналов и карт, Левашов привез из экспедиции (Креницын в 1770 году трагически погиб на Камчатке, утонул в реке) составленные им записки: «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке», «О промысле российских людей на острове Уналашке разных родов лисиц». К отчетным материалам экспедиции он приложил чрезвычайно ценный атлас рисунков, сделанных им в 1768—1769 годах с множеством зарисовок видов берегов Камчатки, Алеутских островов, полуострова Аляски, алеутов острова Уналашки, их хозяйственного инвентаря, байдарок, оружия и морских животных.

Карты экспедиции, путевые журналы, рисунки и записки Левашова — первые и наиболее ценные научные материалы по этнографии, истории и географии Алеутских островов.

Ценность этнографического материала Левашова в том, что он относится ко времени, когда европейская цивилизация еще не коснулась алеутов. Поэтому он представляет особый интерес и имеет большое значение для современной этнографии, географической и исторической наук.

Экспедиция Креницына — Левашова завершила этап открытия Алеутских островов, после чего начался этап планомерных исследований этого района.

Невольно возникает вопрос: как могло случиться, что деятельность экспедиции Креницына — Левашова до настоящего времени не была полностью изучена и ее достижения не нашли достойного отражения в науке. Первые историки этой экспедиции не смогли правильно оценить ее, высказывали сомнения в ценности ее результатов, хотя некоторые ученые отмечали немалые заслуги экспедиции в истории географических открытий.

Прежде всего надо помнить, что такие основные итоговые материалы экспедиции, как путевые журналы, инструкции и карты, были секретными, хранились в Адмиралтействе и доступ к ним был не каждому открыт. Просмотреть их можно было лишь с разрешения Екатерины II. До 1780 года такое разрешение имел только один человек — В. Робертсон, причем показали ему одну карту и краткий

отчет — «Экстракт из журналов морской секретной экспедиции под командою флота капитана Креницына и капитан-лейтенанта (что ныне капитан) Левашова разных годов в бытности их в этой экспедиции»¹. Составлен «Экстракт» Левашовым, в нем сжато изложена история плавания экспедиции. По распоряжению властей «Экстракт» размножили — сняли копии и передали их в различные государственные учреждения, заинтересованные в этих делах.

В Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ) хранится подлинный «Экстракт», написанный рукой Левашова в 1771 году, им подписанный. На первом листе в малоразборчивой приписке поздних лет говорится: «Очень краткий экстракт из этого путешествия был сообщен, по желанию императрицы, английскому историку Робертсону, а от него перешел Коксу...»².

Впервые сведения об экспедиции Креницына — Левашова появились в трудах указанных английских историков Вильяма Робертсона и Вильяма Кокса. Эти авторы побывали в России, где Робертсону удалось договориться с правительством и получить разрешение просмотреть «Экстракт» и карту. Сделанные им выписки от частично использовал в своей книге «История Америки», вышедшей в Лондоне в 1777 году, а затем Робертсон все свои записки и снятые копии передал В. Коксу, который работал над книгой «Отчет о русских открытиях между Азией и Америкой...», также опубликованной в Лондоне в 1780 году. Эти авторы, пользуясь кратким отчетом Левашова и картой с изображением Лисьих островов, коротко рассказали об экспедиции Креницына — Левашова.

В России сведения об этой секретной экспедиции появились в 1781 году. Член Петербургской Академии наук Петр Симон Паллас, близко стоявший ко двору Екатерины II, опубликовал на немецком языке книгу «О российских открытиях между Азией и Америкой», в которой все, что касается экспедиции Креницына — Левашова, позаимствовал из работ указанных английских историков, по-

¹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131, лл. 289 — 342.

² Там же, л. 289.

вторив их ошибки. Только в 1811 году впервые на русском языке были опубликованы сведения об экспедиции. Это был перевод английского текста Кокса, сделанный Г. А. Сарычевым.

Секретность этой экспедиции сохранялась еще долго, и только в середине 80-х годов XVIII века, когда готовилась географическая и астрономическая морская экспедиция для обследования Северо-Востока России под командованием капитана Иосифа Биллингса с участием впоследствии известного гидрографа Гавриила Андреевича Сарычева, Адмиралтейств-коллегия разрешила офицерам этой экспедиции познакомиться со всеми материалами экспедиции Креницына — Левашова, сделать выписки из журналов и снять копии всех карт.

Надо сказать, что даже Академия наук длительное время не имела никаких сведений относительно экспедиции Креницына — Левашова, так как Адмиралтейств-коллегия принимала все меры к тому, чтобы не попали в руки иноземцев карты Ледовитого моря, Восточного океана, Алеутских островов и описания путешествий, совершенных русскими мореплавателями в этих водах. Это не всегда удавалось: засилие иностранцев в Академии способствовало тому, что иногда секретные карты и сведения попадали за границу и там публиковались до того, как о них сообщалось в русской печати.

Более подробные сведения об экспедиции Креницына — Левашова были сообщены лишь в 1852 году А. П. Соколовым в очерке «Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова, 1764 — 1769 гг.»¹.

Эта работа остается и в настоящее время наиболее полным исследованием по истории экспедиции Креницына — Левашова, написанным на основе изучения документов Морского архива. К сожалению, А. П. Соколов не использовал многих других материалов о той же экспедиции, хранящихся в бывшем Морском архиве (ныне ЦГАВМФ) в фондах Адмиралтейств-коллегии, Гидрографического департамента, и фонда А. И. Нагаева.

¹ Записки Гидрографического департамента, ч. X, СПб, 1852, стр. 70 — 103.

Одной из причин было такое обстоятельство. Соколов предполагал, что многие важные документы экспедиции сгорели или пропали во время пожара в доме адмирала Нагаева в 1771 году. Лишь недавно выяснилось, что это ошибка. В 1771 году экспедиция возвратилась в Петербург, и Адмиралтейств-коллегия весь отчетный материал передала Нагаеву для проверки и составления генеральной карты. Материал был ему особенно необходим, так как в дальнейшем Нагаев хотел написать историю этой экспедиции.

Оказалось, что драгоценные материалы — карты, журналы, атлас рисунков во время пожара в доме Нагаева (в Петербурге на Васильевском острове) удалось спасти. Это был уже второй случай их «гибели». Когда Левашов возвращался в Петербург, на сибирской реке Юдома, преодолевая опасный порог, лодка потерпела аварию, и все бумаги упали в воду, но их быстро выловили и потом два дня сушили на солнце.

Чтобы дать правильную оценку итогам этой экспедиции, надо было не только иметь полностью отчетный материал, но еще и изучить весь географический, картографический и исторический материал, относящийся к исследованию Алеутских островов за период до 1768 года. Соколов этого не сделал. Вот почему в его работе появились несправедливые суждения относительно оценки деятельности экспедиции в целом и руководителей экспедиции Креницына и Левашова в частности. Указывая на невыполненные задачи и недостатки, Соколов заканчивает свою статью утверждением, что «успех этой экспедиции далеко не соответствовал ожиданиям, вниманию и издержкам, потраченным на нее...»¹. Так со времен Соколова экспедиция была отнесена к разряду второстепенных, и многие последующие исследователи, находясь под влиянием авторитета известного военно-морского историка и ссылаясь на его труд, повторяли это утверждение.

¹ А. П. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова, 1764—1769 гг. — «Записки Гидрографического департамента», ч. X, СПб, 1852, стр. 79.

В 1880 году в Сан-Франциско вышла книга Г. Банкрофта «История Аляски с 1730 по 1885 год», где отдельная глава посвящена разбору исследования русскими мореплавателями Алеутских островов и Аляски. Автор отметил большую заслугу Глотова в освоении Алеутских островов и подчеркнул важность этнографических сведений Левашова.

За последнее время советские географы и историки проделали значительную работу по изучению русских географических открытий в Тихом океане. В некоторых публикациях уделено внимание и экспедиции Креницына — Левашова¹.

Специальной работы об этой экспедиции до сих пор нет, и никто после Соколова не изучал главные материалы экспедиции. Долгое время путевых журналов и атласа рисунков экспедиции исследователи не находили, хотя известно было, что Ф. А. Голдер в своей книге о плавании В. Беринга, изданной в 1922 году в Нью-Йорке, использовал четыре рисунка из атласа Левашова.

В 1947 году А. И. Андреев обнаружил, что в описи дел ЦГАВМФ числится атлас рисунков Левашова и путевые журналы экспедиции. Проходили годы, а найти материалы не удавалось. Возникли даже предположения, что они погибли или находятся за пределами страны.

В 1968 году автору посчастливилось разыскать эти драгоценные материалы и одновременно обнаружить другие, не менее важные документы: 29 путевых журналов и в том числе 11 подлинных с четырьмя научными записками Левашова. Кроме этого, найдена личная переписка Креницына с Нагаевым, новые документы, рассказывающие о подготовке экспедиции в период ее нахождения на Камчатке, рапорты штурманов при обследовании ими побережья Алеут-

¹ З. Н. Зубкова. Алеутские острова. М., 1948. В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. М.—Л., 1949. И. П. Магидович. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962. С. Н. Марков. Земной круг. М., 1966. А. И. Алексеев, Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966. Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

ских островов и полуострова Аляски, биографический материал, касающийся Креницына и Левашова, и другие интересные данные. Все это дает возможность несколько по-новому оценить результаты работы экспедиции и всех связанных с ней событий.

Судьба экспедиции во многом сложилась трагически: не все вернулись из дальнего похода на восток, многие погибли в борьбе со стихией, умерли от болезней и голода. Открытия, которые они совершили, достались дорогой ценой, и память о их подвиге человечество должно сохранить навсегда.

В настоящей работе делается попытка на основе неисследованных ранее архивных материалов, а также использования малоизвестных печатных источников рассказать более полно о деятельности секретной экспедиции Креницына — Левашова, о героизме и подвигах ее участников, об огромном вкладе в науку, сделанном русскими путешественниками.

Глава I. БОБРОВОЕ МОРЕ

Одно из интересных событий истории географических открытий на востоке России и западе Америки — открытие Алеутских островов.

Честь открытия Алеутских островов принадлежит знаменитым русским путешественникам Витусу Берингу и Алексею Ильичу Чирикову¹, проложившим в 1741 году путь из Азии в Америку вдоль Алеутской гряды.

В 1742 году начали возвращаться в свои города и селения участники «самой дальней и трудной и никогда прежде не бывалой» экспедиции². Многие из них ходили в вояж на восток от Камчатки к «неведомым до толе» американским землям. Не все вернулись из этого вояжа: люди умирали от цинги, голода и холода. На одном из открытых островов похоронили начальника экспедиции капитан-командора Беринга³. Оставшиеся в живых привезли немало ценного меха морских бобров, добытых на открытых экспедицией островах, лежащих в Бобровом море, как тогда называли Берингово море, и этим вызвали большой интерес к неизвестным землям, расположенным в Тихом океане восточнее Камчатки.

По этому пути отправлялись позднее экспедиции промышленников за пушным зверем и для поиска «морских островов», «привода в подданство российское живущих на них народов» и сбора ясака. Эти поиски сопровождались важными географическими открытиями, и постепенно стали известны все острова Алеутской гряды вплоть до побережья Аляски.

За двадцать лет (с 1743 по 1763 год) промышленники и мореходы Сибири, Камчатки и Охотска совершили немало морских путешествий на восток к «незнаемым ост-

¹ Чириков Алексей Ильич (1703 — 1748 гг.) — ученый моряк, видный участник Первой и Второй Камчатских экспедиций. В 1741 году вместе с В. Берингом открыл берега Северо-Западной Америки со стороны Тихого океана.

² Имеется в виду Вторая Камчатская экспедиция 1733—1743 гг.

³ Впоследствии этот остров называли островом Беринга, а всю группу островов — Командорскими в честь погибшего капитан-командора.

ровам». К этому времени в делах различных коллегий накопилось много донесений из камчатских острогов и сибирских городов. Губернаторы и командиры, купцы и мореходы, работные и служилые люди докладывали о походах и примечательных событиях на землях в восточных морях. И когда сняли копии карт, извлекли из дел «экстракты», «репорты», «скаскаси» и различные ведомости, получилась большая рукописная история географических открытий.

Напомним кратко о тех, кто, пренебрегая опасностью, первыми после Беринга и Чирикова дерзнул искать Алеутские острова.

1 августа 1743 года шитик «Св. Петр», построенный первой Камчатской компанией¹, вышел из устья реки Камчатки в море и с попутным ветром пошел на восток. На борту шитика находилось 20 человек команды, за морехода был Емельян Басов, а передовщиком по общему согласию компании назначили Евтихия Санникова.

На пятые сутки шитик выбросило на каменистый отлогий берег большого острова. К счастью, шитик не разбился. Находящиеся в команде промышленники Петр Верхотуров и Лука Наседкин, участники Второй Камчатской экспедиции, опознали остров Беринга, где в 1742 году умер капитан-командор В. Беринг во время зимовки команды пакетбота «Св. Петр». Путешественники удивились обилию здесь животных и птиц: за зиму они добыли 1 200 бобров и 4 000 песцов.

¹ По условиям компании доход от промысла распределялся так: половина добычи шла на уплату промышленникам, а другая половина составляла собственность купцов-предпринимателей. Мореход, который должен был знать судовождение и места плавания, а также передовщик-организатор промысла получали по два пая, остальные по одному. Команда подчинялась мореходу и передовщику.

Когда в августе 1744 года промышленники возвратились на Камчатку, Басов сообщил в канцелярию Охотского порта, что во время зимовки они в ясную погоду видели на горизонте два острова, но идти к ним не решились ввиду плохого состояния снастей на шитике.

В 1745 году, выполняя указ командира Охотского порта, Басов с командой из 32 человек вновь ушел на том же шитике проведать виденные в первое плавание земли. Вскоре подошли к неизвестному острову, который затем был назван Медным. Не найдя удобной для зимовки гавани, пошли на юг искать другие земли и около месяца находились в открытом море. 6 августа неожиданно оказались вновь у острова Беринга. Решили здесь зимовать и заняться промыслом. Путешествуя по острову, Басов нашел место стоянки Беринга. Разбросанный таке-лаж, части судна, пушки, котлы он бережно собрал и сложил в одно место, недалеко от могилы командора.

В мае 1746 года «Св. Петр» с передовщиком Басовым и мореходом Санниковым опять отправился в путешествие. Шли «меж полуночником и востоком» и однажды прямо по курсу на горизонте увидели острова, но по требованию команды, изнуренной месячным блужданием в море, и опасаясь потерять уже добытую пушнину, не дойдя до них, повернули на северо-запад и благополучно прибыли на Камчатку 31 июля.

После этого шитик «Св. Петр» плывал еще три раза и в 1752 году разбился около острова Атту. В последних двух плаваниях Е. С. Басов уже не принимал непосредственного участия. Басову не пришлось побывать на Алеутских островах, однако его роль в истории открытия этих островов значительна: он первый из промышленников пошел разведывать эти острова, первый организовал «складственную компанию», которая в условиях того времени была наиболее прогрессивной формой организации

промысловых экспедиций в далекие неизведанные районы Тихого океана.

Удачные походы Басова на Командорские острова и богатая добыча пушнины произвели большое впечатление на промышленников Камчатки. Новая компания купцов Никифора Трапезникова и Афанасия Чебаевского, построив в 1745 году шитик «Св. Евдоким» и набрав команду промышленников из 45 человек, во главе которой поставила ответственного за промысел передовщика Якова Чупрова, пригласила на должность морехода Михаила Неводчикова.

Дав согласие, Неводчиков сразу же получил от компании указание идти в район юго-восточной части Камчатки и «производить в море» поиск островов для промысла, а если там «найдут неясчных, то приводить их в подданство ласкою и приветом»¹.

Кроме того, камчатская администрация назначила в команду казака Силу Шевырина, которому дана была особая инструкция. Он был обязан вести записи обо всем, что встретится примечательного в пути, и следить за тем, чтобы частный промысел не был в убыток казне: промышленники не должны промысливать в тех местах, где местное население добывает зверей для платежа ясака.

Благодаря назначению Неводчикова мореходом эта экспедиция сыграла особую роль в исследовании дальних островов. Неводчиков хорошо знал морское дело, умел составлять карты и по натуре был настоящим путешественником. В архивных делах, относящихся к экспедиции Креницына — Левашова, за 1764 — 1769 годы нашлось два подлинных довольно интересных документа: рапорт М. Неводчикова и его послужной список, написан-

¹ А. Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 год. Архив Всесоюзного Географического общества, разряд 60, оп. 1, № 2, л. 12.

ные в 1767⁴⁴ году на имя начальника экспедиции флота капитана П. К. Креницына (в составе этой экспедиции Неводчиков два года плывал на боте «Св. Гавриил»).

Документы и сведения о М. Неводчикове сохранились благодаря его современникам братьям Шмалевым¹ — Тимофею, командиру Нижнекамчатского острога, и Василию, командиру Большерецкого острога, которые в своих записках по истории плавания промышленников на восток уделили немало внимания этому опытному моряку, одному из первооткрывателей Алеутских островов.

В сентябре 1745 года судно «Св. Евдоким» покинуло Камчатку и взяло курс на юго-восток. Участник Второй Камчатской экспедиции, Неводчиков уже имел представление о географическом расположении цепи Алеутских островов, поэтому он не пошел путем Басова на Командорские острова, а прямо направился к западным Алеутским островам Атту, Агатту и Семичи.

Спустя шесть дней команда шитика «Св. Евдоким» увидела большой остров с остроконечными пиками гор, местами покрытыми снегом. Это был самый западный остров Алеутской цепи, называемый Атту. Крутые берега и большой прибой не дали возможности высадиться на южной стороне острова и, продолжая путь на юго-восток, мореходы вскоре подошли к острову Агатту, где стали на якорь и высадились на берег. Впервые русские путешественники ступили на землю алеутов и в полном смысле открыли первый остров Алеутской гряды.

Для зимовки и продолжения охоты на морского зверя осенью перешли на северный берег острова Атту, оказавшийся более заселенным.

Обратный путь шитика «Св. Евдоким» был неудачным. Добыв большое количество бобров, 14 сентября

¹О братьях Шмалевых см. исторический очерк А. И. Алексеева «Братья Шмалевы» (Магадан, 1958).

1746 года члены экспедиции покинули остров и направились на Камчатку. Судно скоро попало в шторм, оборвался якорь, сорвало паруса, и неуправляемый шитик больше месяца носило по морю. Уже не оставалось никакой надежды на спасение, но 30 сентября неожиданно впереди показался в тумане большой остров. Ветер нес корабль прямо на скалистый берег. Шитик выдержал первые удары о камни, и за это время все успели выскочить на берег, а судно очень быстро разбило до основания, и почти весь груз — пушнина, имущество и продовольствие погибли.

Не зная своего местонахождения, страдая от холода, голода и цинги, многие заболели, а шесть человек умерло. Тогда оставшиеся решили идти на запад и, с трудом перевалив через хребет, случайно натолкнулись на селение коряков, которые их приютили. От них промышленники узнали, что находятся на Карагинском острове, вблизи Камчатки. Летом коряки дали им две байдарки, на которых 20 июля 1747 года промышленники после долгих скитаний вернулись на Камчатку.

Значение этого плавания велико, оно было оценено и современниками. М. Неводчиков составил первую карту открытой им группы ближних островов Алеутской гряды¹, показав острова Атту, Агатту и Семичи. Карту трех новооткрытых островов и подробное донесение о плавании Неводчиков представил в Нижнекамчатскую приказную избу, откуда в 1751 году этот ценный материал переслали в Большерецкую канцелярию, а затем в Петербург, в сенат. На карте и в пояснительной записке к

¹ Алеутская гряда разделяется на Ближние острова (их 10), Крысьи (11), Андреяновские (46) и Лисьи (43). Крупных островов 30, а всего Алеутских островов, имеющих названия, больше 100. Общая длина гряды — 1 740 километров. Общая площадь островов — 37 840 квадратных километров.

ней — донесении впервые появились такие названия, как «Алеутские острова» и «алеуты».

У Басова и Неводчикова нашлось много последователей, и до 1764-года было совершено более сорока плавающих промышленников на Алеутские острова.

Из многочисленных плаваний отметим наиболее удачные путешествия, увенчавшиеся открытием новых островов Алеутской гряды.

В 1747 году из устья реки Камчатки вышел шитик «Св. Иоанн», где начальником и мореходом был Андреян Толстых. Побывав на Командорских островах, он летом 1748 года поплыл на юго-восток, но не нашел никаких земель и в августе 1748 года вернулся в Нижнекамчатск с грузом пушнины, добытой на острове Беринга.

Через год Толстых с прежней командой и на том же шитике пускается в новое путешествие. Перезимовав на острове Беринга, он на следующий год направился на остров Атту, где провел две зимы, и в 1752 году вернулся с хорошей добычей пушного зверя. Эти два плавания принесли Андреяну Толстых значительные средства, которые он употребил на постройку судна под названием «Св. Андреян и Наталия».

На этом судне осенью 1760 года Толстых отправился в плавание на поиски новых островов. После зимовки на острове Беринга он целый месяц был в море к востоку от острова Медного и, убедившись в бесполезности поисков, пошел к острову Атту. Взяв там двух хороших переводчиков, 19 августа 1761 года судно «Св. Андреян и Наталия» снялось с якоря и при попутном ветре пошло на восток. 28 августа увидели большую землю и при противном ветре с трудом зашли в бухту¹, оказавшуюся очень удобной для зимовки судна.

¹ Залив Андреяна, названный в честь Андреяна Толстых.

Установив дружественные отношения с местными жителями, путешественники узнали, что они находятся на острове Адах, вблизи которого к западу и востоку расположены острова Канага, Большой Ситхин, Тагалах, Атха, Амля и другие.

Три года экспедиция Толстых находилась на этих островах. Благодаря помощи алеутов и взаимному доверию промышленники успешно добывали пушнину, а посланные казаки Петр Васютинский и Максим Лазарев на байдарках объехали все шесть островов и собрали ясак с их жителей. В это же время Толстых и сборщики ясака делали подробное описание открытых островов, лежащих в центральной части Алеутской гряды и получивших название Андреяновских по имени первооткрывателя.

Добыв много пушнины и приведя в подданство все население шести островов, в июле 1764 года Толстых отправился в обратный путь, но у острова Семичи судно получило повреждение. Мореплаватели вынуждены были зайти на остров Атту для ремонта. Взяв здесь партию промышленников, потерпевших крушение, судно 17 сентября подошло к устью реки Камчатки и стало на двух якорях, чтобы переждать шторм. Ночью корабль сорвало с якорей, выбросило на берег, разбило, а потом унесло в море. Люди спаслись, но большая часть груза погибла и в том числе ящик, в котором хранилось описание всего путешествия, островов и живущих на них алеутов. При крушении удалось спасти собранную Толстых ценную коллекцию различных предметов быта алеутов.

Большерецкая канцелярия на основании судовых журналов, которые вел Андреян Толстых, и показаний участников плаваний, казаков М. Лазарева и П. Васютинского, составила «описание найденных в открытом море островов, на которых жительствоуют народы, и о их

нравах и состоянии и протчем...»¹. Это первое описание Андреяновских островов с подробными этнографическими заметками вскоре было представлено сибирским губернатором Д. И. Чичериным Екатерине II.

Шли годы. Все чаще посещали промышленники вновь открытые земли в Бобровом море и находили новые острова. Одним из первых, кто побывал на самых восточных Алеутских островах, был искусный мореход Степан Гаврилович Глотов, посадский из города Яренска.

В феврале 1757 года группа купцов предложила Глотову возглавить артель для плавания на боте «Иулиан» за «мягкой рухлядью». В начале сентября 1758 года бот, управляемый Гловым, вышел из устья реки Камчатки. Большерецкой канцелярией в команду бота был включен представитель государственной власти, сборщик ясака, опытный мореход, участник экспедиции Беринга, казак Савин Пономарев. Экспедиции было разрешено искать новые острова и промыслять там пушного зверя. Пономарев и Глотов воспользовались картами Беринга и Чirikова, что способствовало успеху их замечательного плавания.

В инструкции, полученной С. Пономаревым в Большерецке, предлагалось «следовать... на знаемые и незнаемые морские острова для приводе тамошнего неясачного народа в подданство и в платеже ясака... и притом наведыватца и сыскивать земных и морских куриозных и иностранных вещей и золотых и серебрянных руд, жемчугу, камня, свинцу, железа, слюды, краски и протчих узорных вещей... и какие над теми островами или землицами начальники и владельцы...»².

На девятые сутки плавания бот «Иулиан» подошел к острову Медному, где промышленники вынуждены были

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 397.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 80, лл. 118 — 118 об.

зимовать, так как еще около Камчатки попали в шторм и у бота сорвало два якоря. Во время зимовки занимались промыслом бобров, заготовкой пропитания к будущему вояжу и ремонтом судна. Из железа от разбитого пакетбота бывшей Второй Камчатской экспедиции сковали «через немалый труд» два новых якоря.

1 августа 1759 года смелые мореплаватели снова отправились «в морской вояж к поиску и окончанию намеренного пути и с того августа первого числа плыли не касаясь известных морских яко то алеутских островов между севером и востоком»¹.

По инструкции, как известно, Глотову и Пономареву разрешалось посетить уже открытые промышленниками острова, но они решили искать дальние Алеутские острова, которые 18 лет назад видела экспедиция Беринга и Чирикова.

Через месяц, 1 сентября, прибыли на остров «по названию тамошних народов, Умнак»². В 15 верстах от этого острова вскоре открыли и второй большой остров — Уналашку. Жители этих островов сообщили, что далее на восток имеются еще восемь островов и на одном из них есть «лес стоячий». Это, как потом установили, относилось к Аляске. Уже в первые дни пребывания здесь путешественники убедились, что на этих островах водятся много различного пушного зверя, в том числе и бобров.

Промышленники находились более двух лет среди алеутов островов Умнака и Уналашки. За это время тойоны³ и с ними 28 человек были приведены здесь в подданство, и Пономарев начал собирать ясак с населения, а Глотов, изучив алеутский язык, часто бывал в селениях туземцев. Он расспрашивал их о существовании

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 80, л. 119.

² Там же.

³ Тойон, тоен — старшина рода или селения.

других островов и народов, интересовался алеутскими названиями различных географических мест и все это заносил в особый «резстр». Касаясь описания островов Умнака и Уналашки, Глотов и Пономарев отметили, что здесь своего леса нет и жители пользуются лесом, выкидываемым морем, из которого делают земляные юрты и живут в них по несколько семейств. В реках имеется красная и белая рыба, а на островах водится много различных лисиц. Поэтому промышленники назвали оба острова Лисьими, позднее же это название распространилось на всю группу восточных Алеутских островов.

Заметили также, что некоторые алеуты острова Умнака имеют железные ножи, «кованные по их манеру»¹, и что железо привозят с острова, на котором есть «стоячий лес». Заканчивая свой рапорт, Пономарев и Глотов указали, что благодаря хорошему отношению к жителям тех островов, алеуты «желание возымели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили и что они будут ясак платить»² и в доказательство своей дружбы отдали в аманаты племянника тойона Шашука, тринадцатилетнего мальчика Мушкалы, «которого мы назвали Иваном, — отмечено в рапорте, — и его со всякими в пути охранением привезли»³.

26 мая 1762 года бот «Иулиан» отправился обратно на Камчатку. Противные ветры и сильные течения заставляли часто менять направление судна. Все это значительно удлинило путь, заготовленного продовольствия не хватало, «и имели превеликие недостатки в воде и пище, так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли»⁴.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 80, л. 120 об.

² Там же, л. 121.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 121 об.

В Нижнекамчатск промышленники вернулись 31 августа 1762 года. Прибытие промышленников удивило многих: их считали уже погибшими.

Помимо рапорта, подписанного С. Пономаревым и С. Гловым и представленного ими 12 сентября 1762 года в Большерецкую канцелярию, а также «ясашной книги» в канцелярии составили, по данным Глотова и со слов других промышленников, два реестра — «реэстр дальних островов» и «реэстр ближних островов», а участник плавания тотемский посадский человек Петр Шишкин передал в канцелярию составленную им карту островов, мимо которых шел «Иулиан».

Все эти материалы повезли в Тобольск главные «компанейшики» — купцы тобольский Илья Снегирев, вологодский Иван Буренин и тотемских купцов приказчик Семен Шергин. Но вскоре на Камчатку пришло известие, что сибирский губернатор Ф. И. Соймонов¹ «от губернаторской должности уволен», покинул Сибирь и выехал в Москву.

Зная постоянный интерес этого ученого сенатора к их делам, группа промышленников — участников плавания на боте «Иулиан» послала с оказией «через своего человека» «партикулярное» письмо Ф. И. Соймонову, где подробно сообщила о своем плавании к Лисьим островам и приложила сочиненную ими карту Алеутских островов (более точную, чем карта П. Шишкина. — *И. Г.*). При чем своему «кульберу» наказали передать письмо лично Соймонову, а если такой возможности не будет, то все уничтожить. Дело в том, что в письме промышленники одновременно жаловались на камчатских командиров,

¹ Соймонов Федор Иванович (1692 — 1780 гг.) — ученый-гидрограф, видный государственный деятель. Производил картографическую съемку и описание Балтийского и Каспийского морей. О нем: Л. А. Гольденберг. Федор Иванович Соймонов. М., 1966.

просили защиты от их несправедливых действий. Может быть поэтому история, к сожалению, не сохранила нам имена составителей оригинальной рукописной карты.

Проживая в Москве, Ф. И. Соймонов внимательно следил за географическими открытиями в Сибири, восхищался деятельностью промышленных людей и их отважными плаваниями на далекие острова для добычи «мягкой рухляди». Когда он был губернатором Сибири, то много помогал деятельным и способным людям в организации их промыслов. Передовщики, мореходы и рядовые промышленники отвечали Федору Ивановичу таким же вниманием. Он регулярно получал от них письма, из которых узнавал о делах в Сибири. Иногда письма содержали просьбу защитить от обид и несправедливостей местного начальства.

Соймонов вел большую переписку с Г. Ф. Миллером¹ и отсылал ему все интересные сведения, полученные от сибирских корреспондентов. В начале 1764 года Соймонов получил известия об открытии Лисьих островов, а 26 февраля он спешит поделиться с Миллером важными новостями: «Промышленные со вновь отысканных островов,— писал Соймонов,— вместо награждения получили от камчатских командиров немалые обиды, о которых чрез партикулярных ездоков прислали ко мне свои прошения»². Далее Соймонов рассказывает, что во время вояжа они сочинили карту (имеется в виду карта

¹ Миллер Герард Фридрих (1705 — 1783 гг.) — русский историк, этнограф и картограф, член Петербургской академии наук, участник Второй Камчатской экспедиции 1733 — 1743 годов. Автор исследований по истории Сибири, по истории русских открытий в Сибири и Тихом океане.

² Эти слова из писем Соймонова к Миллеру цитируются по Л. А. Гольденбергу. Федор Иванович Соймонов, М., «Наука», 1966, стр. 193 — 194.

Ф. И. Соймонов
(1692—1780 гг.).

П. Шишкина), которую также «через приятелей ко мне переслали». На этой карте, как разъясняет автор письма, обозначен Камчатский берег, острова Беринга и Медный, Алеутские острова, прежде открытые, и 16 новых, из которых на двух промышленники были и «промыслы лисьи производили, а протчия и в том числе три великия» нанесены на карту по рассказам алеутов.

У Соймонова возникли сомнения относительно положения трех «великих» островов, показанных на карте «не в дальнем расстоянии к западу от той Американской

земли, которая против Чюкоцкого носу ввиду», и он уведомляет Миллера, что вскоре будет послано письмо Н. П. Шалаурову¹ с просьбой произвести обследования в районе этих трех островов и сделать опись и карту.

Восхищаясь замечательным плаванием русских мореходов, их необыкновенной отвагой, Соймонов так выразил свое мнение: «Я справедливо уверяю, что ни славнейшей английской лорд Ансон столь много ни отважен и не претерпел в холоде и в голоде, как наши, имея героичной дух господа промышленные, что со временем изъяснено быть может; довольно одного того, что имея якорные веретена деревянные, а лапы одне железные, проходили четыре года...»

Особенно привлекла внимание Соймонова итоговая карта открытий, совершенных разными промышленниками до 1764 года. О ней с восторгом отзывался Соймонов, сообщая Миллеру, что эту «карту ко мне одному по дружбе прислали, и хотя она почти углем рисована, а глиною раскрашена, однако, ежели впредь удача будет, я за достойное признаю в честь и память таких неустрашимых и ревностных, на оной карте, все изъясня и золотыми лаврами раскрася, в Государственном архиве содержать. Столько я за их ревность и претерпенный голод и смертные страхи благодарнейшим себя им признаваю».

22 марта 1764 года Соймонов отправил Миллеру копию карты, «что приятели промышленные... прислали...». «Потом, я, как главный по сибирским делам сена-

¹ Шалауров Никита Павлович — устюжский купец в 1757 — 1763 годы возглавлял экспедицию по исследованию пути из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Соймонов, будучи губернатором Сибири, всячески поддерживал проект плавания Шалаурова вокруг Чукотского полуострова и просил правительство о выделении материальной помощи для осуществления этого проекта.

тор,— продолжал Соймонов в своем письме,— учиня с той карты другую и с той подлинной, которую промышленные сами делали при... моем рапорте и е. и. в. послал, однако, не упоминая того, как слышал, что губернатор прежде меня послал». Сообщая об этом Миллеру, автор письма отметил, что прежде чем отослать карты, он намерен «учинить» 16 островам «на карту накладку», то есть внести некоторые дополнения.

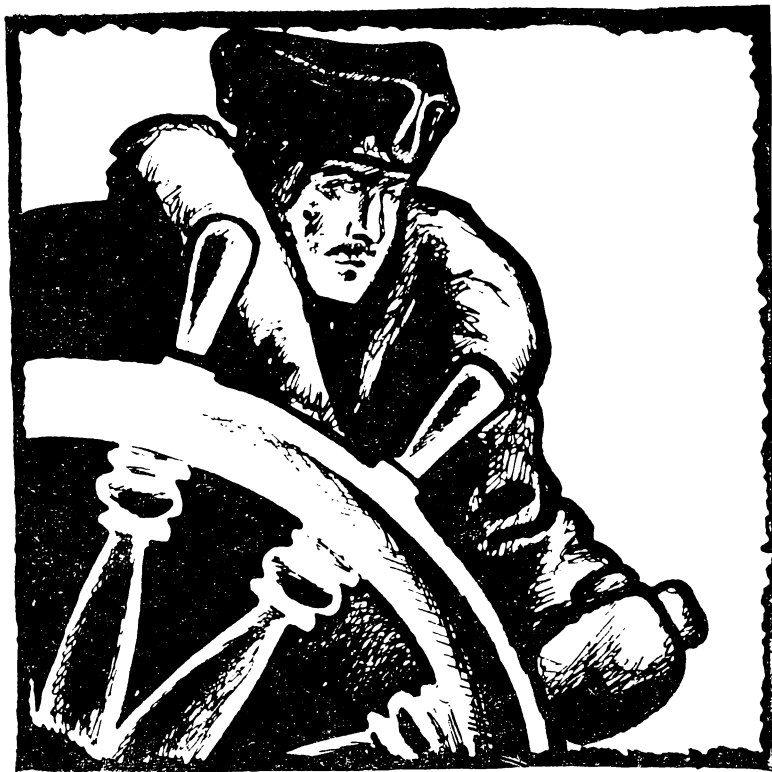
Карта, отосланная Ф. И. Соймоновым в Петербург и выполненная им с оригинала, не имеющего авторства, «которую промышленные сами делали»¹, явилась главным источником для научных работ Ломоносова и Нагаева по составлению сводных карт и различных документов для подготовки экспедиции на Алеутские острова.

Когда документы экспедиции Глотова — Пономарева были представлены сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, проявлявшему, как и его предшественник, большой интерес к исследованиям на Тихом океане, он составил на основе этих сведений и ранее полученных донесений о плавании промышленников особую «реляцию» на имя Екатерины II и 11 февраля 1764 года с личным курьером отправил «реляцию» в Петербург.

Мы рассказали только о четырех плаваниях отважных первооткрывателей Алеутских островов, но таких

¹ Эта карта опубликована в различных изданиях, где рассматриваются вопросы истории русских открытий на Тихом океане в XVIII веке. Она же помещена под номером 150 в работе: «Атлас географических открытий XVII — XVIII веков» под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова (М., 1964) и названа «Карта Алеутских островов Петра Шишкина и Саввы Пономарева». Просмотренный архивный материал и в том числе письма Соймонова к Миллеру, а также печатные источники убеждают нас, что ее автор неизвестен, и поэтому наиболее правильно называть ее «Алеутский острова по рукописной карте промышленников 1762 г.». Под таким названием она и опубликована в ранних изданиях.

было немало в истории продвижения России к берегам Нового Света. К середине 60-х годов XVIII века многочисленные русские промысловые экспедиции, руководимые отважными мореходами и инициативными промышленными людьми, открыли всю цепь Алеутских островов и полуостров Аляску.

Глава II. СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Вечером 21 марта 1764 года к Зимнему дворцу подъехала кибитка, запряженная тройкой лошадей. Лошади тяжело дышали, а вид кучера и седока говорил о том, что они проехали немало верст, прежде чем добра-

лись до сверкающих огнями дворцов и особняков столицы.

Офицер в форме драгунского прапорщика быстро поднялся по ступеням парадной лестницы, представился дежурному полковнику и показал донесение — опечатанный секретный пакет с надписью: «Императрице Екатерине Алексеевне. Везти денно и ночью со всяким поспешением нигде не удерживав. Тобольск 1764 г. февраля 11 дня¹. Чичерин». Вскоре с разрешения флигель-адъютанта прапорщика провели в кабинет камергера Екатерины II, где генерал-поручик граф И. Г. Чернышев² принял пакет и, отпустив курьера, направился в приемную императрицы.

В донесении — «реляции» сибирский губернатор Д. И. Чичерин сообщал, что российское купечество, «сочиня компанию», отправило своих промышленников³ на Камчатку, где они построили бот «Иулиан» и с командой из 42 человек в 1759 году пошли на восток «для изыскания неизвестных мест».

Долгое время о них ничего не было известно «и уже в пропавших считаны были», но в августе 1763 года возвратились и в Большерецкой канцелярии объявили, что они были на дальних Алеутских островах и «изыскали неизвестные острова, называемые Уналашка и Умнак». Жителей тех островов привели в российское подданство, взяли с них ясак⁴, привезли много пушнины и в том числе 1063 шкуры черных и черно-бурых лисиц, которые

¹ По старому стилю, как и всюду в книге.

² И. Г. Чернышев был вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и ведал делами кабинета императрицы по морской части.

³ Промышленник — так обычно в Сибири называли охотников, «промышлявших» зверя и рыбу.

⁴ Ясак — подать, взимаемая мехами с местных жителей русской администрацией.

иркутское купечество «ценить не отважилось», так как многие меха нашлись такие, «каковых здесь не бывало».

К «реляции» Чичерин приложил несколько важных документов, составленных участниками этого смелого вояжа: карту, сочиненную «правителем бота работником Петром Шишкиным», «реэстр островов» написанный со слов передовщика Степана Глотова, «ясажную книгу», которую вел казак Савин Пономарев, и подробный «репорт», подписанный Пономаревым и Глотовым, о плавании бота на Алеутские острова. Кроме этого, Чичерин прислал карту¹, составленную по его распоряжению в 1763 году по данным плавания камчатских и охотских мореходов до 1763 года и дополненную результатами экспедиции Пономарева и Глотова на боте «Иулиан».

В «реляции» Чичерин указал, что, так как промышленников, бывших на тех островах, сейчас в Тобольске нет, он распорядился вместе с курьером, прапорщиком фон Фирстенбергом, отправить в Петербург троих купцов «из тех компанейщиков» — Илью Снегирева, Ивана Буренина и Семена Шергина.

Заканчивая свое сообщение, губернатор поздравил императрицу с «приобретением неизвестных новых промыслов» и подчеркнул, что «сей до ныне скрытый талант подданных... выходит на театр чрез самых простых и неученых людей», а чтобы иметь более подробные и точные сведения об этих землях, он дал указание начальнику Охотского порта, уже в следующем году из имеющих там морских служителей посылать грамотных

¹ Эта карта до настоящего времени не была известна и представляет большой интерес для истории географических открытий. Она выполнена частично в масштабе и технически более совершенна, чем все остальные карты Алеутских островов, составленные до экспедиции Креницына и Девашова.

моряков на промысловые суда, идущие на Алеутские острова с заданием вести журнал их вояжу и «где на островах будут обстоятельное описание сочинять»¹.

Сообщение Чичерина об открытии Глотовым и Пономаревым восточных островов Алеутской гряды, расположенных у самой Америки, названных Лисьими островами, вызвало большой интерес со стороны видных моряков и ученых России.

Отчетный материал экспедиции С. Г. Глотова привлек самое пристальное внимание членов Адмиралтейств-коллегии, М. В. Ломоносова и Ф. И. Соимонова,— всех, кому было разрешено с ним ознакомиться. В нем впервые указывалось на огромную протяженность цепи Алеутских островов и обращалось внимание на то, что далее на восток от острова Уналашки, по рассказам местных жителей, лежат еще острова и в их числе Уни-мак, где водятся лисицы; Алахшак, где много людей, есть лес, водятся медведи, олени, лисицы, куницы; Шугачь-Таны, где также растет лес и есть различные звери.

Составленные некоторыми участниками промысловых экспедиций карты, уточнявшие представление об «Алеутской гряде», не давали полной ясности о точном географическом положении островов в Тихом океане. Эти рукописные карты, выполненные по глазомерной съемке, невозможно было полностью увязать с данными карт Камчатских экспедиций.

Получив материалы экспедиции Глотова, М. В. Ломоносов и А. И. Нагаев попытались определить точное географическое положение открытых островов, сравнивая карты промышленников с картами Беринга и Чири-

¹ Из «реляции» Д. И. Чичерина от 11 февраля 1764 года. ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 414, лл. 222 — 223 об.

кова. Из-за большой неувязки даже встал вопрос, те ли это острова, которые в 1741 году, возвращаясь на Камчатку, видели Беринг и Чириков. Только кропотливая работа А. И. Нагаева позволила сделать вывод, что все эти острова принадлежат к одной гряде, Алеутской, но их местоположение на карте требует точного инструментального определения.

При изучении этих материалов возникали предположения и вопросы, которые могла решить только специальная экспедиция.

Были и другие, не менее важные причины послать экспедицию в район Алеутских островов. К 1763 году русские открыли и в значительной степени освоили всю цепь Алеутских островов. В это же время между Англией, Францией и Испанией шла борьба за земли в Северной Америке. Наибольшую активность, начиная с 60-х годов XVIII века, стала проявлять Англия, захватив в 1756—1763 годах Канаду, принадлежавшую до этого Франции. Парижский мир 1763 года закрепил за Англией территорию Канады и Индию. Таким образом, с 60-х годов XVIII века русские земли на далёких тихоокеанских окраинах оказались под угрозой проникновения туда иностранцев, и в первую очередь английских колонизаторов.

К началу 60-х годов XVIII века русские уже почти двадцать лет широко промышляли морского зверя вдоль всей Алеутской гряды и побывали у берегов Аляски. В то же время русская географическая наука имела еще недостаточные сведения об этих землях, а карты из-за их схематичности не могли удовлетворить нужды мореплавания. Когда в Петербург пришло известие об открытии Лисьих островов, расположенных у самой Америки, правительству стало очевидно, что надо немедленно начать более основательно изучать

новые обширные владения, открытые русскими мореплавателями в северной части Тихого океана.

Ломоносов предпринял все возможное для самого пристального изучения новых замечательных плаваний русских мореходов. Ознакомясь с картой Шишкина, рапортом Глотова и «реляцией» Чичерина, он встретился с купцами Снегиревым и Бурениным. Беседа, начатая в Адмиралтейств-коллегии, продолжалась в гостеприимном доме Ломоносова.

Полученные устные и письменные свидетельства, ранее имевшиеся данные о походах промышленников в восточных морях, а также карта вояжа «Иулиана» и карта, присланная из Москвы от Ф. И. Соймонова, дали возможность Ломоносову уже к концу апреля 1764 года составить полярную карту и написать записку, названную им «Прибавление второе. Сочиненное по новым известиям промышленников из островов Американских, и по выспросу компанейщиков тобольского купца Ильи Снегирева и вологодского купца Ивана Буренина»¹.

Эта работа явилась дополнением к его записке «Прибавление первое. О северном мореплавании на восток по Сибирскому океану»², которая была им написана месяц назад. Эти записки Ломоносова и его карты, представленные в Адмиралтейств-коллегию 24 апреля 1764 года, стали программой для организации двух экспедиций и убеждали, что поиск «возможности северного морского пути на восток» и встречное плавание от Кам-

¹ В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. Изд-во Главсевморпути, 1949, стр. 284.

² В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. Изд-во Главсевморпути, 1949, стр. 254. Эти две работы являлись «прибавлением» к основному труду Ломоносова по исследованию полярных стран, написанному в 1763 году под названием «Краткое описание разных путешествий по Северным морям, и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

*М. В. Ломоносов
(1711 — 1765 гг.).*

чатки к «новооткрытым островам» послужат «утверждением могущества Российского на востоке»¹.

Член Адмиралтейств-коллегии вице-адмирал А. И. Нагаев подробно ознакомился с материалами Ломоносова и выразил свое согласие по многим основным вопросам, отраженным в «полярной карте» и в «записках».

По заданию Адмиралтейств-коллегии Нагаев в это время составлял сводную ландкарту русских путешест-

¹ В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. Изд-во Главсевморпути, 1949, стр. 259.

вий и открытий первой половины XVIII века в Северном Ледовитом и Тихом океанах и, конечно, проявил особый интерес к последним сведениям промышленников об Алеутских островах. Сравнивая карты Беринга — Чирикова с рукописными картами промышленников, выполненными без градусной сетки, Нагаев пришел к такому же выводу, как и Ломоносов; открытые промышленниками острова лежат «в том же кряже»¹, где Беринг и Чириков еще в 1741 году нашли несколько островов. Этим выводом Нагаев утверждал, что речь шла об одной гряде островов, протянувшихся цепью на восток от острова Беринга, а не о каких-то других в том же районе.

Нагаев указал также на трудность названия островов и нанесения их на сводную карту², так как промышленники-мореходы оставляли островам местные названия, а Беринг и Чириков на своих картах давали островам свои.

На всех картах того времени к востоку от Алеутских островов мореходы показывали землю, но они не знали, считать ли ее «берегом американского материка или островом»³. Нагаев считает, что по этому поводу «требуется еще следствиями подтверждение»⁴, то есть ставит вопрос о посылке экспедиции для исследования Алеутских островов.

Прошло всего шесть недель, как в столицу доставили пакет с «реляцией» Чичерина. В это время в Петербург привезли с Лисьих островов пушнину, которая удивила знатоков своей добротностью и красивым серебристым цветом шкурок черно-бурых лисиц. Такое событие еще больше привлекло внимание к островам Тихого океана.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 303 об.

² Там же, л. 303.

³ Там же, л. 302 об.

⁴ Там же.

Правительственные учреждения, а главным образом канцелярии Адмиралтейств-коллегии, продолжали заниматься подготовкой документов для доклада императрице по делу открытых «американских» островов. Запрашивали различные коллегии, снимали копии отчетов, переписывали мнения ученых и высшего командования флотом, составляли карты и вызывали сведущих по этому вопросу лиц. Часто в Коллегию из Кронштадта приезжал А. И. Нагаев, заходил М. В. Ломоносов, а из Москвы шли письма Ф. И. Соймонова — со всеми этими людьми советовались относительно экспедиции на Алеутские острова.

4 мая 1764 года Екатерина II подписала указ, и в тот же день его доставили в Адмиралтейств-коллегию. В указе говорилось, что получено известие из Сибири об открытии «доныне неизвестных разных островов... но как оное обретение сделано людьми морского знания и науки не имеющими, которые описания и примечания не столь достаточны, чтобы всею могущую пользу приобрести можно было», то Адмиралтейств-коллегии поручалось срочно заняться подбором опытных офицеров и штурманов и без промедления отправить экспедицию на Алеутские острова, назначив старшим такого офицера, «которого бы знание в морской науке и прилежание к оной известно было»¹. И далее предписывалось всем им платить двойное жалование, снабдить наставлениями, навигационными инструментами и картами и особо подчеркивалось, что надо «производить оное предприятие секретным образом, не объявляя до времени сего Указу и Сенату»².

Уже на другой день состоялось заседание Адмиралтейств-коллегии в составе: председательствующего —

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 1,

² Там же, л. 2,

адмирала И. Л. Талызина и членов — адмирала С. И. Мордвинова, генерал-поручика графа И. Г. Чернышева, главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала А. И. Нагаева, главного командира Ревельского порта вице-адмирала Г. А. Спиридова, генерал-цехмейстера Адмиралтейства генерал-поручика И. В. Демидова, генерал-казначей Адмиралтейства генерал-поручика Ивана Ромбурга.

После указа Екатерины II Коллегия вынесла первые определения по организации экспедиции на Алеутские острова и прежде всего для сохранения ее секретности приняла решение: все протоколы и указы по делам экспедиции подписывают только присутствующие на данном заседании. От обер-секретаря Адмиралтейства Ивана Шенина «крепким подтверждением»¹ потребовали всю переписку по делам экспедиции и содержание указа Екатерины II сохранять в «наивысшем секрете»². О всех распоряжениях, событиях, срочных делах по экспедиции разрешалось немедленно доносить Екатерине II через Чернышева и Чичерина.

На этом же заседании рассмотрели предложенный Нагаевым список офицеров для участия в предстоящей экспедиции «и за способного изобрели в помянутую экспедицию старшим послать капитан-лейтенанта Петра Креницына»³.

7 мая Креницына вызвали в Коллегию и объявили, что решением императрицы в Восточные моря отправляется «некоторая дальняя экспедиция»⁴; и на вопрос, желает ли он возглавлять этот секретный вояж, капитан-

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 3.

лейтенант ответил, что «всеохотно желает»¹. Как начальнику экспедиции, ему разрешили выбрать к себе в помощники «достойного морского офицера»² и предложили по своему усмотрению набрать штурманов и в ближайшие дни представить список команды.

Получив такие полномочия, Креницын сразу же попросил утвердить его помощником флота лейтенанта Михаила Левашова, как «достойного и способного» моряка. Члены Коллегии согласились с этой кандидатурой и, взяв с Креницына подписку, что «объявленные ему обстоятельства»³ никому ни под каким видом открыты не будут, пожелали начальнику экспедиции успехов в подготовке к трудному путешествию.

Для подготовки к отъезду из Петербурга Креницыну дали только два месяца. В такой короткий срок надо было сделать очень многое: укомплектовать команду, набрать специалистов-моряков, получить инструменты и основной такелаж, составить необходимую документацию и многое другое, без чего нельзя было пускаться в далекий путь через всю Сибирь к берегам восточных морей.

Левашов не удивился сообщению Креницына. Он знал, что Креницын доверяет ему трудную, но почетную и интересную службу, и поэтому с благодарностью согласился принять участие в предстоящей экспедиции. Своего бывшего командира он уважал за многое, и прежде всего за большую добросовестность, энергию и честность.

Еще в 1758 году морская судьба свела их: несколько лет им пришлось служить на одном корабле, участвовать в морских баталиях и делить все трудности походной жизни. Общие интересы, любовь к флоту и желание быть

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 3.

² Там же.

³ Там же.

полезными своей Родине скрепили их дружбу на долгие годы.

Петр Кузьмич Креницын родился в 1728 году¹ в Псковской губернии. Когда ему исполнилось 14 лет, отец отвез его в Петербург и определил в сухопутный Кадетский корпус. Еще в детстве он слышал от своего родного дяди, бывшего моряка петровского флота, много интересных рассказов о флотской жизни и опасных приключениях на море. Столичный город с множеством кораблей на Неве поразил воображение мальчика. Когда он узнал, что здесь есть школа, где можно научиться славной профессии моряка, он пошел просить, чтобы его приняли в Морскую академию. Настойчивость увенчалась успехом, и 16 октября 1742 года он начал морскую службу в этом старейшем учебном заведении.

И первые годы учебы и вся последующая деятельность Петра Креницына связаны с талантливыми учеными, известными мореплавателями, которые стали его воспитателями, учителями, командирами, а в дальнейшем и товарищами. Это были начальник Морской академии, ученый гидрограф А. И. Нагаев, первооткрыватель Северной Америки А. И. Чириков, знаменитые полярные исследователи двоюродные братья Х. П. и Д. Я. Лаптевы².

Будучи гардемаринном, Креницын в 1743 и 1744 годах совершил первые плавания по Балтийскому морю под руководством своего любимого преподавателя навигации и руководителя практики А. И. Нагаева. Последующие два года он плывал на лоц-галиоте «Лоцман» под командованием лейтенанта Харитона Лаптева и на

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 452, л. 133; ф. 212, указы, д. 13, лл. 555—560.

² Двоюродные братья Лаптевы — выдающиеся участники Великой Северной экспедиции.

*А. И. Нагаев
(1704—1781 гг.).*

корабле «Ингерманланд», где командиром был флота капитан Дмитрий Лаптев.

В ноябре 1746 года Адмиралтейств-коллегия поручила А. И. Нагаеву возглавить первую в России гидрографическую экспедицию по описи Балтийского моря, чтобы дать мореплавателям наилучшие карты этого наиболее опасного водного района. Нагаевым были организованы четыре большие партии, во главе которых он поставил опытных моряков для производства описи и промеров Балтийского моря, Финского и Рижского заливов. В одной из таких партий под командованием флота лейтенанта Василия Винкова с 1747 года начал работать гардемарин Петр Креницын. Перед ним была поставлена задача сделать опись наиболее трудного района финских шхер и северного района Финского залива.

Два года Креницын нес эту почетную службу на фрегате «Аполлон». Много раз пересекало судно Финский залив, находилось в самых опасных местах для того, чтобы мореплаватели могли нанести на карту все подводные камни, мели, рифы и сложную береговую черту и «тем сомнительные прежде бывшие страхи отворотить»¹. На теоретических занятиях в академии Креницын с исключительным усердием и прилежанием изучил математику, астрономию, навигацию, кораблестроительное дело и имел большие успехи по немецкому языку и рисованию. Все это сказалось на практической работе при плавании «Аполлона», и в команде Винкова Креницына знали как лучшего гардемарина. Поэтому ему раньше, чем его сверстникам, по ходатайству Нагаева 1 мая 1748 года присвоили звание мичмана:

Продолжая службу на Балтийском море, уже в звании унтер-лейтенанта, Креницын плавал на судах «Св. Павел», «Егудиил», «Астрахань», совершая переходы в Архангельск и в различные порты Балтики.

Когда в 1757 году Креницын стал лейтенантом, его назначили командиром пинка «Кола», а в следующем году он уже командовал бомбардирским судном «Юпитер», активно участвовал в Северной войне и в 1760—1762 годах «был на баталиях» при осаде крепости Кольберг. В это время на «Юпитере» служил двадцатилетний мичман Михаил Левашов, проявивший отличное знание корабельной службы и большую смелость при обстреле неприятельских батарей, стоявших в устье реки Перзант около Кольберга. За отличие в 1762 году Креницына произвели в капитан-лейтенанты и назначили командиром фрегата «Россия». Сюда уже в звании унтер-лейтенанта перевели М. Левашова, и корабль послали

¹ ЦГАВМФ, ф. 174, д. 46, л. 248.

к Кольбергу для конвоирования русских транспортных судов и захвата неприятельских судов, действующих в районе осажденной крепости.

Герой боев под Кольбергом, опытный флотоводец, будущий флагман русского флота адмирал Григорий Андреевич Спиридов, выражая мнение главных командиров о капитан-лейтенанте Креницыне, писал: «Правление и содержание своей команды имел изрядное, так как должность капитану на корабле быть принадлежит и ныне при порту команду того фрегата содержит добропорядочно»¹. Когда в мае 1764 года Адмиралтейств-коллегия обсуждала вопрос, кого назначить начальником секретной экспедиции, вице-адмирал Нагаев предложил кандидатуру капитан-лейтенанта П. Креницына, как способного моряка, успехами которого он гордился, как учитель и первый наставник в его молодые годы.

Михаил Дмитриевич Левашов родился в 1738 году². В сентябре 1751 года поступил в Морскую академию. Он, как и Креницын, учился у талантливых знаменитых моряков и путешественников, знал Нагаева, братьев Лаптевых и многих других, чьими именами гордился флот России.

В 1752 году было основано новое морское учебное заведение, названное «Морским шляхетным кадетским корпусом». В состав его вошли бывшая гардемаринская рота, Морская академия, сюда перевели учеников Московской навигацкой школы.

Директором нового морского корпуса назначили А. И. Нагаева, а его помощниками стали Харитон Лаптев, Григорий Спиридов, Иван Голенищев-Кутузов и другие не менее известные моряки. В этот корпус в 1753 году был определен кадетом и Михаил Левашов.

¹ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 201.

² Там же, д. 164 и д. 4, л. 210.

В 1755 году на фрегате «Россия» Левашов участвовал в кампании Балтийского флота и в следующем году на 80-пушечном корабле «Св. Николай», которым командовал капитан-командор Дмитрий Лаптев, ходил к берегам Пруссии, после чего гардемаринном служил в Кронштадте.

В апреле 1758 года ему присвоили звание мичмана и командировали его в Архангельск для продолжения службы в эскадре контр-адмирала Николая Ивановича Сенявина. Здесь Левашов проявил организаторские способности и показал себя хорошим командиром корабля. Сенявин, давая ему характеристику, указал: «на корабле командовал так, как надлежит изрядному флотскому капитану, команду содержит весьма исправно и посему заслуживает изрядной аттестации»¹.

Для пополнения Балтийского флота, который в это время вел осаду приморских крепостей Пруссии, в Архангельске спешно строились новые суда, и в 1759 году Левашов участвовал в перегоне из Архангельска в Ревель построенного 66-пушечного корабля. На бомбардирском корабле «Юпитер», где командиром был капитан-лейтенант Креницын, Левашов в 1760 году участвовал в осаде крепости Кольберг, и в следующем году его перевели опять на фрегат «Россия», также действовавший в составе эскадры в блокаде Балтийского побережья Пруссии.

В 1762 году командиром фрегата «Россия» назначили Креницына, который, зная Левашова еще по совместной службе на корабле «Юпитер», отметил его способности и старание в рапорте вышестоящему командованию: «Оный Левашов будучи в команде его и в минувшем году в компании на объявленном фрегате находился

¹ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 305.

добропорядочно и показался в прилежности и знании должности морского офицера, кондуита доброго и к повышению чина быть достойн»¹.

Осенью 1762 года последовал указ о производстве М. Левашова в унтер-лейтенанты, и его вторично послали в Архангельск. Весной 1763 года на корабле, приписанном к Архангельскому порту, он совершил переход в Кронштадт, откуда с грузом ходил в Лондон и осенью этого же года возвратился в Кронштадт. Глубокие познания в различных областях науки, немалый опыт в мореходном деле, отличные знания основ картографии, способности к рисованию, смелость в решении поставленных задач заметно выделяли Левашова и вызывали к нему уважение старших товарищей.

В апреле 1764 года он досрочно получил звание лейтенанта за успешное выполнение заданий командования.

Три года совместной службы на одном корабле во время военных действий флота, любовь к своему делу, к науке и общие интересы — все это укрепляло дружбу Креницына с Левашовым. И когда перед начальником экспедиции встал вопрос, кого взять в помощники для дальнего вояжа, Креницын не колеблясь предложил кандидатуру Левашова.

11 мая 1764 года Адмиралтейств-коллегия, получив согласие М. Левашова отправиться в «некоторую дальнюю экспедицию», также взяла с него подписку сохранять все в «наивысшей тайности» и вынесла решение официально эту «секретную экспедицию именовать Комиссиею, посланною для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в оныя реки»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 305.

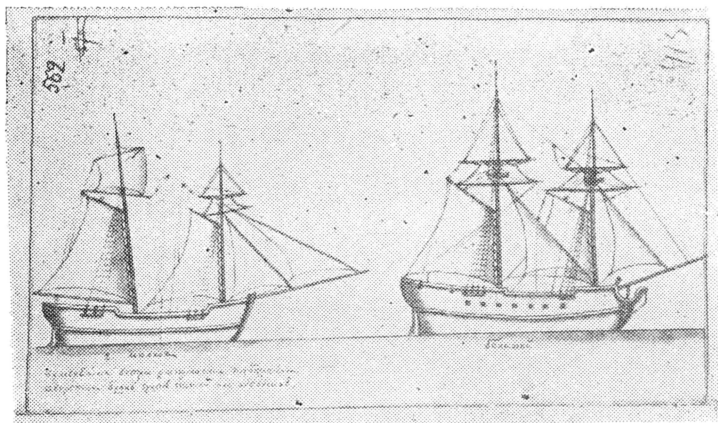
² ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 5.

28 мая 1764 года И. Г. Чернышев доложил Екатерине II о подготовке экспедиции на Алеутские острова и о назначении начальника экспедиции и его помощника. Выразив одобрение, императрица повелела передать для Креницына и Левашова золотые часы. Адмиралтейств-коллегии был отдан приказ срочно составить для Креницына инструкцию и отправить секретный указ сибирскому губернатору Д. И. Чичерину о содействии экспедиции и выделении для нее денег «сколько потребно»¹. В тот же день на вечернем заседании Коллегия предложила А. И. Нагаеву заняться важным и трудным делом — составлением подробной инструкции для экспедиции, а на последующих заседаниях, состоявшихся 9, 14 и 16 июня 1764 года, Адмиралтейств-коллегия обсуждала вопросы, связанные с этой инструкцией, и приняла дополнительное постановление о необходимости начальнику этой экспедиции иметь «секретное прибавление». В последнем указывалось, что в это же время будет отправлена экспедиция под командованием капитана 1-го ранга В. Я. Чичагова «для поиску северо-западного морского прохода из Северного океана от Шпицбергена в Тихий океан к Камчатке»² на трех судах.

В организации этой экспедиции самое деятельное участие принимал М. В. Ломоносов. Он определил главную задачу экспедиции Чичагова — проложить путь через Северный Ледовитый океан к Берингову проливу и далее к Аляске, Японии и Индии. Эскадра экспедиции должна была выйти из Архангельска курсом на Шпицберген и через высокие широты Арктики попасть в Тихий океан. В основу плана легло предположение о том, что центральная Арктика относительно свободна ото льдов.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 597.

² ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 6

Суда экспедиции В. Я. Чичагова (1765 — 1766 гг.).

Экспедиция не смогла выполнить свою задачу. Однако теперь это и не вызывает удивления: мы знаем, что предложенный Чичагову маршрут через Полярный бассейн невозможно пройти даже с помощью современных ледоколов. И все же результаты экспедиции оцениваются положительно: во время плаваний был выполнен значительный комплекс научных исследований, а сам факт попытки осуществить стремление передовых людей России к установлению экономических связей с Китаем, Японией и Индией имел прогрессивное значение.

Предполагая, что экспедиция Чичагова в северной части Тихого океана может встретиться с судами экспедиции, направленными к Алеутским островам, Адмиралтейств-коллегия нашла нужным составить особую систему опознавательной сигнализации и паролей для обеих

экспедиций, снабдив Креницына рисунками судов, отправляющихся с Чичаговым.

По решению Коллегии инструкцию и прибавление запечатали в отдельные пакеты, причем П. К. Креницын должен был вскрыть инструкцию и ознакомиться с ней по прибытии в Тобольск в присутствии губернатора Д. И. Чичерина, «а прибавление на Камчатке, как будет садиться на суда к отправлению в поход»¹. Таким образом, всех подробностей, касающихся задач экспедиции, Креницын не знал, и только в пути ему разрешалось с ними ознакомиться, что также было сделано для сохранения секретности этого важного государственного мероприятия по закреплению за Россией Алеутских островов и Аляски.

Основной состав экспедиции был сформирован Коллегией 16 июня 1764 года. В этот день было объявлено, что все ее участники производятся в следующие чины: капитан-лейтенант Креницын Петр Кузьмич — в капитаны второго ранга; лейтенант Левашов Михаил Дмитриевич — в капитан-лейтенанты; штурманы Дудин-большой Афанасий Андреевич, Дудин-меньший Афанасий Иванович, Шабанов Яков Иванович, Крашенинников Михаил Федорович — в штурманы прапорщичьего ранга; подштурманы Чиненов Сергей Кузьмич, Степанов Александр Артемьевич, Срылов Иван Никитьевич — в штурманы; штурманские ученики Ларионов Конон Дмитриевич, Страхов Петр Михайлович — в подштурманы; матросы Абрамовский Родион Иванович, Лошкарев Кирилл Иванович, Иванов Евдоким Иванович, Моторный Егор Агафонович — в квартирмейстеры и солдат Шипицын Иван Леонтьевич — в капралы. Эти новые звания входили в силу после принятия присяги в Тобольске. Одновремен-

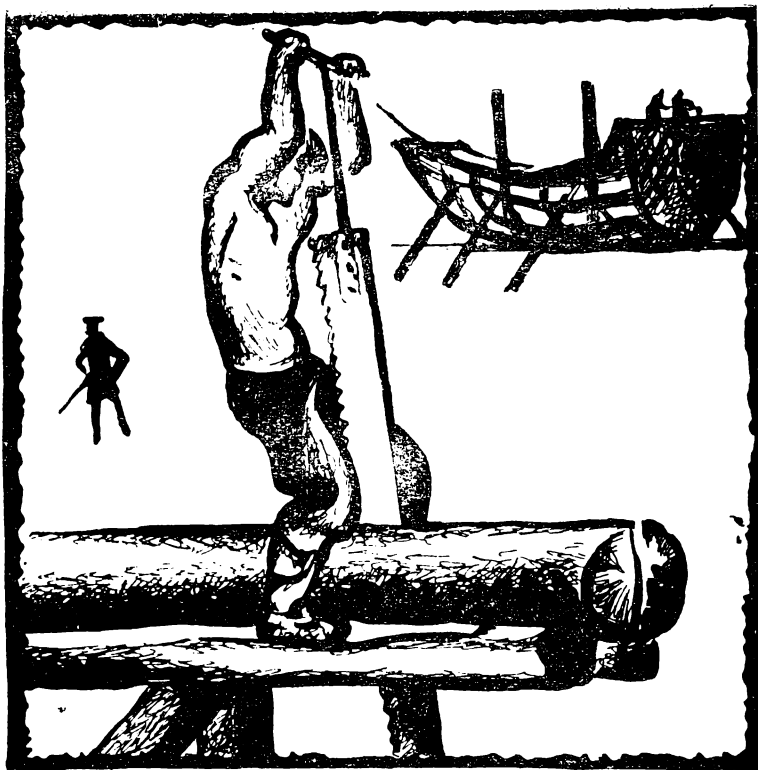
¹ ЦГАВМФ, ф. 212, II отд., д. 451, л. 7.

но участникам назначался двойной оклад жалования в период работы экспедиции.

Этой группе в 16 человек предстояло выполнить большую и трудную работу: проехать через всю Россию к берегам Тихого океана, сформировать экспедицию, построить корабли и начать морской поход к американским островам.

При отправлении из Петербурга всем им под секретом было сообщено, что данная экспедиция организована «для точного разведания сысканных вновь неизвестных разных островов»¹, а все остальное было указано в двух секретных пакетах, врученных начальнику экспедиции. Никто из них не предполагал, что только шесть человек из 16 через 7 лет вернутся в Петербург, а остальные десять погибнут в борьбе с непредвиденными трудностями этого далекого путешествия.

¹ ЦГАВМФ. ф. 212, II отд., д. 451, л. 8.

Глава III. К БЕРЕГАМ ОКЕАНА

Важнейшими задачами экспедиции Креницына — Левашова были географические исследования и открытия в северной части Тихого океана. После Второй Камчатской экспедиции это была первая научная экспедиция

в северную часть Тихого океана, которой предстояло исследовать и нанести на карту многочисленные земли, открытые после Беринга и Чирикова.

Уже через два месяца после указа Екатерины II об экспедиции на 42 подводках покинул Петербург. 1 июля 1764 года Креницын рапортом доложил: «Государственной Адмиралтейской коллегии от отправляющегося для описи по рекам Каме и Белой лесов... По силе данного мне от оной коллегии указу в повеленной путь в первой партии сего июля в первый день отправился и об оном Государственная Адмиралтейская коллегия благоволит быть известна»¹. Везли только самое необходимое: геодезические инструменты, часть такелажа и личные вещи, рассчитывая налегке быстрее добраться до места, а все недостающее закупить в сибирских городах и там же набрать для экспедиции людей различных специальностей. Ехали через Тверь, затем на баржах по Волге до Казани и опять сухим путем через города Кунгур, Екатеринбург, Тюмень.

17 сентября 1764 года прибыли в столицу Сибири — город Тобольск. В тот же день Креницын явился к Д. И. Чичерину и вручил ему секретный пакет с инструкцией.

В инструкции обращалось внимание на то, «сколь важно открытие новых неизвестных островов и сколь необходимо знать надобно точное положение оных»². Многие Алеутские острова открыли люди, «не имея ни малу к тому необходимого знания»³, поэтому требовалось положить острова на карту по счислению и собрать о них наиболее полные сведения. Далее указывалось, что по прибытии в Тобольск «сию Инструкцию показать в ори-

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 77, л. 93.

² Там же, л. 548.

³ Там же.

гинале по секрету»¹ Чичерину и от него получить наставление и помощь по снабжению и организации экспедиции для дальнейшего следования и все исполнять, «нигде не теряя время»².

На Камчатке надлежало в качестве пассажиров сесть на суда промышленников, отправляющихся к Алеутским островам, и тщательно вести «во всех путях счисления, и всех приключений наблюдения, и примечания подлежащих к описи окрестностей»³.

А чтобы знать, каким образом «сыскивать ширину мест чрез обсервацию солнца, склонение компаса в разных местах плавания»⁴, предписывалось руководствоваться прилагаемым наставлением, составленным гидрографом вице-адмиралом Нагаевым.

Во все время путешествия Креницын и Левашов должны были каждый в отдельности вести журнал и «сочинять всякому от себя карту не дожидаясь один другога»⁵.

Чтобы всесторонне изучить новые земли и собрать материалы по самым различным вопросам, экспедиция должна была в те же журналы записывать «подлежащее для курьезности известия»⁶ о растительности, животном мире и особо отмечать то, чего нет в России.

Если на островах окажутся леса, «супротив российских отличные»⁷, говорилось в инструкции, то брать семена тех деревьев, а если найдутся какие металлы, то привезти их для пробы и изучения. Ставилась также зада-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 549.

² Там же.

³ Там же, л. 549 об.

⁴ Там же, л. 550.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 550 об.

⁷ Там же.

ча всесторонне ознакомиться с народами, обитающими на тех островах, с тем чтобы постараться склонить их к переходу в русское подданство. Поэтому предлагалось большое внимание уделить изучению их быта и нравов: «какое платье и обряд около себя имеют, как домовно живут, какую пищу употребляют; какие промыслы имеют; какое богослужение отправляют; есть ли хлебородие и хлебопашество, и сколько велико; какой скот и дворовые птицы, кроме дичи; также их обхождение; стараясь сколько возможность допустит и чему возможно же будет снимать рисунок»¹.

Так как пассажирам купеческих судов не всегда удобно производить обстоятельные описи и исследования, то Коллегия предлагала, если возможно, использовать и лучший вариант — организовать морскую экспедицию. Рекомендовалось специально для путешествия нанять промышленные суда или использовать имеющиеся в Охотске и на Камчатке казенные суда; если же таковых не найдется, разрешалось построить новые боты.

На Камчатке Креницыну предлагалось взять в путешествие казака Савина Пономарева и других лучших мореходов, знатоков Алеутских островов, и идти на северо-восток, к островам Беринга и Медному, а затем «прямо к Умнаку курсами, тому Пономареву и прочим его товарищам знаемыми; и стараться вам всячески ускорять приходом своим к островам Умнаку или Уналашка»². При-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 550 об. Рисунки, выполненные участниками экспедиции, представляют большую историческую ценность. Эти первые изобразительные материалы по этнографии алеутов найдены автором в фондах ЦГАВМФ и впервые (11 рисунков) опубликованы им в журналах «Природа» (1969 г.) и «Наука и жизнь» (1971 г.), если не считать четырех рисунков, которые поместил Ф. А. Голдер в своей книге о плавании В. Беринга, изданной в 1922 году в Нью-Йорке.

² Там же, л. 552 об.

сдав к островам, экспедиция должна была взять от местных жителей, «обойдясь с ними как возможно ласковее»¹, сведения о всех тех 16 островах, о которых те жители рассказывали Пономареву.

У алеутов острова Умнак Креницын должен был «особливо доведываться о курсах и расстояниях до лесных неизвестных островов, яко то и Алакшака многолюдного, при котором уже судно российское купца Бечевина зимовало, до Кадьяка и Тыгачь-Таны»² и идти к острову Шугачь-Таны, на котором, по сведениям промышленников, жители «имеют у себя палаши, зеркала и чернильницы с перьями, чем является знак, что они получают оные от европейцев, приезжающих к ним с американского берега, отстоящего от них близко»³.

Выяснению вопроса, имеет ли местное население общение с другими государствами, придавалось большое значение, и поэтому в инструкции было указано, как познакомиться и вести беседы с населением неизвестного острова Шугачь-Таны, чтобы узнать от них, далеко ли от того острова «матерая американская земля»⁴ и в каком подданстве состоит, кому они платят дань, есть ли на той американской земле города.

Подобные вопросы Креницын должен был задавать и на всех других островах, где придется быть.

От острова Шугачь-Таны инструкция рекомендовала идти обратно к острову Умнаку, мимо островов, «о которых казаку Пономареву умнацкие жители объявили»⁵ и во время пути производить съемку этих островов для составления точной карты.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 552 об.

² Там же.

³ Там же, л. 553.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 553 об.

Экспедиции предлагалось выбрать для зимовки «десной, жилой и многолюдной»¹ остров Алахшак и постараться выяснить, в какой близости от него «отстоит западный американский берег»², а зимнее время использовать для обследования островов, производства инструментальной съемки и изучения жизни алеутов.

На островах Умнак и Уналашка экспедиция должна была узнать от жителей, нет ли поблизости от Умнака «Большой земли» (Аляски.— И. Г.) или других островов и имеют ли они сообщение и связи с жителями тех земель. И если окажется, что они имеют сведения о той «Большой земле», идти к ней на судне или байдарках и узнать протяженность ее западных берегов к северу и местоположение относительно Чукотского мыса и Камчатки.

При обратном плавании экспедиции поручалось пройти около тех «13-ти островов, которые казак Пономарев, возвращаясь от Умнака к Камчатке, видел, оставляя их вправо, а прошед их плыть... и сквозь все Алеутские острова, описывая их величины и виды так, как порядок описи велит»³, и далее следовать к Командорским островам, а затем к Камчатскому острогу, откуда начали путь, что даст возможность точно определить по счислению географическое положение Алеутских островов и «матерой земли американской»⁴.

При благополучном возвращении из похода от Креницына требовалось оставить на Камчатке одного штурмана и одного подштурмана для присмотра за корабельными припасами, а самому с картами и морскими журналами срочно ехать в С.-Петербург, причем предупрежда-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 554.

² Там же.

³ Там же, л. 555.

⁴ Там же, л. 555 об.

ли, чтобы с этих «карт, журналов и со всего производства никому никаких копий не давать, а показать можно только одному господину губернатору»¹.

Заканчивается инструкция постановлением Коллегии — для руководства выдать Креницыну указ 1724 года «О делах тайности подлежащих», «экстракты» из морских журналов, копии карт плавания капитан-командора Беринга, капитана Чирикова, лейтенанта Вакселя и мастера Хитрова, а также копию карты Петра Шишкина и полярной карты Ломоносова.

Чичерин счел возможным дополнить инструкцию своими замечаниями-и рекомендациями, которые он адресовал Креницыну, а копию послал в Коллегию. Губернатор соглашался с Креницыным, что лучше отправиться в плавание не на купеческих судах, а на специально построенных в Охотске, которые можно укомплектовать командой и такелажем по собственному усмотрению.

Касаясь состава экспедиции, Чичерин предложил взять несколько учеников навигацкой школы из Иркутска и Томска, но прежде проэкзаменовать их и отобрать 9 самых достойных, способных к предстоящему вояжу. Советовал всей эскадрой обязательно зайти в Петропавловскую гавань на Камчатке, «где можете от тамошних жителей, бывших в море, обо всех обстоятельствеях к тому вояжу яснее и подлиннее получить уведомление и способных к тому вояжу людей взять... и план вояжу лутче сочинить можете»².

Чичерин подчеркивал, что «лутчей способ к произведению экспедиции»³ — пригласить на свои суда вольных промышленников Камчатки, «которые могут своим кош-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 556.

² Там же, л. 567.

³ Там же, л. 571 об.

том ехать»¹ и знают обычаи населения тех островов, куда они ходили на промысел зверей.

Указывая дальнейший маршрут следования экспедиции от Тобольска, Чичерин писал, что по прибытии на Ленскую пристань надо все погрузить на приготовленные уже суда, «не упуская времени ни одного дня»², и Леною идти до Якутска, затем, пересев на другие суда, по рекам Алдану и Юдоме доехать до Юдомского креста и оттуда сухим путем ехать до Охотска. И чтобы «остановки не учинилось»,— говорилось в письме Чичерина,— направлены нарочные для указания властям сибирских городов и Камчатки о содействии и помощи экспедиции, а в Охотск выехал специальный курьер с приказом построить для секретной экспедиции два новых судна и отремонтировать старые. Кроме того, был послан указ, чтобы охотская канцелярия и главный камчатский командир, капитан-поручик И. С. Извеков, выполняли все требования экспедиции.

Одновременно Чичерин представил «нескольких уже известных сысканных купцами Алеутских островов основательное описание»³ и уведомил, что получено известие с Камчатки о судьбах некоторых промышленных судов. Судне купца Башмакова, вышедшем в 1762 году в море, до сих пор нет никаких сведений. Байдары с 14 промышленниками, которые в 1760 году вышли в море, пристали к неизвестному острову, но обратно не возвращались. Судно купца Андреяна Толстых ушло на восток, в 1762 году разбилось, оставшиеся люди живут на дальних Алеутских островах, и поэтому, указывал автор письма, необходимо разыскать их и вывести на своих судах.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 571 об.

² Там же, л. 565 об.

³ Там же, л. 568.

Инструкция Адмиралтейств-коллегии и разъяснения Чичерина дали возможность разобраться не только в задачах и целях экспедиции, но и представить себе трудность их выполнения. Отдаленность основной базы Камчатки от экономических районов, малая обжитость осложняли положение путешественников.

Креницын понимал, что в этих условиях успех зависит прежде всего от хорошей подготовки экспедиции, то есть от умелого подбора офицеров, матросов, мастеровых, доброкачественной постройки мореходных кораблей и достаточного снабжения продовольствием и техническими материалами. Вот поэтому для решения многих непредвиденных вопросов пришлось задержаться в Тобольске и готовиться к походу более основательно.

15 февраля 1765 года партия экспедиции, возглавляемая Левашовым, покинула Тобольск, а 5 марта Креницын, получив от Чичерина письмо с указаниями, выехал на курьерских, стремясь нагнать свои обозы. Проездом через Томск он в местной навигацкой школе произвел экзамен и трех достойных школьников взял к себе в команду, дав им первоначальное звание — «штурманский ученик».

В Иркутске Креницын пополнил команду еще 6 матросами и, приехав в Качуг на Лене, организовал сплав экспедиции в Якутск, куда он прибыл с последней партией 5 июня 1765 года. Здесь из местной команды было взято в экспедицию 30 человек казаков. Не теряя времени, готовились к дальнейшему переходу, «укладывая в сумы и ящики материалы, в каждую суму и ящик по два с половиной пуда»¹, и в июле отдельными партиями стали продвигаться к Охотску по рекам Алдану, затем Юдоме до Юдомского креста, а оттуда на лошадях через болота,

¹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, л. 131, л. 241 об.

по бродам рек, по лесовалежнику и горам добрались до берега океана.

В Охотск экспедиция прибыла в конце октября 1765 года.

Еще при выезде из Петербурга Креницын обещал Нагаеву регулярно сообщать о всем примечательном, увиденном по пути следования. В архивном фонде Нагаева сохранились только пять писем Креницына, представляющих немалый интерес, поскольку это была не официальная переписка, а личные впечатления и заботы о судьбе экспедиции. В письме из Тобольска, датированном 15 марта 1765 года, Креницын благодарит А. И. Нагаева за письмо от 6 декабря 1764 года, в которое были вложены письма от жены. Он сообщает Алексею Ивановичу, что тобольские жители приняли их «с особой ласковостью»¹, однако его огорчает известие, что для строящихся в Охотске двух судов нет никакого такелажа и он «принужден все такелажи и канаты делать новые в Тобольске»², из-за чего теряется время. Креницын обещает употребить все средства, чтобы как можно скорее перевезти на Камчатку все необходимое и «выйти на море какое бы то время позднее не было»³, чтобы дойти до Берингова острова и там зимовать, а затем «с пособными ветрами выйти в повеленной путь»⁴.

Заканчивает Креницын свое письмо описанием, как крестьяне Сибири обрабатывают землю и разводят скот, и подчеркивает, что «по Сибири хлеб родится очень хорош и земли также хороши, а пахарей на ней хороших нет, а ежели бы наши русские пахари, то бы умножение

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 91.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 91 об.

хлеба и скота было весьма больше»¹. В конце Креницын просит прислать ему новый «нынешнего года календарь»² и одновременно переслать письма от жены в Тобольск к губернатору, так как оттуда есть специальная оказия по доставке его корреспонденции.

- По прибытии в Енисейск Креницын также поделился с Нагаевым впечатлениями о пройденном пути, сообщая, что особо достойного примечания нет, но поразила его тайга с «великим множеством кедровику, которого нельзя сказать, что много, а великая пропасть, также пихт и соснового леса»³.

Из Иркутска вместе с письмом он послал Нагаеву «для пробы здешний иркутский синей краски, которой в городе великое множество»⁴, и сообщил, что в здешних местах погода в апреле была такая же, как и в Петербурге.

Помня о личной просьбе Нагаева — по пути следования уточнять и определять широту основных сибирских городов и отдельных приметных мест, Креницын, будучи на Усть-Илимской пристани, сообщил Нагаеву, что в этом месте не удалось определить широту, так как солнце все время было закрыто тучами. В этом письме, отправленном 15 мая, Креницын пишет, что «здесь еще тепла и по сю пору нет и зелень не показывается»⁵. Зная большой интерес Нагаева к историко-географическим материалам, Креницын приобрел в Якутске костяную ложку и нитки из китовых жил, вывезенные промышленника-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 91 об.

² Имеются в виду публикуемые Академией наук «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». Первый выпуск назывался «Календарь или месяцеслов исторической и географической».

³ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 93.

⁴ Там же, л. 94.

⁵ Там же, л. 95.

ми с дальних восточных островов, и отослал лично Нагаеву. «Да при том,— сообщает Креницын в письме,— достал я здесь несколько журналов и карт секретных, которые потому ж к вашему высокопревосходительству при сем посылаю да мужичью Алеутских островов карту»¹. Поскольку Креницыну приходилось заниматься и закупкой товаров для экспедиции, он счел необходимым упомянуть в письме, что «здесь все весьма дорого»².

Строившиеся в Охотске два судна — бригантина (длина — 60 футов, ширина — 19 футов 2 дюйма, оснастка — 9 футов) и гукор (длина — 55 футов, ширина — 18,5 фута, оснастка — 9 футов) — к приезду Креницына еще не были готовы: устанавливали шпангоуты и делали наружную обшивку. Работа шла крайне медленно, не хватало леса и металлического крепления, а главное многие части судов были сделаны из гнилой древесины.

Креницын энергично взялся достраивать суда и исправлять дефекты. О положении дела со строительством судов он рапортом доложил Чичерину, который послал сообщение в Петербург: Креницын «уверяет, что нынешним летом в повеленной вояж действительно выступит. Медленность тому причиною несмотрение тамошних командиров повеленные к строению там суда окончены гнилым лесом, что уже он Креницын старается своими трудами и прилежаниями исправить»³.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 85.

² Там же.

³ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 355.

Глава IV. НАЧАЛО БЕДСТВИЙ

В конце августа 1766 года подготовка экспедиции была завершена. Два новых судна спустили на воду и заканчивали последние приготовления к предстоящему походу. Эскадру экспедиции составили четыре судна: два но-

вых — бригантина «Св. Екатерина» (73 человека, командир П. К. Креницын, он же начальник экспедиции) и гукор «Св. Павел» (53 человека, командир М. Д. Левашов), два старых, находившихся в Охотском порту, — галиот «Св. Павел» (44 человека под командой штурмана А. Дудина-меньшего) и бот «Св. Гавриил» (22 человека под командой штурмана А. Дудина-большого).

На все суда погрузили годичный запас провианта, пушки, ружья, порох, промысловое снаряжение и вещи для подарков.

Несмотря на осеннее время, когда Охотское море особенно неспокойно, Креницын, исполняя указания Коллегии, принял решение идти на Камчатку и 10 октября направил в Петербург секретный рапорт: «сего числа в повеленной мне секретный вояж со всею командою отправился на трех секретных судах, а четвертое последовало с провиантом для довольствия оным в зимнее время служителей...»¹. Учитывая опасность предстоящего похода, Креницын в этом же рапорте пишет, что так как эскадра выходит поздно и возможно все суда разнесет ветром, то приказано всем командирам идти в Петропавловскую гавань.

1 октября начальник экспедиции отдал приказ перебраться на свои суда и всем участникам плавания с сего дня начать производить выдачу «морского провианта».

В час дня 11 октября пушки флагманского корабля бригантины «Св. Екатерина» дали залп, и все суда «отдали марсели, натянули шкоты... стали сниматься с якоря... и пошли в путь свой из устья реки Охоты»². Но уже второй день плавания резко изменил планы экспедиции. Спокойная погода вдруг сменилась штормом и туманами,

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 315.

² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 7.

суда разлучились, и каждое из них продолжало плавание самостоятельно.

Как только вышли в открытое море, в бригантине открылась сильная течь, и с каждым часом «воды в судно стало прибывать весьма много так, что стали лить в обе помпы безотходна»¹. Корабельный мастер объявил, что эту течь можно устранить только по прибытии в порт. Помпы работали все время, и одновременно отливали воду ведрами и котлами. По-прежнему штормило, дождь сменялся мокрым снегом, низкая облачность создавала частый туман, сильные ветры поднимали большие волны.

17 октября увидели западный берег Камчатки и стали держать курс к реке Большой. Течь все усиливалась, и 20 октября на консилиуме решили идти на зимовку к маяку, стоящему в устье ближайшей реки Воровской (на западном берегу Камчатки).

23 октября бурная погода сменилась почти полным штилем, паруса обвисли и судно вынуждено было стать на якорь. Сверка по карте показала, что устье реки Большой находилось к северо-востоку на расстоянии примерно в 5 миль. На следующий день поднялся сильный ветер, налетел шквал и судно начало дрейфовать к берегу. Убрали все паруса, отдали якорь и дрек², но по-прежнему корабль несло к берегу.

Креницын срочно собрал консилиум обер-офицеров и бывалых на море казаков и матросов. Посоветовавшись, решили попытаться поднять якоря и отходить в море, но сделать этого не смогли: якоря при дрейфе глубоко вошли в грунт и поднять их было невозможно. Некоторые советовали отрубить их, «однако сего учинить было невозможно понеже якорь так и дрек положены были пос-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 112, л. 8.

² Д р е к — небольшой якорь.

ледние без которых в море пуститься было, и притом от великой в судне течи, весьма опасно»¹.

Ветер не утихал, шквал сменялся шквалом. 25 октября порвался канат от дрека, судно заметно сносило к берегу. Вся команда уже несколько суток не отдыхала, люди напрягали последние силы, чтобы спасти корабль.

В 3 часа дня Креницын собрал всех служителей для «словесного консилиума»², который и решил «для спасения людей и интереса»³ отрубить якорный канат и выбросить судно на берег. В 8 часов вечера очередным шквалом бригантину левым бортом выбросило на прибрежную отмель. Команда с трудом выбралась на берег.

«С превеликою нуждою достали огня»⁴, разожгли костры и несколько обогрелись, так как «от дождя, мокрого снега и от плескания чрез судно воды все обмокли»⁵, после чего штурманы по приказу Креницына с «превеликою трудностью»⁶ вынесли на берег секретные документы и денежную казну. Остальные в это время собирали выброшенные волнами некоторые личные и казенные вещи. Утром услышали на судне треск: это ломались мачты бригантин. Все моряки «как от работы, так и от мокроты, холода и страха весьма охладели так, что будучи на берегу, едва ходить могли»⁷. Бывалые на Камчатке казаки определили: место крушения бригантин — в 25 верстах выше Большерецка и в двух с половиной верстах к югу от реки Утки. Немедленно Креницын послал в Большерецкий острог нарочного казака Андрея Серми-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, л. 112, л. 22.

² Там же, л. 23.

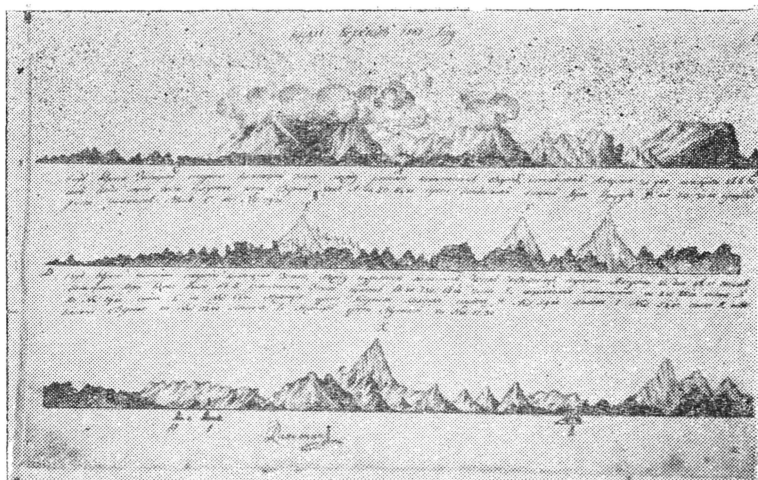
³ Там же.

⁴ Там же, л. 24 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 25.

⁷ Там же.

Виды берегов Камчатки.

на «для уведомления о таком несчастье»¹ с требованием прислать людей для сбора и сохранения выброшенного на берег казенного провианта и снаряжения.

Большие испытания выпали на долю гукора «Св. Павел». Как только суда разлучились, Левашов принял решение идти в устье реки Большой — к условленному месту встречи с флагманским кораблем. К Камчатке подошли 18 октября. Видимость была очень плохая, дождь сменялся мокрым снегом, и сильные ветры вздымали холодные осенние волны Охотского моря. Такая обстановка заставила вахтенного записать в журнал: видимый берег Камчатки «за мрачностью признать было не можно»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 112, л. 25.

² Там же, д. 116, л. 12.

С северо-запада шли частые шквалы и «развело великое волнение»¹, а 20 октября начался сильный шторм. Убрали паруса, положили два якоря, однако вскоре заметили, что «силою ветра и волнением дрейфует нас к берегу и итить до Большерецкого устья никак не можно»². Следующий день не принес особого облегчения, ветер немного утих, но шторм продолжался, и волны заливали палубу, а вечером выпал град «величиной с грецкий орех»³.

23 октября при тихом ветре снялись с якоря и пошли курсом на Большерецк. Вскоре наступило безветрие, пришлось убрать все паруса и стать на якорь. В 7 часов утра снялись с якоря и через три часа увидели Большерецкий маяк. На расстоянии трех верст от устья реки Большой, где уже стояло у берега какое-то одномачтовое судно, похожее на бот «Св. Гавриил», бросили якорь в ожидании полной воды⁴.

Опасаясь, что ветер может перемениться и судно снесет на берег, Левашов приказал идти в море, но, не успев еще поднять якорь, 24 октября в 7 часов вечера «от крепкого ветра и великого волнения судно с якорем стало дрейфовать, тогда положили последние два дрека весом по 5 пудов и на глубине 12 сажень остановились»⁵. А шторм все нарастал, волны переваливались через палубу, судно опасно кренило, и в 10 часов вечера мощным валом сорвало укрепленный на палубе ялбот и бросило на правый борт, сильно повредив его.

25 октября положение стало еще более опасным. В 11 часов утра порвало канат большого якоря, и гукор начал

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 13 об.

² Там же.

³ Там же, л. 14.

⁴ Полная вода — прилив.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 18.

заметно приближаться к берегу. Тогда Левашов собрал всю команду «и за скоростью сделали словесный консилиум, в котором по общему согласию положено... итить прямо на берег»¹. Покрытые брезентом люки срочно заколотили досками, чтобы вода не могла попасть в трюм, отрубили у верпов² и дреков канаты, подняли фок³ и пошли прямо на берег.

Все вышли на палубу, готовясь при ударе судна о грунт выскочить на берег, но случилось непредвиденное. В 12 часов дня огромным валом все судно накрыло водой, а служителей бросило к противоположному борту и три раза килем ударило о землю, а потом гукор опять оказался на свободной воде. Через час вновь почувствовали удары о грунт, в результате чего вышибло руль, неуправляемое судно понесло к низменному берегу и правым бортом выбросило на отмель в 7 верстах к северу от устья реки Большой. Люди благополучно сошли на берег и начали крепить гукор, чтобы не унесло его в море.

Наиболее удачно завершился поход «Св. Гавриила» под командованием штурмана Дудина-большого. Он успел войти в устье реки Большой, и только потом тот же шторм выбросил его на сушу. Повреждений особых не было, и команда спокойно сошла на берег.

Трагически сложилась судьба галиота «Св. Павел» под управлением штурмана Дудина-меньшего. После того как галиот разлучился со всеми судами, он пошел прямо в Большерецк, но еще в открытом море у него сильным штормом порвало паруса. В последних числах октября северо-западным ветром вынесло галиот Первым Курильским проливом в Тихий океан. Убедившись, что в

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 18 об.

² В е р п — небольшой якорь, употребляемый как вспомогательный при буксировке судна.

³ Ф о к — нижний прямой парус на передней мачте.

Большерецк нельзя попасть, Дудин все время старался дойти до Авачинской бухты, но постоянный снег, дождь и крепкие встречные северные ветры не позволили войти в Авачу.

12 ноября вечером при большой пасмурности подошли к какому-то берегу и стали на якорь в 20 — 25 сажнях от него, дожидаясь, когда разойдется туман, чтобы «уточнить счисления и взять обсервации»¹.

Несколько раз стреляли из пушек для сигнала, не придет ли кто на байдаре. Командир спрашивал всех служителей, не знают ли, где стоит судно, против какого берега. Сказали, что «совсем им оной берег не приметен потому, что берега все уже покрыты были снегом»². В полдень, определив по квадранту широту места, Дудин установил, что они находятся в трех милях севернее бухты Авача. Подняли якорь и, поставив оставшиеся паруса, пошли к Авачинской гавани. Внезапный встречный ветер не дал возможности подойти к гавани, и так как около берега уже носились льды и лавировать³ было опасно, убрали паруса и, чтобы не относило к берегу, положили два якоря.

24 ноября в полдень из Авачинского острога приехал на байдаре казак Василий Усов. Дудин послал его на берег за пресной водой, «которой уже недели две не было; служители от стужи, слякоти и без воды находились в слабости, больных было с треть команды»⁴.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 475 об. Счисление — определение места корабля по пройденному пути и времени. Обсервация — определение места корабля путем астрономических наблюдений или по береговым предметам.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 476.

³ Л а в и р о в а т ь — идти к цели переменными курсами.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 476 об.

К вечеру Усов привез воды, и опять его послали на берег с заданием срочно собрать как можно больше байдар для отбуксирования судна в гавань. Уже поздно вечером со стороны берега подул сильный ветер со шквалом и снегом, около судна несло много льдов, и галиот начал дрейфовать. При этом у одного якоря лопнул канат, стали вытаскивать второй якорь, «чтобы вовсе без якорей не быть безнадежным»¹, но и у этого якоря оборвался канат. Поставив бизань², легли в дрейф, «и носило нас крепкими ветрами при снежных погодах и морозе весь декабрь месяц севернее и южнее Авачи»³.

Судно ушло далеко от берега, последние паруса изорвались, реи⁴ изломались. С каждым днем все больше прибывало воды в трюме, и ее не успевали выливать ведрами и котлами. Был уже январь. Стужа, недостаток провианта и питьевой воды, отсутствие свежей и горячей пищи — все это сказалось на состоянии людей. Команда галиота считала себя погибшей. Из 46 человек экипажа четверо уже умерли от болезней и один утонул, сбитый волной с палубы. «Больных умножалось, что и трети не было кои на ногах ходить могли и те все слабые, того ради и созвав которые еще хотя мало сил имели и с коими не имея надежды притти к камчатским берегам с общего письменного согласия положили итти к какой ни есть земле для спасения людей прямо на берег»⁵.

9 января 1767 года вечером неожиданно увидели землю. Не успели осмотреться, как налетевший шквал и быстрое течение бросили судно на каменные утесы неиз-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 476.

² Бизань — нижний косой парус на самой задней мачте.

³ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 476 об.

⁴ Рея — горизонтальное бревно, подвешиваемое поперек мачты, на котором крепится прямой парус.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 477.

вестного берега. Галиот менее чем за четверть часа полнотью разбило, и все, что на нем было, потонуло, 14 человек, в том числе командир Дудин-меньший, спаслись вплавь, остальные 27 человек погибли. Оставшиеся предприняли поиск возможного жилья и вскоре встретили курильцев, которые и рассказали им, что это Курильский остров Сияф-Кута, а сами они случайно здесь зимовали, едуци на дальние острова.

«А есть ли б их неприлучилось,— рассказывает Дудин в своем рапорте,— то всем нам помереть с голоду и стужи для того, что на седьмом острове Сияф-Кута нет ни жилья ни лесу, кроме малого сланцу или кедровнику и все покрыто было глубоким снегом, курильцы на нем не живут, но токмо зимуют по случаю»¹. Жители приняли моряков в свои земляные юрты и немного помогли продовольствием. Полмесяца питались найденными при крушении судна двумя сумами провианта, а после — выброшенным на берег китом, место нахождения которого показали курильцы, затем морской капустой и дягильным кореньем «коего у них было немного запасено»².

В апреле кита уже не стало, начали собирать на побережье ракушки, изредка удавалось убить тюленя или бобра. В конце мая вместе с курильцами переехали на второй остров, где было много рыбы, и это основательно помогло в питании.

Семь месяцев находилась команда галиота на Курильских островах, и только в конце августа 1767 года на байдарках местных жителей она возвратилась на Камчатку.

Бедствие, постигшее экспедицию, не сломило волю ее участников. Креницын принял все меры к сохранению вы-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 478.

² Там же.

брошенного на берег имущества и продовольствия и дал указание немедленно приступить к ремонту оставшихся двух судов.

Из Большерецка он направил партии людей к месту аварии судов для спасения имущества, строительства юрт и для караула складских помещений. Вскоре Левашов сообщил, что гукор «Св. Павел» снят с мели и отбуксирован в отстойное место, где будут его ремонтировать.

Все команды кораблей, за исключением оставшихся для караула, прибыли в Большерецк, и Креницыну с Левашовым пришлось проявить много заботы об организации этой вынужденной зимовки. Надо было прежде всего подумать о продовольствии, большая доля которого утонула или была подмочена, а поэтому временно не годилась в пищу. Помогла предусмотрительность капитана А. И. Чирикова, участника Второй Камчатской экспедиции. Будучи на Камчатке, он в 1740 году закупил специально для экспедиции табун оленей, которыми пользовались при переездах и питались. И вот теперь, очень кстати, начальник Камчатки капитан-лейтенант Иван Степанович Извеков сообщил Креницыну, что этот казенный табун из 497 оленей существует и отвечает за него матрос Сметанин, приставленный к табуну еще Чириковым. Извеков просил Креницына сменить Сметанина по старости и распорядиться этими оленями по своему усмотрению.

Зимой 1767 года Креницын переехал в Нижнекамчатский острог, откуда продолжал руководить всеми делами экспедиции. Прежде всего надо было подыскать подходящее для дальних плаваний судно, так как экспедиция лишилась самого крупного корабля, а старый бот «Гавриил» не годился для таких целей, гукор же «Св. Павел» требовал большого ремонта. Надо было на месте найти якоря, да и почти все снаряжение. Креницын попытался подобрать судно из купеческих, для чего два раза ездил

осматривать выброшенные на берег суда промышленников, но они оказались в таком состоянии, что их нельзя было даже отремонтировать.

18 января 1767 года Креницын сообщил в Адмиралтейств-коллегию, что галиот «Св. Екатерина», на котором лейтенант Синдт¹ 21 сентября 1766 года возвратился в устье реки Камчатки из плавания к берегам Америки, годен для дальних походов, но окончательного решения, какие суда будут взяты в экспедицию, он пока не принял.

Еще в ноябре 1766 года Креницын поручил Извекову представить сведения, в каких местах Камчатки «железная руда имеется и где для того завод или печки учреждены»². На этот запрос последовал ответ, что в районе Верхнекамчатского острога в деревне Мильково около речки Амшарик найдена железная руда «в буграх поверх земли, а местами и в землю ушла в аршин в два и больше»³, а выплавкой занимается купец Глазачев, который за год выплавил 11 пудов железа. 5 пудов он отправил в Нижнекамчатский острог, а 6 находится в наличии, и еще он может выплавить 9 пудов.

Вскоре в кузницах Верхнекамчатского и Нижнекамчатского острогов начали ковать якоря и верпы из местного железа.

28 апреля 1767 года кузнец Дмитрий Пануков доложил Креницыну об изготовлении 14-пудового якоря, выкованного в слесарных мастерских Глазачева. Сроки на изготовление были слишком малы, железа не хватало, и Ле-

¹ Синдт (Синг, Синд) Иван — участник Второй Камчатской экспедиции Беринга. На пакетботе «Св. Петр» под командой Беринга плавал к берегам Америки.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 80, л. 93.

³ Там же, л. 93 об.

вашов разрешил кузнецам для верп «вместо укладки наваривать топоры»¹.

Чтобы не упустить время в ожидании доставки материалов и продовольствия из городов Сибири, Креницын разослал команды в различные концы Камчатки для заготовки материалов, необходимых для ремонта и оснастки судов: гнали смолу, заготавливали лес, строили байдары, делали бочки, варили из морской воды соль, а специальные команды занимались охотой и рыбной ловлей, заготавливая мясо и рыбу впрок.

Находясь в этих краях, Креницын проявлял особую предусмотрительность и бережное внимание к лесным и охотничьим богатствам Камчатки. Направляя людей в командировку, он давал им письменный указ, в котором отмечалось, куда направляется командированный, содержалась просьба к властям оказывать ему содействие, и особенно разъяснялось, как вести себя с населением и как обращаться с кострами.

Указ требовал: обид никому «не чинить», «безденежно» ничего не брать, порохом, свинцом, маслом, янтарем, водкою не торговать и не покупать, а «где случится ночлег иметь то по съезду с одного огонь погосать так чисто, чтобы не единой искры остаться не могло, а в соболиных и других звериных промыслах и вовсе одного не разводять под неупустительным жесточайшим наказанием»².

Креницын использовал любую возможность, чтобы пополнить сведения об Алеутских островах. Прибыв на Камчатку, он разослал во все остроги и селения указания прислать списки людей, бывших «на неизвестных в открытом море островах»³. Особенно он желал познано-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 80, лл. 104—105.

² Там же, д. 104, л. 50 об.

³ Там же, д. 80, л. 55.

миться с Пономаревым и Гловым, которых Коллегия советовала взять в проводники.

16 ноября 1766 года в Нижнекамчатском остроге в присутствии всего командного состава экспедиции Креницын беседовал с престарелым казаком Савином Трофимовичем Пономаревым, а позднее с яренским купцом Степаном Гавриловичем Гловым и тобольским купцом Иваном Михайловичем Соловьевым. Их сообщения записали в форме особой «скаски» и отослали в Петербург. Одновременно были опрошены еще 27 человек местных жителей, ходивших в разное время к Алеутским островам. 28 ноября 1766 года Креницын в Большерецке опросил еще 20 казаков и 12 человек промышленных людей, бывших на разных Алеутских островах.

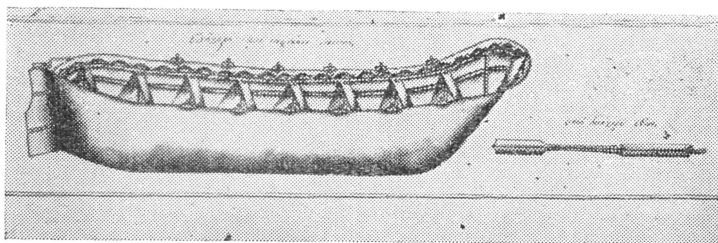
В рапорте на имя Коллегии Креницын сообщил, что, к сожалению, Пономарева он не может взять в плавание ввиду болезни и старости, а Глова и Соловьева он включит в «вояж для опознавания и указания тех известных ими островов».

При подготовке к плаванию большую помощь оказали опытные мореходы Охотска и Камчатки. А такой известный мореплаватель, как Глов, мнением которого Креницын особо дорожил, стал руководить изготовлением байдар¹.

Командир Нижнекамчатского острога прапорщик Тимофей Шмалев выделил Глову 12 человек для поездки к Камчатскому мысу на охоту за сивучами и приказал, как можно больше «лафтак² снимать и сушить чтоб

¹ Б а й д а р а — большая открытая кожаная лодка. Для ее изготовления на каркас из тонких деревянных плашек, скрепленных ремнями, натягивают обшивку из шкуры морского зверя.

² Л а в т а к (лафтак) — выделанные шкуры морского зверя (лечения, сивуча) и шитые из них обтяжки для байдар и байдарок.

Байдара.

оных не только на две байдары подлежащие быть строе-
нием здесь достать, но и в морской вояж с удовольствием
остаться могло, ибо в морском вояже во оных небезна-
добности последовать может»¹. Надо сказать, что Глотов
от предложения Креницына идти с ним в плавание сна-
чала отказался, ссылаясь на то, что он связан договором с
некоторыми камчатскими купцами и должен ходить к
островам только для промысла зверей по указанию об-
щей компании купцов, в которой он состоит.

Немалую помощь оказывал экспедиции старый берин-
говец и открыватель Ближних островов Михаил Невод-
чиков. По личной просьбе еще в Охотске приняли его в
состав экспедиции, назначив подштурманом на бот «Св.
Гавриил» к Дудину-большему, и вместе с ним он пришел
в Большерецк. Как только Дудин-большой доложил, что
7 июля 1767 года отремонтированный бот спущен на во-
ду, Креницын приказал передать его под командование
Неводчикова, поручив ему заготовку продовольствия для
экспедиции.

Выполняя это поручение, Неводчиков в короткий срок
совершил несколько плаваний в Охотск и различные ост-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 82, л. 1253.

роги Камчатки для закупки и доставки муки, из которой местные камчатские жители делали сухари для экспедиции. Старый подштурман помогал экспедиции всем, чем мог, но сказывались годы (ему уже шел 62-й), все чаще он болел и потому вынужден был просить Креницына о назначении ему пенсии по болезни и старости. В рапорте он указал: после «изыскания мною означенных островов» в настоящее время уже «многие острова купцами отысканы и промыслов платят в казну десятого зверя¹ и чинится немалое приращение и распространение», а теперь, — продолжает Неводчиков, — «получаемым мною в здешних самонужнейших местах в службе жалованье, содержать мне себя уже стало не можно, и великом недостатке с терпением крайним нахожусь к пропитанию своему харчевых припасов, и на одежду на покупку у купецких людей, заимывая денег и товару, впался в некупные долги, коих платить от несостояния уже нечем. И отроду мне шездесят один год, в штрафах и наказаниях никогда не бывал и по довольности лет стал быть всем корпусом слаб и дряхл и глазами почти мало вижу»².

Зная и уважая большие заслуги морехода, Креницын сочувственно отнесся к судьбе Неводчикова, и в 1768 году его перевели на работу в контору Охотского порта, где он помогал братьям Шмалевым в составлении карт и обучал школьников штурманскому делу.

Заканчивая подготовку экспедиции, Креницын поручил штурману Михаилу Крашенинникову скопировать полученные в Петербурге и в городах Сибири, а также найденные в канцеляриях камчатских острогов различные карты, необходимые для всех судов эскадры. 24 июля 1767 года Крашенинников доложил, что со всех карт сня-

¹ Промышленники платили в казну «десятую» пошлину с вывезенной пушнины.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 82, лл. 1162—1163.

ты точные копии, а именно: «Ландкарта¹ северо-восточных берегов и Иркутской губернии с японскими и новосысканными от Камчатки островами», «Охотский план», «Петропавловская гавань», «Плавание флота господина капитана Чирикова», «Карта по описи сержанта Андреева южного плеча Чукотского мыса», «Плавание флота господина капитана командора Беринга от Камчатки до Южного плеча Чукотского мыса»².

Готовые к походу суда со всей командой на борту стояли в устье реки Большой, ожидая попутного ветра. 3 августа в 3 часа дня вахтенный бота «Гавриил» заметил в южной части моря две идущие байдары, и, когда они приблизились, сразу не могли определить, кто же это прибыл. В байдарках сидели четырнадцать неизвестных пришельцев в оборванной одежде. Как только они поднялись на борт, ликование и радость охватили всех: это возвратилась с Курильских островов оставшаяся в живых после крушения галиота «Св. Павел» часть команды во главе со штурманом Дудиным-меньшим, который и рассказал свою трагическую одиссею.

7 августа 1767 года Креницын отправил в Петербург рапорт, где доложил, что бот «Св. Гавриил» и гукор «Св. Павел» отремонтированы и с командой 133 человека направляются в устье реки Большой, ожидая благополучной погоды для похода в Нижнекамчатский острог.

Экспедиция вышла в плавание 17 августа и уже 4 сентября подошла к устью реки Камчатки. В этот же день Креницын собрал командный состав экспедиции на гукоре «Св. Павел» и провел «консилиум», где попросил всех высказать свое мнение относительно состояния судов, на которых предстояло им идти в далекий вояж. Левашов

¹ Ландкарта — географическая карта, на которой нанесена обширная территория (область, гряда островов и т. д.).

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 82, л. 1185.

Доложил, что гукор «Св. Павел» следует несколько переделывать, так как нос и корма не в пропорции и «усмотрено, что оный во время давания рею против ветра при хорошем ветре едва иногда мог давать, а иногда и вовсе не давал реи... и надлежит убавить стеньги и борта исправить»¹.

Относительно бота «Св. Гавриил» в протоколе записали, что он «мал и гнил и в дальний вояж отправиться опасно, надлежит его оставить и все выгрузить, а вместо его взять и нагрузить галиот «Св. Екатерину»².

Поскольку требовалось значительное время на исправление замеченных в судах дефектов, экспедиция могла выйти в море не ранее октября. Вот почему Креницын попросил командира Нижнекамчатского острога Т. И. Шмалева срочно дать ему как можно более полные сведения за многие годы, когда и в какое время года отправлялись промышленники в плавание к Алеутским островам.

Такую справку Шмалеву не трудно было составить: он интересовался историей русского мореходства, все эти сведения систематизировал и делал подобные выписки для академика Миллера.

Уже 9 сентября Креницын получил ответ на свой запрос, где Шмалев рассказал о всех плаваниях, начиная с 1757 года, и приложил список казаков и промышленников, которые ходили в эти вояжи и проживают в Нижнекамчатском остроге. Тогда Креницын собрал всех промышленников, оказавшихся в это время в остроге, а таких было 25 человек, чтобы узнать об условиях плавания в Тихом океане в осеннее время.

Выяснилось, что все из устья реки Камчатки в открытое море отправлялись в разное время, но не позднее 28

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 82, л. 1449.

² Там же.

сентября, с расчетом дойти только до островов Беринга или Медного, там зимовать, а затем идти к Алеутским островам. Промышленники также сообщили, что «как на Беринговом и Медном, так и на Алеутских островах гаваней и бухт где бы судном зимовать не имеется»¹, а мореходы Глотов, Дружинин и другие сказали, что только на Ближних островах и есть удобные бухты, однако, какая их глубина и какой грунт, они не знают, так как во всех случаях они ходили на легких судах с малой осадкой и во время зимовки вытаскивали их на берег. Ссылаясь на свой опыт плавания в Тихом океане, мореходы советовали осенью не идти к дальним Алеутским островам, «потому, что до них имеется не малое расстояние»².

Выслушав промышленников, Креницын с согласия Левашова и всех офицеров экспедиции принял решение бот «Св. Гавриил» разгрузить и вместо него взять другое судно, а на гужоре «Св. Павел» «все вышеявленные неисправности неотменно долженствует плотничною работою исправить»³, а так как до Аляски и дальних Алеутских островов «как промышленники все единогласно уверяют дойти вскоре невозможно, а буде поисправе всего одного здешними судами в море выступить, то в том опасность есть дабы в такое глубочайшее осеннее время случившимися противными ветрами куда на острова неизвестные те суда занести и повредить не могло и для того к непотерянию их и всего... интереса, остаться зимовать здесь в Нижне-Камчатском остроге»⁴.

Вторая зимовка экспедиции на Камчатке прошла в подготовке к дальнему плаванию. Поскольку все еще стоял вопрос, какое второе судно взять в экспедицию, Кре-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 82, л. 1450.

² Там же, л. 1450 об.

³ Там же.

⁴ Там же. л. 1451.

ницын несколько раз ездил на западный берег Камчатки, надеясь найти хорошее судно или отремонтировать подходящее старое. Вместе с ним ездил прапорщик Шмалев, чтобы показать место крушения бригантины «Св. Елизавета», отправленной из Охотска для доставки провианта в Тигильскую крепость и другого купеческого судна, штормом выброшенного осенью 1767 года на берег. При осмотре оказалось, что эти суда основательно разбиты и отремонтировать их невозможно. Было решено идти в экспедицию на галиоте «Св. Екатерина» и гукоре «Св. Павел». По-прежнему команды экспедиции в зимнее время занимались заготовкой смолы и рыбы, строительством байдар, изготовлением бочек и многими другими работами.

Имея разрешение не считаться с расходами, Креницын дал указание штурману Дудину-меньшему закупать для экспедиции юколу¹ на любых условиях, так как все продукты на Камчатке были очень дороги. 18 марта 1768 года Дудин сообщил, что в разных острожках купил 828 вязок юколы (по 50 штук в вязке), за что уплатил 816 рублей. Не удивительно поэтому, что на экспедицию была израсходована значительная сумма — 100 837 рублей.

В это же время ремонтировали суда. Выполняя эту ответственную работу, особо отличился ученик шлюпочных дел Михаил Кузьмин, о котором Креницын доносил в контору Охотского порта, что «оный галиот плотничной работой исправил как надлежит в пропорции... за которую ево Кузьмина хорошую работу и хорошие поступки надлежит повысить в чине и достоин быть подмастерием и достоин награждения»².

Во время пребывания в Нижнекамчатском остроге участники экспедиции впервые ощутили землетрясение,

¹ Юкола — вяленая рыба.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, л. 84, л. 679 об.

продолжавшееся две минуты. Это случилось 22 ноября 1767 года, а ночью 1 марта 1768 года землетрясение продолжалось в течение пяти минут, отчего на «колокольне колокола звенели и в покоях людям от колебания и треску быть не можно было»¹.

30 апреля 1768 года Креницын подписал указ о зачислении в экспедицию знаменитого морехода Степана Глотова, отметив, что «Глотов будучи в вояже добропорядочно находился и тамошних народов обычаи оказывать будет, за то к награждению денежным жалованьем в вышние судебные места правительства отныне представлено быть имеет»². В мае 1768 года сто тридцать участников экспедиции стали грузить на суда муку, сухари, ячневую крупу, соль, масло коровье, мясо—солонину, рыбу сушеную и соленую, бочки с треской, водой, дрова, порох, медные единороги (пушки), ружья и промысловое снаряжение. Помимо того, были взяты различные товары на обмен и для подарков местным жителям. Экипаж галиота «Св. Екатерина» определился в составе 75 человек: флота капитан Креницын, 3 штурмана, 1 подштурман, 3 штурманских ученика, 1 боцман, 1 боцманмат, 1 подлекарь, 1 канцелярист, 2 квартирмейстера, 1 капрал, 1 ученик ботового и шлюпочного дела, 1 парусный ученик, 1 кузнечный десятник, 1 плотничный десятник, «вольные люди на жалованье — 9», «алеутов для переводу — 2», денщиков — 4 и «за матросов-казаков — 41».

На гукоре «Св. Павел» составила команда из 65 человек: капитан-лейтенант Левашов, 4 штурмана, 4 штурманских ученика, 1 подлекарь, 1 «сын боярский», 4 квартирмейстера, 1 «плотничный камендор», 1 токарь, 1 слесарь, 1 солдат, 1 казачий капрал, 35 казаков, 5 промышленников, 2 алеута, 3 денщика.

¹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, л. 131, л. 304 об.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 81, л. 663 об.

Из промышленников отправлялись в экспедицию пионеры открытия Алеутских островов и Аляски: Степан Гаврилович Глотов, Петр Акимович Анфилатов, Никифор Михайлович Новоселов, Алексей Иванович Безруков, Леонтий Иванович Дружинин, Василий Данилович Штинников, Иван Трофимович Шеинов, Михаил Алексеевич Лебедев, Гавриил Гаврилович Пушкарев, Михаил Михайлович Авдеев, Алексей Иванович Дружинин, Дмитрий Афанасьевич Панков, Алексей Леонтьевич Хомяков, Алексей Иванович Удачин, Иван Максимович Соловьев. Все эти люди в возрасте от 30 до 45 лет неоднократно ходили в далекие плавания, посещали алеутов, знали их обычаи и были хорошими охотниками. Они могли помочь экспедиции, указывая путь, снабжая команду продуктами питания и предметами зимней одежды.

Переводчиками (толмачами) взяли молодых алеутов, которых ранее промышленники вывезли на Камчатку, усыновили, дав им свою фамилию и русские имена, и обучили русскому языку и грамоте. Это были Иван Степанович Глотов, Алексей Иванович Соловьев, Александр Иванович Попов, Андрей Яковлевич Шарапов.

В июне 1768 года все приготовления к походу были закончены, однако выйти в море не удалось, так как весной занесло илом устье реки и суда с осадкой 8 футов оказались на мели, где воды было всего 4 фута. Только в конце июня, как сообщает рапортом Креницын, «оное устье от быстроты воды стало в глубину прибавляться и состоит ныне в полную шесть фут...и как на устье прибудет глубина, хотя до 7 фут, то имею все силы употребить, чтобы суда с неполным грузом чрез банку вывести в море... и весь груз с берега перевезти и в суда погрузить... и в поведенной путь вояжировать»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 84, л. 680 об.

Начальник охотского порта полковник Ф. Х. Плениснер недостаточно заботился о снабжении населения камчатских острогов продовольствием, хотя это было его обязанностью, на что ему не раз указывал Креницын. Это осложнило их отношения.

И сейчас, когда экспедиция была готова выйти в море, Креницын вынужден был обратиться в Охотск, направив туда секретный рапорт. Он писал, что следует в вояж, а «провианту... состоит крайне недостаточно»¹ и так как нынешним летом доставки продуктов из Охотска не было, все жители вынуждены довольствоваться только одной рыбой. Если летом 1769 года экспедиция возвратится из вояжа и зазимует на Камчатке, то может создаться такое положение, что питаться будет нечем, а поэтому Креницын требовал до возвращения экспедиции завезти в Большерецк и на Тигильское устье 1 000 пудов провианта, «чтоб по крайней мере служители от голоду спаслись и довольствоваться могли»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 84, л. 675 об.

² Там же, л. 676.

Глава V. НЕИЗВЕДАННЫЕ ОСТРОВА

Утром 30 июня 1768 года начальник экспедиции объявил приказ: «Галиот Св. Екатерина и гукор Св. Павел вооружены и нагружены совсем к походу стоят в готовности. На устье реки Камчатки вода прибавилась и для того

сего числа всем служителям перебраться на суда для ожидания к выходу из устья в море... и с 1-го июля 1768 г. всем чинам морской провиант производить»¹.

В этот день были проверены штурманские инструменты, из которых было взято на каждое судно: 3 пель-компаса, 1 ординарный компас в медном корпусе, 1 всеячий компас, 1 квадрант геодезический, 2 квадранта «Девисова мастерства», 1 астролябия со штативом, 2 шкалы «гантарские», 2 транспортира, 1 стекло для копирования морских карт, 10 картушек компасных, лоты разные, 10 дипломатичней, проволока медная, флаги разные и один вымпел².

Перед посадкой на корабли Креницын собрал всех обер-офицеров, вскрыл запечатанный пакет и зачитал «секретное прибавление» к инструкции, где указывалось: «Понеже отправлены будут для поиску северо-западного прохода от Шпицбергена в Тихий океан к Камчатке три наших российских судна»³ под командованием капитана 1-го ранга Василия Чичагова, капитана 2-го ранга Никифора Панова и капитан-лейтенанта Василия Бабаева, и может случиться, что экспедиция Креницына встретится с этими судами, похожими на английские бригантины. Поэтому для их опознания предлагалась система сигнализации и паролей, а также прилагались рисунки судов экспедиции Чичагова. При встрече требовалось указать им курс до устья реки Камчатки, а от Чичагова и его спутников узнать расстояние до американского берега «и до льда, из которого они в последний раз выбрались»⁴, взять копии их карт и журналов, дав им на суда в про-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, л. 83, л. 311.

² Там же, д. 86, л. 154 и д. 83, л. 174.

³ Там же, д. 77, л. 558.

⁴ Там же, л. 559.

водники одного или двух человек и от них взяв такое же число проводников.

Чтобы удостовериться, что встречные суда — из экспедиции Чичагова, Адмиралтейств-коллегия предложила несколько систем сигнализации, и в том числе посредством постановки парусов в различных вариантах, пушечными и ружейными выстрелами в определенной последовательности, а вблизи требовалось «учинить всеми людьми всевозможный крик»¹ различных паролей и «ежели с обеих сторон сделано будет по сему, и особливо голосной крик на русском языке чисто и исправно, то заподлинно верить можно, что те суда наши и соединиться с ними для вышензображенных нужд можно»².

При встрече с судами европейских стран следовало отвечать, «что он (корабль.— *И. Г.*) российский, шел от Камчатского устья к Анадырскому, но отхвачен от Камчатки западным штормом и отнесен так далеко, как он находится будет»³. Таким образом, члены экспедиции впервые узнали, что в это же время корабли под командованием Чичагова шли по морям Арктики в надежде достигнуть «Восточного океана», по волнам которого им предстояло идти в вояж к далеким американским берегам.

По команде Креницына оба судна оттянули байдарами на фарватер реки, и они стали на якорь в ожидании попутного ветра.

Рано утром 1 июля 1768 года П. К. Креницын прибыл на флагманский корабль галиот «Св. Екатерина». Вскоре прибыл и капитан-лейтенант М. Д. Левашов с докладом, что гукор «Св. Павел» готов к походу. С этого числа был запрещен отпуск на берег, ждали попутного ветра, чтобы, не упуская времени, выйти в море.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 560.

² Там же, л. 563.

³ Там же, л. 563 об.

Но в эти дни погода на редкость стояла солнечная и безветренная, и только под вечер 20 июля паруса затрепетали и суда начали выходить из реки Камчатки в открытое море. 22 июля в 4 часа утра при выстреле из пушки галюта «Св. Екатерина» оба судна снялись с якоря «и пошли в желаемый путь»¹.

По-прежнему ветер был неустойчивый и слабый, часто набегал туман, и приходилось лавировать, чтобы держать курс на северо-восток. 28 июля вечером увидели «оконечность Берингова острова»², а утром следующего дня суда легли в дрейф, ожидая возвращения людей, посланных на остров за пресной водой. К вечеру рассеялся туман, и байдары под парусами возвратились к судам, нагруженные бочками с пресной водой, тушами убитых морских котиков, выловленных капканами песцов. Прибывшие доложили, что на острове водится много различных зверей и птиц.

Направляясь в сторону острова Медного, на горизонте заметили неизвестное судно, и гукор «Св. Павел» пошел ему навстречу, давая сигналы выстрелом из пушки. Когда подошли к нему, Левашов потребовал к себе командира и передовщика. Вскоре прибыли штурманский ученик Софьин и передовщик казак Нижнекамчатского острога Григорий Низовцов и объявили, что судно принадлежит купцу Никифору Трапезникову, а идут они с Медного острова на остров Беринга «для взятия своих людей, которые зимовали там для промыслу зверей»³.

Чем дальше продвигалась экспедиция на восток, тем все чаще и чаще менялась погода. Ветер то затихал до полного штиля, то наваливался шквалами, и начинался шторм, корабли ложились в дрейф. Часто наплывал ту-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, л. 124. л. 8.

² Там же, л. 15 об.

³ Там же, д. 129, л. 13.

Алеут на байдарке.

ман и, чтобы не разлучиться, на кораблях били в колокол, стреляли из пушек, а на мачте корабля горел фонарь. На 21-й день плавания в широте $54^{\circ} 05'$ попали в сплошной густой туман, корабли разлучились, и каждый из них пошел своим курсом к условленному месту встречи у северного берега острова Уналашки.

После разлучения с гукомор вахтенный галиота «Св. Екатерина» записал, что 13 августа 1768 года впервые увидели летающих птиц, называемых ары и топорки, «которые отлетают от берегов по объявлению бывалых здешнем морем промысленных не более миль на 7 или 8»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 124, л. 32.

На следующий день на юго-востоке в широте 52° 49' увидели землю.

Началась Алеутская гряда. Шли между Андреяновскими и Лисьими островами, пеленговали характерные места всех видимых островов и наносили их на карту. Обогнув группу Четырехсопочных островов и произведя их опись, оставили остров Сигуам справа и 21 августа с юга вошли в пролив между островами Умнак и Уналашка. Здесь произошла первая встреча с населением.

Как только галиот остановился в проливе, подъехала байдарка¹ со стороны острова Уналашки и сидящий в ней алеут через толмача спросил, «зачем мы к острову пришли и ежели ко оному пристанем, то будем ли мирно с ними жить, на то оному ответствовано от нас, ежели они станут с нами хорошо жить, то и мы с ними таковож, а при том не то, что им обид чинить, но еще и дарить будем»². Видели много алеутов на берегу, некоторые из них на байдарках проходили около судна, но близко не подходили.

День 22 августа был богат событиями. Утром с Уналашки приехали на маленькой байдарке два алеута и привезли пузырь с пресной водой. Позже прибыл и третий алеут. Он привез в ясак шкурки лисец, за что «в знак дружбы»³ дали несколько корольков⁴ и ножик. Затем с Уналашки приехал на байдарке алеут по имени Кошмак, который объявил, что он послан с острова Кадьяк, чтобы передать сообщение промышленников судна купцов Шилова и Лапина, зимовавших на острове Кадь-

¹ Байдарка — длинная узкая кожаная лодка. В отличие от байдары обтянута кожей со всех сторон, включая и верх.

² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 124, л. 45.

³ Там же, л. 47 об.

⁴ Корольки — бусы. Сначала корольками называли коралловые бусы, позднее — всякие.

як, что жителями островов Акутан и Кагалгу убито из их команды 15 человек. В этот же день пришел гукор «Св. Павел» и уже вместе лавировали около островов Уна-лашка, Уналга и Акутан, делая съемку их северных берегов.

Вечером Левашов отправил на галиот штурмана Дудина-меньшого для доклада Креницыну. Путевой журнал гукора рассказывает о прошедших событиях за время его одиночного плавания. Когда прошли Командорские острова и взяли курс на восток, погода все время менялась. Часто налетал шквал, поднимались волны, переходящие в шторм, или все это прекращалось, и надвигался густой туман. Возникло опасение потерять из виду судно Креницына, и поэтому ночью шли с зажженными фонарями, а при тумане стреляли из пушки, звонили в колокол.

Вахтенные штурманы вели журнал и записывали все замеченное, относящееся к курсу следования судна. 10 августа журнал пополнился записью: «В 6 часов полудни пронесло мимо нас траву, называемую морской капустой, которая вкусом солотковата»¹.

Следующий день, 11 августа, принес большую неприятность. В 11 часов вечера увидели фонарь галиота и пошли к нему, но вскоре туман сгустился, шквалом подняло большое волнение, начался шторм и огня уже не видели. Когда утихло, полил «великий дождь»². Искали судно Креницына, но нигде не заметили и с этого дня совершали плавание самостоятельно.

12 августа в журнал записли: «Видно было близь нас много летающих стадами глупышей и изредка чаек и уток, также неподалеку и китов ходящих, несколько проносило мимо нас и капусты морской»³. Все эти признаки,

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 14.

² Там же, л. 19 об.

³ Там же, л. 20.

знакомые мореходам, указывали на близость земли. И действительно, уже 15 августа, как только исчезла полоса тумана, впереди увидели небольшой скалистый остров.

Продвигаясь в широте $52^{\circ} 04'$, шли вдоль Алеутской гряды и до 20 августа запеленговали 15 островов, отмечая их пока номерами. В записях вахтенного говорилось: «виденные нами острова, находящиеся у нас промышленные, которых спрашивали, объявили, что имени их не знают»¹.

В районе этих островов 19 августа заметили на море какой-то светлый предмет, его выловили, и это оказалась необычайно большая мертвая чайка, «у которой с конца до конца обеих крыльев 7 фут и 6 дюймов»².

На девятый день после разлучения с Креницыным, то есть 21 августа, подошли к большому острову, и бывшие на судне промышленники «признали по сопкам и другим приметным местам, что означенный остров есть Уналашка»³, и согласно ранее принятым условиям о месте встречи стали лавировать здесь, ожидая соединения с галиотом «Св. Екатерина».

На следующий день в 6 часов утра, идя вдоль северного берега Уналашки, заметили галиот «Св. Екатерина». В этот же день состоялась первая встреча экипажа судна с уналашкинскими жителями. В девятом часу приехали на байдарках четверо алеутов и подарили команде привезенные в двух травяных мешочках ягоды «шикши». Левашов пригласил их в каюту, угощал сахаром, китовым жиром с сухарями, и по их просьбе дали гостям сахара в дорогу.

Поздно вечером опять приехали алеуты, уже на 12 байдарках. Среди приезжих оказался один уроженец ост-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 27.

² Там же.

³ Там же, л. 28 об.

рова Кадык. Он рассказал о гибели 15 русских промысловников, о которых ранее сообщали Креницыну.

23 августа на гукор возвратился штурман Дудин-меньший. Он ездил за пресной водой к восточному мысу острова Уналашки и рапортом подробно доложил о всем увиденном на острове.

Встретили их, как писал Дудин, три женщины-алеутки и помогли вытащить байдарку на берег. В 200 сажнях от места, где набирали воду, нашли пять юрт, «в коих находятся семьи с женами и детьми»¹. В то время в юртах были только старики и дети с матерями. Давая подробную характеристику внешнего вида алеутов, штурман докладывал в рапорте: «Сего острова жители росту больше среднего, плотны и жиливаты, лица круглы, похожи на сибирских якутов только скулы не имеют, глаза черные средние и быстрые, волосы черные на теме выстрижены... а на затылке до плеч волосы подстрижены... В нижнюю губу вставляют сделанные из белого плотного камня два плоских прямых зуба... одежду носят камлен² длинные и птичьи парки³. На голове носят тонко выделанные деревянные шапки без верха и без тулы, наперед с длинным книзу загнувшим козырьком. Верх шапки расписан черной, красной, зеленой и белой простой краскою и утыкан длинными тонкими сиучьими усами, по концам надеты корольки, а местами перьями вороньими и чайчьиими... ходят без рубах в одних только парках и босиком с такой удобностью ходят по каменьям и щебню как по хорошей дороге. Юрты летние до половины врыты в землю, верх покрыт травой...»⁴. Отмечалось, что алеуты из

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 33.

² Камленя — одежда из кишок морского зверя или рыбьей кожи, надеваемая поверх меховой в дождливую и снежную погоду или во время морского промысла.

³ Парка — верхняя меховая одежда, мехом наружу.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 33 об.

Алеутка.

байдарках ездят очень быстро, управляя ими посредством маленького весла с лопастями на обоих концах. Стрелы имеют деревянные, копьё костяное с зазубринами на острине. Мечут стрелы с дощечки сажень на 15 и очень метко.

Направляясь к Аляске, 26 августа корабли достигли островов Уналга, Акутан, Акун. Это был северный ряд архипелага островов, названных впоследствии «островами Креницына». На следующий день шли на северо-восток вдоль берега полуострова Аляски. У участников экспедиции возникли сомнения, какой это «остров» — «Алякса» или «Алахшак», но каждый был уверен, что это новый «остров». На нем было немало растительности, вдали виднелся кустарник и отдельные деревья, чего не было на Алеутских островах. Квартирмейстер Пушкарев, побывавший в 1762 году в этих краях, уверял, что это «остров Алякса», а Готов убеждал, что «это остров Алахшак», и оба они, как оказалось, говорили об одном и том же — полуострове Аляске, считавшемся островом.

К западу от полуострова экспедиция открыла остров Моржевой и затем взяла курс на юг. Вскоре справа увидели восточную часть большого острова. Это был Унимак. Мореплаватели не предполагали, что ими уже сделано большое открытие — найден самый крупный и самый восточный остров Алеутской гряды — остров Унимак, о котором в 1762 году впервые сообщил Готов. Известно, что бот «Иулиан», на котором в 1757—1762 годах плавали Готов и Пономарев, посетил только острова Умнак и Уналашку, а остров Унимак и Алахшак (полуостров Аляска.— *И. Г.*) Готов внес в реестр по рассказам алеутов и сведениям промышленников, побывавших в 1762 году на Аляске.

До сих пор нет полной ясности относительно первых плаваний промышленников на Аляску и остров Унимак,

но есть убедительные доказательства открытия острова Унимака экспедицией Креницына — Левашова. В ее составе были известные мореходы Дмитрий Афанасьевич Панков и Алексей Иванович Дружинин, бывшие командиры судна «Владимир», Гавриил Гаврилович Пушкарев и Алексей Иванович Удачин, которые командовали судном «Гавриил». Вот от них и получены достоверные сведения.

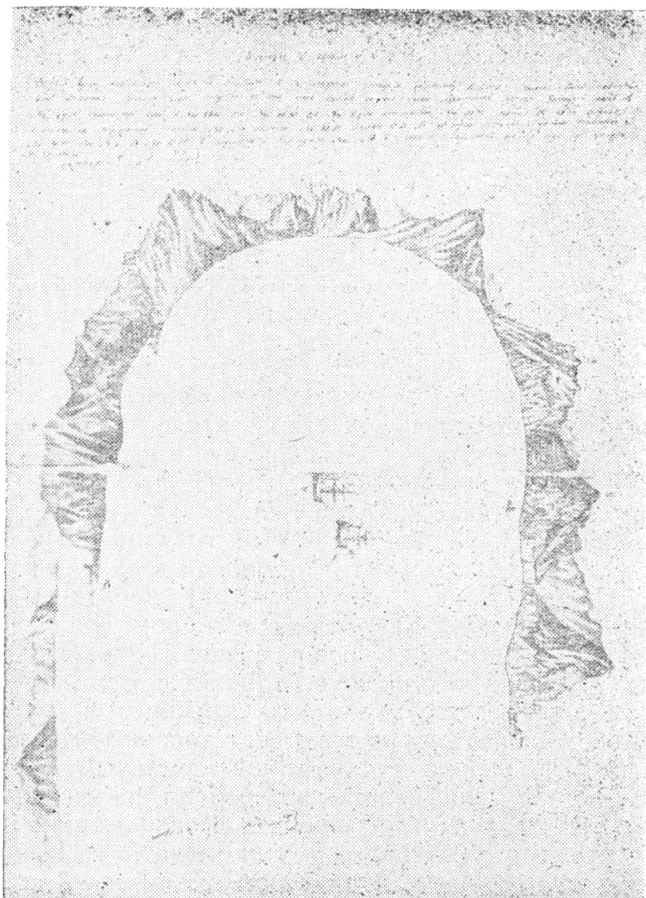
Наступала осень. Креницын принял решение пройти Исаночкий пролив и при благоприятной погоде следовать к острову Кадьяк, а если будет какая задержка, найти в проливе удобную бухту и зимовать там.

Незнакомый узкий пролив со сложным очертанием берега, с подозрительными бурунами не внушал доверия, и невольно закрадывались опасения. Опросили всю команду судов, не знает ли кто здешние места и удобные бухты на Унимаке и Аляске. Оказалось, что все, ходившие на промыслы, дальше Уналашки не бывали, и только Г. Г. Пушкарев и А. И. Удачин в 1762 году на судне «Гавриил» достигли Аляски и там зимовали в одной из бухт Исаночкого пролива, но пролив не проходили и лишь бывали здесь на байдарках во время промысла.

С согласия Креницына Левашов разрешил Пушкареву ввести гукор «Св. Павел» в пролив. Галиот «Св. Екатерина» следовал в кильватере за гукором. Креницын и Левашов не знали, конечно, что эти места коварны из-за скрытых частых и больших песчано-глинистых мелей.

Как только подошли к проливу, попали на мель. «Убрав паруса, стали палить из пушек в знак галиоту «Св. Екатерина», чтобы оный за нами не следовал»¹, так как появился густой туман и опасность возросла. Для облегчения судна вылили из бочек пресную воду, спустили все байдары и только тогда снялись с мели. Повернув

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 40.

Вид берегов залива Калехта на острове Уналашке с рисунками судов экспедиции.

олиже к аляскинскому берегу, через час опять попали на мель и снова разгружали судно. На этот раз пришлось возить на берег провиант и многие другие грузы, но лишь когда завезли верпы¹ и опустили 13-пудовый якорь, стянулись канатами с места.

Вечером 31 августа состоялся секретный консилиум всего офицерского состава, на котором решили срочно начать поиски бухты для зимовки в районе Унимака и Аляски, а в случае устойчивых попутных ветров идти на зимовку к острову Кадьяку или Уналашке. На следующий день четыре байдары под командованием штурманов начали обследовать водные районы побережья Аляски и Унимака. Прошли около 20 верст на север и юго-восток, но безрезультатно, «удобных заливов сыскать не могли»². Попадались бухты, где можно было стоять кораблям, но там не было никакого леса для строительства зимних юрт.

По решению консилиума корабли взяли курс на запад. Шли против северной стороны острова Унимака и 5 сентября при густом тумане потеряли друг друга из виду. 6 сентября Креницын разыскивал гукор, а 7-го начался шторм, и пришлось лежать в дрейфе. Поиск продолжили при сильных шквальных ветрах, лавируя северней Унимака, но безуспешно, и эта случайность в дальнейшем роковым образом сказалась на судьбе многих участников экспедиции.

С этого времени суда производили исследования самостоятельно до самого того дня, когда летом следующего года они вместе пошли на Камчатку.

¹ Завозить верпы — значит на гребных судах отвезти их дальше от судна, там отдать и на канатах подтянуться.

² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 43.

Глава VI. МОГИЛЫ НА УНИМАКЕ

11 сентября 1768 года Креницын созвал офицеров экипажа галиота и доложил, что по решению консиллума, который состоялся 31 августа с участием Левашова, необходимо идти на зимовку к острову Уналашке или,

обойдя с юго-востока остров Уникама, идти Исаоцким проливом к острову Кадьяку. Так как все время дуют противные ветры и сильные течения относят судно к северу и притом наступила осень с частыми штормами, следовать указанным курсом опасно. Поэтому командующий предложил сообща принять срочное единое решение. Посовещавшись, «согласились, во-первых, осмотреть берег, а потом следовать вдоль северного Уникамского берега и острова Аляксы, искать бухты, чтобы зайти для палития пресной воды и обождания противных ветров, а если бухта найдется и к зимованию удобная, то в оной и зимовать смотря по состоянию ветров»¹.

Лавируя северней острова Уникама, 14 сентября галиот «Св. Екатерина» вошел в Исаоцкий пролив. Когда увидели на западной стороне Аляски песчаный риф, образующий с берегом узкий проход в большой залив, пошли к нему, но прежде штурман Дудин произвел промер прохода, а затем он же повел судно в залив. Некоторые промышленники опознали знакомое место, где зимовало судно купца Бечевина — бот «Св. Гавриил». Тщательный осмотр побережья и промер залива показали, что зимовать здесь нельзя: слишком мелко у берегов. На поиски нового места послали штурманов Дудина и Крашенинникова. Трое суток продолжался их поход на байдарах. Возвратившись, они сообщили, что в проливе между Уникамом и Аляской у юго-восточного побережья Уникама есть подходящий залив. Там штурманы нашли шалаш и в нем сушеную и свежую рыбу. Произведенное штурманами обследование и промеры убедили Креницына, что нужно идти зимовать во вновь найденный залив.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 124, л. 78 об.

В тот же день судно вошло в залив и стало в 10 саженьх¹ от возвышенного берега. Для крепления судна на зимовку моряки начали завозить на берег канаты.

Надвигалась зимняя пора, и по указанию Креницына вся команда была распределена на различные хозяйственные работы. Прежде всего начали заготавливать для постройки жилья лес, который нашли на Аляске. Через пролив много раз в день ходили байдары под командованием штурманов и перевозили найденные на берегу выкинутые морем деревья. Кроме того, разбирали покинутые местными жителями юрты.

Жилье строили по типу местных юрт. Рыли неглубокий котлован, ставили из бревен обрешетку — каркас и со всех сторон обкладывали его дерном с травой, затем засыпали землей. По бокам были небольшие окна, а в центре печь. Таких юрт, размером 4 сажени в длину и 3 в ширину, построили две: одну для командира и штурманов, а другую для остальных служителей. Начались частые дожди с мокрым снегом и градом, но работы по подготовке к зиме продолжались. Разгружали судно и все складывали в специально построенной землянке. Для рыбной ловли начали строить большую байдарку.

Трудно было с дровами, так как не было нигде леса, росла только мелкая ольха. Крупные бревна приходилось искать и привозить на байдарах издалека, чаще всего с побережья Аляски. Случалось и непредвиденное. 1 октября утром во время приготовления пищи загорелась юрта служителей, но пожар быстро погасили, пришлось опять доставать бревна для ремонта и перекладывать печь.

Как только несколько уладили хозяйственные дела, Креницын стал посылать партии для обследования при-

¹ Сажень равна 2,14 метра

брежных районов и отыскания здешних жителей, чтобы с ними войти в контакт и, если возможно, взять у них аманатов¹. Одновременно этим командам поручалось при возвращении привезти как можно больше леса для устройства юрт и на дрова.

Командир такой партии лично от Креницына получал письменную инструкцию, которую при возвращении должен был вернуть. В этой инструкции² между прочим указывалось:

«Взять байдару с принадлежащим числом служителей и знающих толмачей из алеутов и все что усмотрено будет описать обстоятельно».

«Здешние народы уговаривать, чтоб они ссоры не имели и дружественно жили».

«Будучи на берегу смотреть есть ли леса, звери и птица, сколько жилищ и что усмотрено будет то все в рапорте изъяснять».

«Во всю бытность на берегу и в проезде обид никому не чинить, а особливо у береговых людей ничего силою не грабить и не брать».

Первая такая партия под командованием штурмана Афанасия Андреевича Дудина-большого отправилась 8 октября на трех байдарках. На двух из них старшими были подштурман Конон Ларионов и капрал Иван Шипицын. Было взято 27 казаков, 7 промышленников и один алеут-переводчик. Возвратившись, Дудин доложил, что согласно заданию пошли по Исаоцкому проливу вдоль южной стороны полуострова Аляски и на 3-й день справа по курсу увидели остров. Людей на острове не оказалось, нашли только 4 пустые зимние и 3 летние юрты.

¹ Аманат — заложник.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, л. 84, лл. 557 — 557 об.

Решили на байдарках обойти остров кругом, на что ушло еще два дня. Он был сравнительно небольшим, в длину 30 верст, но путешественники заметили, что на нем водится много зверей (лисиц, оленей, волков), а в озерах и реках оказалось много рыбы. От этого острова хотели идти на Аляску, но провиант был на исходе. Дудин приказал повернуть на обратный курс, и 15 октября возвратились к судну.

На следующий день также на 3 байдарках выехала вторая партия в составе 38 человек под командованием штурмана Михаила Крашенинникова. Старшими на двух байдарках были Степан Глотов и Прокопий Лисенков.

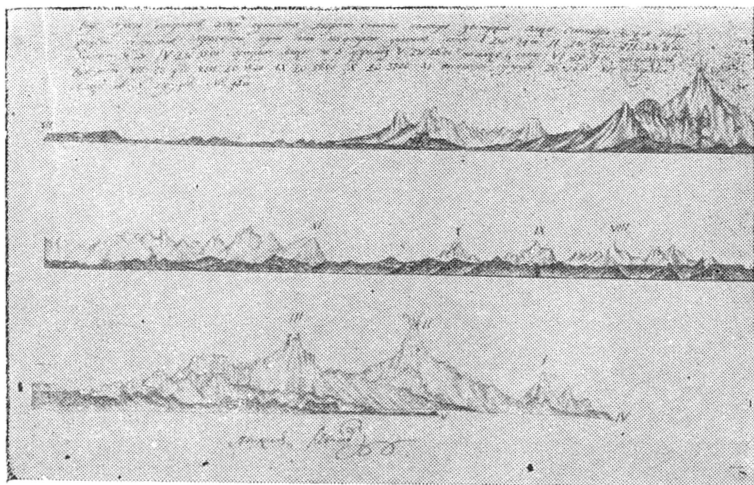
Когда прибыли обратно, Крашенинников подробно сообщил о своем плавании и о первом исследовании полуострова Аляски. Имея задание идти на Аляску «для отыскания жилья и взятия от обывателей для лучшей предосторожности аманатов»¹, а также осмотра местности и ее съемки, пересекли Исаноцкий пролив и пошли вдоль северной стороны полуострова Аляски курсом на северо-восток. От каждого характерного места (мыса) Крашенинников пеленговал видимые острова и участки береговой линии Аляски.

Все мысы он обозначал номерами по порядку следования, и поэтому в его журнале указывалось: «берег Аляски от 1-го до 3-го мыса каменный утесный, высотой не менее 30 или 40 сажень, а наверху видна зелень... во многих местах бежит пресная вода»².

От 3-го мыса влево, указывалось в журнале, видна бухта, куда послали байдару под командованием капрала Ивана Шипицына для осмотра, нет ли там селения алеутов, а две байдары направились к ближайшему не-

¹ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 103 об.

²Т а м ж е.

Виды берегов полуострова Аляски и острова Уликиа.

большому островку, названному Крашенинниковым «островом круглым», возвышающемуся над морем около 35 сажен. На юго-востоке увидели значительный по размерам остров, ранее исследованный штурманом Дудным, и поэтому присвоили ему название «остров Дудина», а южнее открылось еще несколько небольших островов.

Как только возвратилась байдара Шипицына (из жителей там никого не видели), партия пошла далее к 4-му мысу, где пеленговали, а затем направились в бухту С. Там на берегу увидели юрту. Людей в юрте не оказалось, но путешественники нашли в ней «изломанное дно от русского котла»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 104 об.

Прошли 5-й и 6-й мысы и в бухте Д пристали к берегу. Здесь удивились найденным двум старым юртам, так как лес, употребленный для их строительства, был рублен металлическим топором. Бывавшие в этих краях промышленники «по приметам» определили, что «оние юрты строены нашими русскими людьми, которые отъезжали на промысел от своих судов»¹. Здесь заночевали и утром при полном штиле и солнечной морозной погоде направились к гористому острову, похожему на седло.

Когда высадились на этот остров, то с трудом поднялись на северную его вершину и увидели, что через весь островной хребет идет хорошо утоптанная пешеходная дорожка. С высоты 100 сажен на севере заметили «великую бухту», а вблизи нее небольшой островок с множеством озер, куда решили зайти на обратном пути. Взяв отсюда пеленги, пошли курсом к 9-му мысу, затем к северу в песчаную бухту. Здесь пообедали, а после обследовали прилежащую тундру, нашли оленя, разорванного волками, и слышали вой волков.

Когда шли к 11-му мысу, южнее острова Дудина увидели большой остров и «промышленные вспомнили, что он именуется Санихан»². Продолжая путь, миновали 14-й мыс и, проехав 3 версты, зашли в бухту, где остановились около устья реки, впадающей в залив. При взгляде на берег было видно, что здесь почевали алеуты. Остановились на почлег.

На рассвете при тихом ветре пошли к 15-му мысу. Там после обеда обследовали небольшие близлежащие острова, на которых видели лисиц и три табуна оленей, а поздно вечером на отлогом берегу заметили юрту, где остановились для ночевки.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 104 об.

² Там же, л. 105 об.

Утром 20 октября при сильном ветре подошли к группе островов и вынуждены были заночевать, так как к материковому берегу «под парусами идти невозможно и веслами против ветра грести невозможно, поэтому остановились на восточной стороне острова»¹. Утром ветер утих, и партия продолжала свой путь. Проехали 15 верст, остановились на песчаном берегу для ремонта байдары Глотова, которая дала течь, и дальше не пошли из-за сильного волнения на море и крепкого ветра.

22 октября погода оставалась такой же, и Крашенинников приказал в море не выходить, а заняться ремонтом байдар и снаряжения. На следующий день только к обеду ветер несколько стих, и команда смогла продолжить свое путешествие к 20-му мысу и далее на северо-восток.

С каждым днем становилось холоднее, утром постоянно были заморозки, все чаще выпадал снег, а в журнале появилась запись: «у служителей юколы и провианту осталось не более как на 5 дней и тако вперед ехать более невозможно, а при том стали великие морозы»². На мысе, где почевали, поставили столб с надписью «чьей команды люди, год, месяц и число»³ и пошли к 17-му мысу, где нашли небольшую бухту, удобную для почевки и здесь же обнаружили большой шалаш алеутов и собранный для строительства юрты лес.

На следующие сутки решили идти к ранее замеченной «великой бухте». С утра поехали от 17-го мыса и, покрыв 26 верст, увидели на берегу две юрты. При осмотре оказалось, что жители покинули их незадолго до прихода русских байдар, «а нашли в юртах вязку юколы, разных манеров сделанных и промышленных судов разбитых железных ножей 8, лук и стрелы с костяными и камен-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 107 об.

² Там же.

³ Там же.

ными концевыми, сетку плетеную из жил для рыбной ловли и костяных палочек 3, которые во время шитья женщины втыкают в землю и шитье крепят вместо придерживания»¹. После обеда Крашенинников с 17 казаками ходил для осмотра бухты, лежащей к северу, шли через горы, откуда пеленговали и видели «моржевой остров».

Утром, отъезжая, в юртах «оставили из подарочных вещей жителям в знак дружества сукна красного 1 аршин, бисеру 48 золотников, ножей 2, игол 1/2 бумажки, запонок 6»².

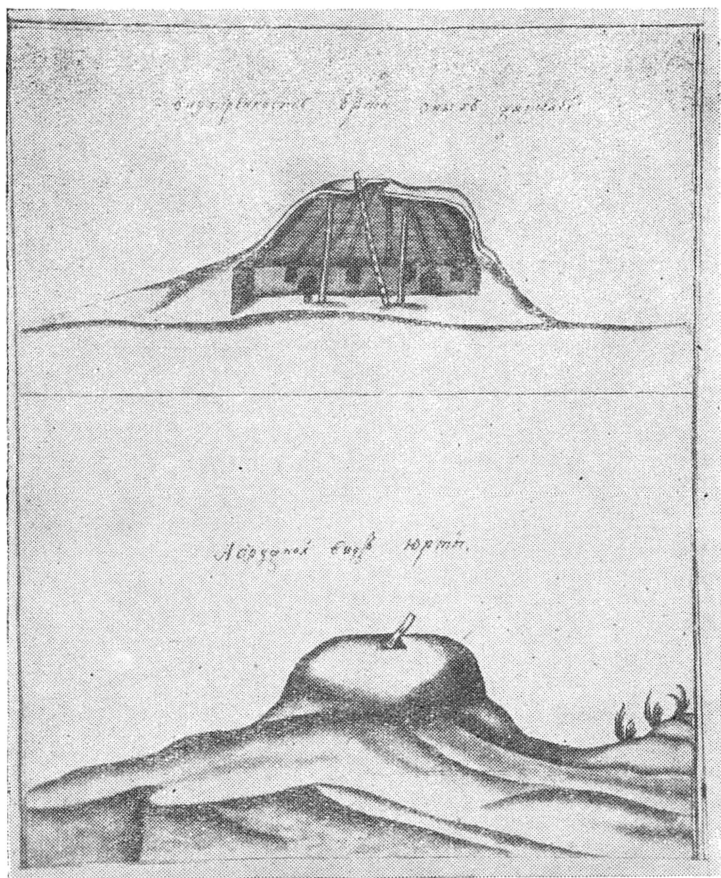
Пройдя 12 верст, достигли «великой бухты», однако к берегу здесь уже не могли пристать из-за прибрежной кромки льда и решили возвращаться к судну. Проезжая 16-й мыс, увидели две юрты и, осмотрев их, убедились, что жители уходят при их приближении. Около юрт нашли разбросанную юколу, а в юртах обнаружили травяные кошелки, стрелы и сделанные дощечки, связанные жилами для детских игр. Пробыв здесь сутки, 28 октября погрузили в байдару найденную юколу и, оставив жителям в подарок некоторые вещи, отправились к судну. Уже ночью вошли в Исаноцкий пролив, стреляя из пушек и ружей, чтобы не разлучиться, и благополучно достигли места стоянки экспедиции.

В рапорте о своем большом путешествии Крашенинников указал, что проехали они около 150 верст вдоль Аляски, видели хорошие бухты, озера, горные хребты, лес и много лисиц, оленей и медведей, а в пустых юртах, где они бывали, «в презент оставлено игол 250, сукна красного 4 аршина, запонок с гласками 10, бисеру 2 фунта»³.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 116, л. 108.

² Там же, л. 108 об.

³ Там же, д. 126, л. 139.

Внутренний и наружный вид юрты алеутов.

18 октября первый раз за время стоянки в бухте вахтенный галиота записал в журнал: «в 8-м часу пополудни увидели едущих американцев на их байдарках»¹. Подъехали они на полверсты к судну и остановились. К ним для переговоров послали четверых и одного, знающего их язык. Алеуты просили, чтобы им дали подарки, ножи и корольки, на что им ответили, что как только они подъедут к судну, то получают подарки. Спрашивали переводчика, много ли на судне людей, и звали его к себе.

Наконец один из алеутов согласился ехать к судну, но прежде потребовал дать ему что-нибудь в залог — «дали в заклад шапку и рукавицу и поехал к судну и отъехав на более 50 сажень остановился»² и стал просить сначала выдать ему подарки. Пообещали дать их, когда он подъедет к судну, а «он вдруг взял стрелу и бросил в посланных и ни в ково не попал»³. После этого выстрелили из пушки и пистолетов в воздух, и все «американцы» уехали вдоль по проливу.

В последующие дни часто в проливе появлялись алеуты на байдарках, но к судну не подходили, хотя их все время звали, стараясь завязать дружеский разговор и привлечь к переговорам. Поскольку все еще не был налажен контакт с населением, а команда нуждалась в свежей пище, Креницын много раз посылал несколько человек в залив и на озера ловить рыбу, но они всегда возвращались с очень малым уловом. Рыба не ловилась, а других рыбных мест они не могли найти. Наконец порвали о камни бредень и стали ловить на удочку. Но улов был так мал, что не играл существенной роли в скудном рационе путешественников. Появились цинготные больные, число которых с каждым днем увеличивалось.

¹ ЦГАВМФ, ф. 213, оп. 1, д. 126, л. 138.

² Там же.

³ Там же.

4 ноября штурман Крашенинников с командой в 10 человек пошел производить опись унимацкого берега, а 6 ноября 1768 года выехала 3-я партия под командованием штурмана Сергея Чиненова на двух байдарках с командой в 30 человек, имея задание обследовать северный район острова Уника и полуострова Аляски и при возможности требовалось взять у местных жителей аманатов. В своем отчетном рапорте Чиненов писал: идя по Исаоцкому проливу на север, увидели пять байдарок, в которых сидело по одному алеуту. Через толмача начали их звать к себе, но они шли все вперед и «настичь их за легкостью байдарок нельзя»¹.

Вскоре увидели на берегу Уника людей, но как только байдары путешественников стали подходить к берегу, алеуты уехали на семи байдарках, а один ушел в горы. Чиненов и 15 казаков сошли на северный берег Уника и последовали в горы за алеутом. Целый день ходили по острову, заносили в журнал приметные места острова, но жилища алеутов не нашли и только в одном месте видели сожженную зимнюю юрту.

Утром переехали залив и пошли морем вдоль берега Аляски. Пройдя около 10 верст, на берегу заметили дороги и, пристав к песчаной узкой косе, сошли на берег и остались ночевать, а утром с командой из 17 человек Чиненов отправился в путь по дороге. Встретили зимнее селение из 5 юрт, но алеутов там не было.

12 ноября опять шли на байдарках около аляскинского берега, а через 7 верст остановились, и 6 человек пошли осматривать берег. Когда проходили около мелких зарослей, выскочил один алеут и двумя стрелами ранил казака Хаховского в ногу и спину. Стали стрелять из ружей, но алеут убежал, и поблизости никого не нашли.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 84, л. 556.

Направляясь к мысу, увидели на берегу около 30 алеутов. Как только приблизились к ним, они сели на байдарки и уехали по проливу, а двое ушли берегом в глубь материка.

С каждым днем погода ухудшалась, часто шел снег, наступали морозы, продукты были на исходе, и Чиненов приказал возвращаться. К судну прибыли 12 ноября.

Ненормальные отношения с местным населением стали причиной многих бедствий команды галиота «Св. Екатерина». Правда, Креницын старался установить мирные отношения с алеутами, но он же проявлял излишнюю осторожность, и это осложняло положение экспедиции, особенно в снабжении свежими продуктами.

К тому же на острове Унимаке обитали более воинственные народы, чем их сородичи на западных островах. Им все время приходилось отстаивать свою независимость от соседних воинственных индейских племен, живущих на Аляске, и это делало их более недоверчивыми ко всем пришельцам.

Учитывая недружелюбное отношение алеутов и опасаясь их нападения, Креницын приказал караулу стрелять всегда при наступлении вечера из ружей и пушек «для страха местных жителей».

Часто видели алеутов, идущих на байдарках по проливу или за речкой на возвышенном берегу Унимака, и когда пытались к ним подойти, они уходили. 18 ноября группа алеутов кричала с байдар, чтобы к ним послали только одного переводчика, но получив отказ, быстро удалилась в сторону Аляски.

Уже полгода команда питалась только привозными продуктами в соленом и сушеном виде, приходилось употреблять в пищу и подпорченное сыростью продовольствие. Свежей пищи по-прежнему не было, да и заготовленных продуктов не хватало. Все это заметно повлияло на

состояние здоровья команды, и постоянный спутник дальних путешествий — цинга начала свирепствовать: 1 января 1769 года больных было 7, а в конце месяца цингой болело уже 22 человека и умерло трое.

Креницын старался всех занять работой, и это помогало в какой-то мере мобилизовать силы. Построили кузницу, где делали гвозди самодельной гвоздилкой и ручным молотом.

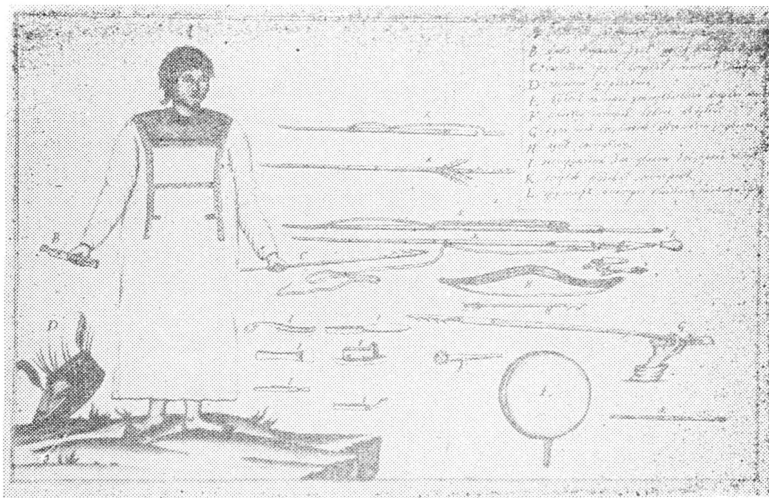
Плели канаты, ремонтировали байдары, начали делать две новых байдарки для рыбной ловли, заготавливали дрова и систематически осматривали и крепили судно.

Больных поддерживали всем, чем можно: выделяли им лучшую пищу, в хорошую погоду выводили из юрт на свежий воздух, но и это не помогало. С каждым днем их число увеличивалось. Сильно ощущался недостаток свежего провианта, а связь с населением все еще не была налажена.

Вскоре произошли события, после которых наметился перелом во взаимоотношениях с местным населением.

17 февраля после полудня в проливе показалось несколько байдарок с алеутами. Звали их подъехать к судну. Они ответили, что близко подойти к судну бояться, и предложили встретиться за мысом, лежащим к северо-западу в полуверсте от судна. Креницын послал к ним пять человек. Во время переговоров алеуты объявили, что приехали они издалека для промысла корма, а к ним заехали посмотреть большое судно, которого еще никогда не видели. В знак уверения в своем миролюбивом визите лежащие на байдарках стрелы положили за спину и, сняв головные уборы, подняли лицо кверху, как бы желая сказать: смотрите в наши глаза, мы не обманываем.

Один из алеутов узнал переводчика, которого взяли промышленные люди с острова Кадьяк. В надежде ус-

Алеут.

лышать что-нибудь о судьбе команды капитана Левашова спросили, есть ли на острове Уналашке зимующее судно. Алеуты ответили, что не знают, так как они в ссоре с жителями этого острова. Уезжая, алеуты сказали: «мы всегда таким образом будем ездить, ежели вы нас не тронете»¹. В ответ обещали их никогда не обижать. Алеутам дали 2 ножа, а получили от них 2 куса свежего мяса, после чего возвратились на судно. Свежее мясо сразу же употребили на приготовление пищи для больных.

Утром следующего дня те же алеуты прибыли снова и привезли 5 кусков сивучьего мяса. Им подарили на

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 126, л. 151 об.

этот раз 4 пожа и 12 королек. Во время пребывания на острове 20 февраля вахтенный впервые записал в журнал: «с полуночи во 2-м часу было тресение земли, от которого все сонные люди разбудились»¹.

Команда по-прежнему терпела бедствие, не находя средств борьбы с цингой. В марте умерло 9 человек, а больных, которые не могли себя обеспечивать и лежали в юртах, было 28. Свежего мяса, что привозили алеуты, было недостаточно, а самой команде, несмотря на многие попытки, не удалось наладить лов рыбы. И теперь, когда осталось здоровых менее половины, Креницын с очень большой осторожностью начал относиться к появлению алеутов, особенно к тем, которые шли проливом со стороны Аляски. Алеутов, которые шли к судну днем, команда никакими действиями не отпугивала, а старалась уговорить зайти в лагерь зимовки экспедиции, уверяя, что не тронет их².

Так было и 24 марта. Увидев в заливе между Аляской и Унимаком 8 байдарок с алеутами; звали их, но они, подъехав к речке на расстоянии 100 сажен от судна, сошли на берег и, дождавшись, когда подойдут к другому берегу люди из команды судна, стали требовать подарки. Дали всем по одному корольку, а оказавшимся среди них двум тоёноам Креницын приказал дать еще по одному корольку, после чего «китовый жир они через речку... переметали около 4-х пудов»³ и, сказав, что будут ездить и впредь, поехали к северу.

Шла весна, заметно потеплело, но положение в команде не улучшалось. Кругом была лишь каменистая почва, и только в отдельных местах, где росла небольшая ольха, зелнели лужайки, но и там не было спасающих от цинги

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 126, л. 152.

² Там же, л. 156 об.

³ Там же

грав. К началу апреля в команде осталось всего 20 человек, способных выполнять работы. Остальные уже не могли ходить и нуждались в помощи. Относительно здоровым людям надо было выполнить основную наиболее трудную работу по подготовке судна в обратный путь, и, невзирая на усталость, недоедание и слабость, каждый стремился исполнить свой долг. Надо было спешить, и поэтому работали с восхода до захода солнца; ремонтировали старые и делали новые бочки для пресной воды, плели канаты, заготавливали гвозди и различные железные крепления для судна, ремонтировали ялбот и байдары, конопатили корпус галиота.

Стараясь облегчить положение больных, Креницын все чаще посылал нескольких человек ловить рыбу, но улов по-прежнему был очень мал. По неизвестным причинам алеуты перестали привозить продукты для обмена и появлялись реже, а 11 апреля приехали на 8 байдарках и ничего с собой не привезли, «а только старались выведать не умирают ли... люди, на что им объявлено, что люди... все здоровы и находятся все в юрте и для того не выходят, чтоб вас не утрашать»¹. Подарили им несколько ножей и предупредили, что если они хотят и «впредь к нам ездить, чтобы привозили с собою сиучья и нерпечья мяса»², а без этого допускать их не будут. В этот же день умер один из смелых и опытных моряков штурман Афанасий Дудин-большой.

Конец апреля принес новые огорчения. 23 апреля умер штурман Сергей Чиненов, а 27-го записали в журнал: «служители наливия которые могут ходить всего 13 человек и все посланы на остров Унимак для рубки на обручи ольховнику»³.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 126, л. 159.

² Там же.

³ Там же, л. 161 об.

Длительное отсутствие свежей пищи подорвало здоровье всех участников экспедиции. В начале мая умерло еще шесть человек, в том числе 4 мая скончались неоднократно бывавшие в этих краях промышленники Никифор Новоселов и знаменитый мореход первооткрыватель Лисьих островов Степан Гаврилович Глотов.

10 мая произошло важное для экспедиции событие. В 7 часов утра увидели две байдарки с двумя алеутами, которые кричали: «Капитан Левашов, капитан Левашов» — и при этом поднимали шест с привязанным белым флажком.

Сойдя на берег, они отдали запечатанный конверт, и, когда путешественники его вскрыли, радости не было предела: там было письмо от Левашова. Креницын, окруженный своей уже малочисленной командой, прочитал его вслух. Это было спасение от многих бедствий и надежда на благополучное возвращение домой. В письме Левашов сообщал, что он находится на острове Уналашке и уговорил жителей острова Акутан отвезти это письмо, так как имел известие от алеутов, что в этих краях они видели большое судно. Не прошло и часа после этого радостного события, как далеко в море заметили множество байдарок. Приезжие сказали, что это товарищи, которые сопровождали их, а идут они далеко от берега, опасаясь здешних жителей.

Всех прибывших алеутов щедро одарили, дав им ножи, иглы, сукна красного, корольков, бисеру, запонок, и накормили китовым жиром и рыбою, а трех начальников — тойонов Креницын позвал в свою юрту и угостил их хлебом с коровьим маслом, сахаром и чаем, при этом хлеб и масло они «ели весьма мало», а чай с сахаром «пили весьма жадно»¹. После угощения тойоны попро-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 126, л. 163 об.

силн дать им еще «сахару для отвезення домашним, которым командир и дал по куску белова и по несколько кусков леденцу»¹.

В журнале отметили и тот факт, что как только акутанские алеуты увидели на берегу Аляски байдарки здешних жителей, «то все встревожились, чтоб поскорей назад ехать, а прежде хотели ночью ехать», и вскоре все 24 байдарки отошли от берега, увозя с собой «письмо и ордер к капитан-лейтенанту Левашову»². Встреча с посланцами от Левашова заметно подняла настроение команды: даже некоторые больные включились в работу по подготовке судна к предстоящему походу.

В это время довольно удачно начали ловить рыбу. Так, 18 мая поймали 3 пуда палтуса, затем выходили в море на ялботе, где удочками поймали немало камбалы. Эта свежая пища помогла многим заметно поправиться от цинги, и к концу мая оставалось 17 больных.

Начали ходить на охоту, но случай, происшедший с казаком Утиным, заставил Креницына от нее отказать.

16 мая Утин пошел на охоту и, когда подошел к ближайшей горе, увидел на ней 10 человек из местных жителей. Они начали бросать в него камнями, а один метнул стрелу, но не попал. Казак выстрелил из ружья, и все алеуты разбежались. Осмотр этого места показал, что алеуты ночевали за горой, поэтому ходить на охоту Креницын запретил, а часовым приказал ночью стрелять из ружей по пять раз «для предосторожности от их нечаянных набегов»³.

24 мая сняли галиот с берега и грузили в него балласт. Эта тяжелая работа сказалась на состоянии здоро-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 126, л. 163 об.

² Там же.

³ Там же, л. 169 об.

вья команды, и на следующий день был объявлен отдых «по слабости служителей»¹, а 2 июня с помощью ялбота и байдарок стянули судно к фарватеру и начали перевозить в него оставшееся на берегу имущество — такелаж и железо из кузницы.

На следующий день случилось непредвиденное. Ялбот, отправляясь к речке за пресной водой, проходя мимо дрейфующего судна, столкнулся с ним, и висевшим корабельным якорем у него проломило борт. Моряки успели из ялбота выскочить и ухватиться за судно, а ялбот с бочками, веслами и другим снаряжением унесло в море. Большинство моряков были больны, быстро спустить байдары не сумели, и ялбот был потерян.

После полудня 6 июня увидели на горизонте идущее под парусами судно. Вся команда собралась на берегу, и вскоре уже все знали, что это гукор «Св. Павел». Когда капитан-лейтенант Леващов прибыл с докладом, поздравлениям и приветствиям не было конца, радость охватила всех. Вскоре начались приготовления к совместному походу на запад. Грузили на судно пресную воду в бочках, продовольствие и дрова, которые заготовливали, разбирая юрты и складские землянки.

По приказанию начальника экспедиции для пополнения команды с гукора «Св. Павел» прибыли 10 человек. Они привезли три бочки соленой рыбы и 35 связок сухой трески. Цинга все еще давала о себе знать, и 10 июня вырвала из рядов команды штурмана Крашенинникова, хорошего специалиста и смелого человека. Его смерть, конечно, омрачила торжественные дни встреч и сборов.

В 8 часов утра 16 июня спустили на судах флаги и под пушечный салют и дробь барабанов почтили память погибших товарищей, установив крест на горе, близ быв-

¹ ЦГАВМФ. ф. 913, оп. 1, д. 126, л. 167.

ших юрт, «где погребены умершие с надлежащею надписью и во оный врезали медный крест, а на другой стороне одного креста положена в скважину записка, что зимовало российское судно, галиот «Св. Екатерина» под командою флота господина капитана Петра Креницына и на оном месте погребено умерших разных чинов 35 человек...»¹.

После этой памятной церемонии Креницын созвал консилиум с участием Левашова и штурмана гукора «Св. Павел» Шабанова. На нем определили принять северной широтой этого места $54^{\circ}38'$, а долготу от меридиана Ферро к востоку — $206^{\circ}01'$ и при обратном курсе для счисления считать это место за начальный меридиан. Штурман Шабанов, опытный картограф, был рекомендован в экспедицию адмиралом А. И. Нагаевым, так что его участие в этом консилиуме было не случайным, — он выполнял все основные работы по картографированию.

22 июня корабли экспедиции начали выходить из Исаноцкого пролива, держа курс на юг.

Ветер был слабый, и пришлось тянуть суда байдарами при помощи завезенных верпов. Опасаясь сесть на мель, часто посылали штурманов делать промер и искать фарватер. О существовании этого пролива знали только по слухам, и корабли впервые проходили его с севера на юг. Сразу при выходе из пролива повернули в широкую юго-западную протоку, отделяющую Унимак от неизвестного острова, который назвали Безымянным, а рядом с ним заметили другой небольшой остров, сохранив за ним название Китаманган. Интересно, что в 1888 году островов Безымянного и Китамангана уже не существовало. Они соединились между собой и с островом Уникаком посредством образовавшегося песчано-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 136, л. 4 об.

галечного перешейка и получили на картах наименования полуострова Икатан.

Выйдя в открытое море, галиот «Св. Екатерина» и гукор «Св. Павел», направились прямо на юг и в ночь с 24 на 25 июня внезапно увидели перед собой остров¹. Положив его на карту, повернули на запад и шли вдоль цепи Алеутских островов, делая их съемку уже с южной стороны.

Два дня лавировали около архипелага островов, лежащих между Уникаком и Уналашкой, засняв за это время пятнадцать островов, которые впоследствии на карте Тебенькова заслуженно получили название «острова Креницына».

28 июня туманом заволокло весь горизонт, пошел мелкий дождь, тихий неустойчивый ветер не давал держаться принятого курса. При этом от Уналашки ушли далеко на юг и вдали к юго-западу увидели остров с вершинами гор, покрытыми снегом. Взяли обратное направление и, когда открылись Умнак и Уналашка, повернули на запад.

Туман все сгущался. Чтобы не разлучиться, зажгли фонари на гротгафеле и стали стрелять из пушки, но 30 июля огней гукора уже не видели и ответных выстрелов не слышали. Двухдневные поиски судна Левашова результатов не дали. Сделав опись южной стороны Четырехсопочных островов, 5 августа «Св. Екатерина» около острова Сигуам перешла на северную сторону Алеутской гряды и продолжала плавание на запад, стараясь держаться на расстоянии видимости островов, чтобы брать приметные пеленги. Судно подвергалось опас-

¹ Этот остров указан на картах Креницына и Левашова, но его название не удалось узнать из-за неразборчивой надписи. По своему географическому положению можно предположить, что это остров Саннах.

ности стать на мель, так как во время обратного пути были частые туманы.

25 июля записали в журнал: «в 8 часов пополудни увидели сопку горелую и опознали, что она Кроноцкая, от нас на северо-запад земля Камчатская»¹, а 30 июля бросили якорь против устья реки Камчатки. Опасаясь мелководья, Креницын приказал начать разгружать галиот и снимать такелаж, а затем затянуть судно в залив. Отпустив взятых в вояж промышленных людей и двух толмачей, он, забрав всю секретную документацию и денежную казну, в сопровождении 11 матросов 11 августа выехал в Нижнекамчатский острог. Остальная часть команды, закончив работы по разгрузке и установке судна на зимовку, прибыла в острог 18 августа. В этот день была гроза и шел сильный дождь. Даже природа торжественно встречала победителей далекого и трудного похода к неизведанным американским берегам.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 136, л. 41.

Глава VII. В ЗАЛИВЕ ИГУНОК

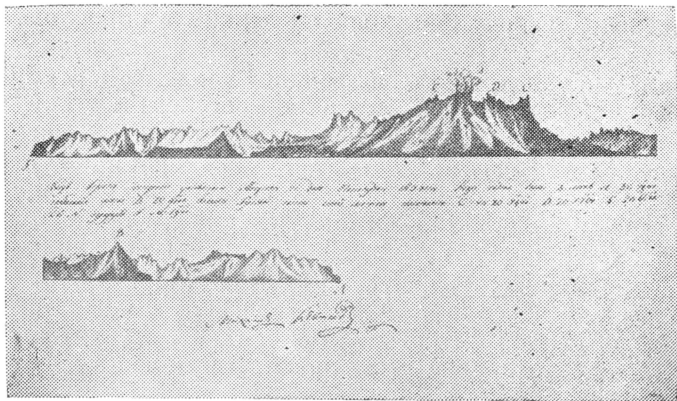
Нак же прошла зимовка экипажа гукора «Св. Павел» под командованием Левашова и каковы были обстоятельства его плавания после разлучения с Креницыным в сентябре 1768 года и при возвращении на Камчатку?

Семь дней Левашов лавировал в районе Аляска — Уналашка, надеясь встретить галиот Креницына, но этого не случилось. 13 сентября 1768 года Левашов записал в журнал, что в результате «учиненного минувшего августа 31 дня на галиоте «Св. Екатерине» консилиума»¹ предлагалось ввиду позднего времени и недостатка провианта следовать «к острову Аляксы или к острову Кадьяк, а если туда недопустят противные ветры, то идти до острова Уналашки и там, отыскав хорошую гавань, зимовать»². Так как были устойчивые противные ветры и к острову Кадьяку не решались опять идти опасным мелководным проливом, где ранее становились несколько раз на мель, а на Аляске и Унимаке никто из команды удобных гаваней не знал, приняли решение место зимовки искать на ближайшем острове Уналашке. Подходя к Уналашке, издали заметили уже известные причудливые скалы мыса Калехта, а справа от него какой-то залив, куда и направили судно.

17 сентября, войдя в залив, стали байдарами буксировать судно в глубь острова. Во время этой работы подошло 20 байдарок островитян, и, к радости моряков, они с веселым шумом начали помогать тянуть судно к указанному месту и угощали пришельцев ягодой шикшей. Левашов, обрадованный такой неожиданной приветливой встречей, всех алеутов пригласил на борт корабля, угощал их сладостями и каждому подарил бисеру и игл. Левашов уже с первых встреч установил хорошие отношения с алеутами. С необыкновенным вниманием он относился к их обычаям, нравам и привычкам, стараясь ничем не обидеть и расположить их к мирным пришельцам. Они поверили в добрые намерения пришельцев и без

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 51.

² Там же.

Виды берегов острова Уналашки.

всякой боязни приходили к месту зимовки экспедиции, получая подарки. В благодарность они несли продукты охоты и рыбной ловли, а иногда помогали экспедиции в повседневных делах и заботах. Наблюдая жизнь алеутов, Левашов начал заносить в судовой журнал интересные этнографические записки «О жителях того острова» с подробными сведениями о быте и материальной культуре алеутов.

Вечером 17 сентября посланные на байдарках штурманы Шабанов и Балакирев возвратились и доложили, что в заливе найдена хорошая бухта, подходящая для зимовки, и в тот же час по приказанию Левашова начали тянуть судно в новую бухту.

О своей поездке Шабанов сообщил рапортом, представляющим немалый интерес. Подходя к западной стороне залива, называемого Игунок, сообщал Шабанов, нашли две жилые юрты, вырытые в земле, глубиной са-

жени две, сверху они покрыты дерном и обросли травой «наподобие бугров, которые незнающему человеку за жильем никак признать не можно»¹. Вход в юрту сделан сверху через четырехугольное отверстие и лестницу. Вышли навстречу до 40 или 50 женщин в парках, шитых из морских котиков, «волосы завязаны просто, а у иных назад пучком. В носу между ноздрей в хрящ продеты костяные длиною дюйма по три спицы, а по концам тех спиц вокруг рта навешены корольки... на лицах щеки и борода натерты синею краскою... Спрашивали у них через толмоча для чево мужскова полу с ними нет, и на оное объявили по обыкновению их в знак дружелюбия чтоб приезжающие без опасности могли приставать к берегу»².

В эти дни неоднократно приезжали алеуты и привозили свежую рыбу, за что получали от команды подарки — иглы, бисер и металлические предметы.

Осень вступала в свои права. 17 сентября горные вершины острова покрылись снегом, часто шли дожди, и вся команда включилась в работу по подготовке к предстоящей зиме.

Весть о пребывании на острове российского судна быстро распространилась среди населения, и вечером 18 сентября пришла байдарка с русскими промышленниками. Мореход Вторушин сообщил, что здесь они промышляют уже несколько месяцев, а для безопасности взяли у населения 8 человек «тоенских детей»³ в аманаты и привезли с собой, чтобы оставить их в команде Левашова.

В этот же день приехали еще 26 алеутов и привезли свежую рыбу, а на следующий день в 10 часов утра прибыл с острова Игунок алеут — тойон Икья Чутагаю

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 57.

² Там же.

³ Там же, л. 57 об.

и заявил Левашову, что алеуты острова Акутан собираются напасть на русских промышленников при их возвращении с острова Уналашки. Левашов отправил с этим же алеутом «письменное известие»¹ к промышленникам, в котором предупредил соотечественников об опасности.

20 сентября, преодолев немало трудностей, так как судно шквалом часто относило в обратном направлении, «притянулись на место в гавань, которую по приказу командующего стали именовать гавань «Св. Павла» и поставили гукор в конце залива Игунок подле берега»².

В оставшиеся дни сентября все были заняты хозяйственными работами: переправляли на берег провиант, разбирали такелаж, копали землянки для юрт и складских помещений, возили выкидной лес для устройства юрт. Здесь, на каменистом острове, приходилось очень трудно с лесом, постоянно ощущался его недостаток. Для топлива и для устройства своих юрт искали покинутые алеутами жилища и разбирали их.

Дружеские отношения с местными жителями позволили Левашову снабжать команду свежей пищей — лучшим лекарством от цинги. Продуктов этих было недостаточно, но они помогали разнообразить соленую и сушеную пищу, которая только и была в запасе.

Теперь, когда определилось место зимовки и мореплаватели стали устраиваться на берегу, алеуты все чаще навещали их. Так, 21 и 24 сентября приезжало по 20 байдарок. Привезли пять пудов китового мяса, жира и разной свежей рыбы, а «за оное подарено им котлами медными, бисером и иглами»³. А в конце сентября приехали с острова Акутан четверо тойонов и добровольно привезли своих четырех детей в аманаты. Одновременно было

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 58.

² Там же, л. 58 об.

³ Там же.

привезено немного дров и китового мяса. И так как это подтверждало большое доверие с обеих сторон и укрепляло дружбу моряков с населением, Левашов принял их с особым вниманием, подарив много бисера, корольков, красного сукна и ножей.

В октябре экипаж гукора продолжал заниматься устройством трех юрт: одна предназначалась для командиров, вторая — для остальных служителей и третья — для аманатов. Кроме выкидного леса для строительства использовали заброшенные юрты.

Местное население все более убеждалось в мирном намерении и хорошем отношении к нему участников экспедиции, поэтому все чаще и чаще стали привозить своих детей, отдавая их в аманаты. Так, 5 сентября привезли аманатов с островов Гитану, Тыкунь, Акутана, Агустана, Анунгана, а 6-го — с Аккунга и, как всегда, отцы их получили от Левашова различные вещи.

О событиях некоторых последующих дней и связи моряков с населением красноречиво говорят такие записи в путевом журнале:

10 октября — уналашкинские жители на 6 байдарках привезли дров.

14 октября — приезжали пять тойонов с родственниками навещать своих детей, которые «у нас в аманатах» и привезли им немного свежей рыбы.

15 октября — «американцы» с острова Кагалги на 13 байдарках привезли четверых в аманаты и в тот же день привезли свежей рыбы. «Все от командующего одарены бисером, иголками, красным сукном и козлиной шерстью»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 64.

20 октября — вместо отпущенного от нас больного аманата с острова Акутан привезли «меньшего его брата тойона Агичь, по русски дано имя ему Кузьма»¹.

1 ноября — «американцы» привезли свежей рыбы «палтусины и трески для пищи имеющимся у нас аманатам»².

5 ноября — перевозили с судна на берег денежную казну, порох, пушки и свои личные вещи. «Командующий и все аманаты коих было уже 28 человек перебрались с судна в юрту»³.

Ноябрьская погода принесла много бедствий морякам. Пошли дожди, и жилища зимовщиков начали протекать, а 6 ноября ветром разломало крыши. Все вынуждены были перебраться опять на судно, но там из-за тесноты жить было невозможно, так как к команде из 65 человек прибавилось еще 28 человек аманатов. Опять пришлось искать лес и спешно ремонтировать жилье.

Однако через неделю повторилось все снова. 12 ноября шел дождь, от которого «в юртах служители претерпевали немалую нужду потому, что их всех перемочило, а из юрт беспрестанно выносили флягами воду, за которой огня для варения пищи развести было не можно, а для удержания означенной дождевой воды, чтоб не могла проходить в юрту, укрытца нечем, кроме как землею да и той более на верх юрт класть было не можно для ненадежности леса, который строен из выкидна»⁴.

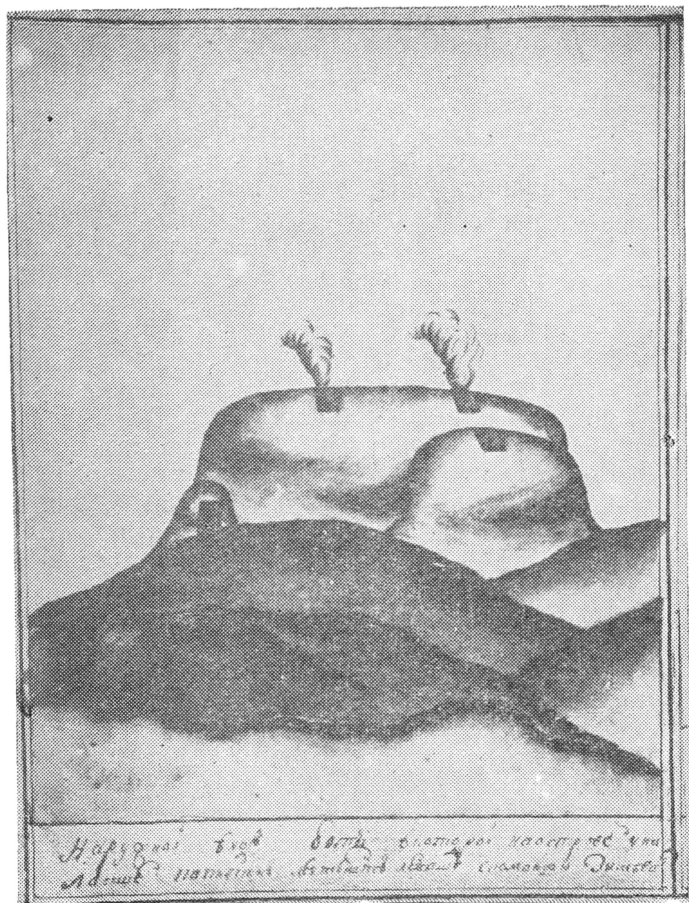
Постоянные дожди, мокрый снег, ветры, плохие жилищные условия, полуголодное существование изнуряли

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 65.

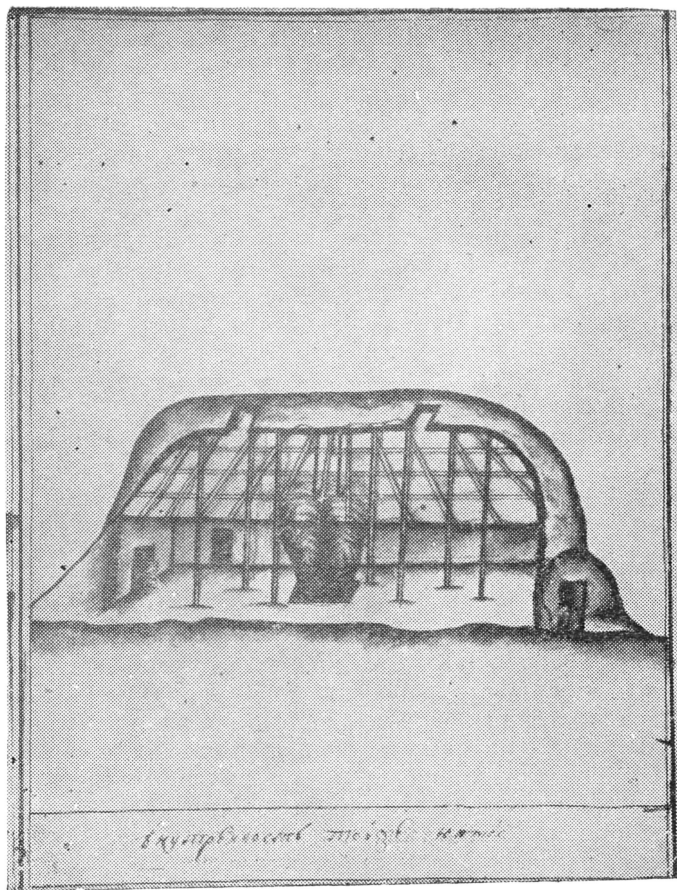
² Там же, л. 66.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 67.

Наружный вид юрты, в которой на острове Умалашке зимовала команда М. Д. Левашова.

Внутренний вид юрты.

людей, возникли заболевания, и 12 декабря было уже 6 человек больных, в том числе и Левашов.

Погода по-прежнему была неустойчивая, и 16 декабря, а затем и 26-го сильным шквалом опять сорвало верх юрты и дождем перемочило всех «отчего служители претерпевали великое беспокойство»¹. Дожди и мокрый снег подмочили часть продуктов, пришлось уменьшить суточную норму. О недостатке в команде пищи дали знать алеутам, и в начале января жители Уналашки приехали на 6 байдарках и привезли свежей рыбы «палтусины и трески в дар служителям... которых просили, чтоб и впредь... рыбы привозили, за что будут даны подарки». Они обещали «рыбу возить да и протчих жителей к тому же склонить»².

Вскоре пришли еще 16 алеутов, принесли сушеной рыбы для аманатов, рассказав, что эту рыбу они подобрали около берега, где ранее стояло купеческое судно, и там еще много ее осталось. Это «очень обрадовало нас,— записали в журнале,— потому, что у нас в провианте большой недостаток, да и не знали чем кормить имеющихся у нас 33 человека аманатов, только и была надежда на китовину, а когда из-за ветров жители не могли пищу аманатам возить, то аманатам в пищу употребляли китовину»³. Больных насчитывалось уже 14 человек. Левашов срочно откомандировал 10 человек казачков за этой рыбой, и вскоре ее доставили в лагерь.

В конце января установилась хорошая сухая погода. Днем светило солнце, а ночью на чистом небе видели «блистание звезд». Команда продолжала заниматься различными работами: плели канаты, заготавливали дрова, ремонтировали рыболовные снасти, а когда при-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 129, л. 103.

² Там же, д. 131, л. 103 об.

³ Там же, л. 105 об.

бывший 27 января 1769 года тойон с небольшого острова Игунок, лежащего у входа в залив, сообщил, что в проливе видел он мертвого выкидного кита, вся команда ежедневно в течение недели ездила на байдарках к этому киту для «резания китового жира» и мяса в пищу. Этот же тойон сообщил, что жители острова Акуна «имеют умысел о намерении, чтоб убить нашего судна всех людей, а за что про то оное тоену неизвестно»¹. Это известие насторожило зимовщиков, и они решили увеличить караул, выставив в ночное время дополнительно три поста. Опасения подтвердились еще и тем, что отпущенные 4 февраля «для стрельбы на пищу служителям птиц»² квартирмейстер Шарыпов и казак Салманов не вернулись и розыски их были напрасными.

С тех пор как установилась погода, алеуты ближайших островов чаще стали навещать путешественников, и вахтенный отметил в журнале:

9 февраля — жители нашей губы привезли свежей трески.

11 февраля — жители острова Кугалга — 8 человек да жители нашей губы — 10 человек привезли рыбы. Вечером шел большой дождь и юрты сильно протекали.

18 февраля — с острова Уналашки приезжало трое тойонов, привезли рыбы свежей и в ясак три лисицы, за что командующий дал им различные подарки.

Участники экспедиции при разъездах по островам заметили, что у местных жителей «в разных юртах много бедных малолетних ребят, совсем голые и в крайней нечистоте живущие»³, а на вопрос «чьи они?» им отвечали,

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 131, л. 106 об.

² Там же, л. 107.

³ Там же, л. 109.

что «все они безпомощные сироты и питаются только собирая при убылой воде ракушки и оставшимися от взрослых людей обглоданными рыбьими костями и объедками»¹. 22 февраля трех таких сирот привезли к зимовщикам и просили купить их за платье и обувь. Левашов, видя их безнадежное положение, взял двоих, одного лет 10, другого 7, а штурман Дудин-меньший взял третьего — двенадцатилетнего с острова Акутан. Когда спросили ребят о их желании, они ответили: «С охотою мы желаем служить русским»².

Левашов уговаривал тойонов принять российское подданство и платить ясак. Некоторые алеуты считали русскими случайными, одиночными пришельцами и не соглашались, а многие тойоны все-таки привозили ясак. 1 марта с островов Акутана и Акуна приехало 18 байдарок, привезли свежей трески, а три тойона по чернобурой лисице, и с острова Уналашки приехало 9 байдарок, привезли рыбы для аманатов, да двое тойонов по одной лисице. Левашов дал всем подарки, «да за взятие того ясака от командующего и квитанции даны»³.

5 марта произошла интересная встреча. Приехал с острова Акутана тойон Хасиник Агабынах, который, как ранее сообщил о нем тойон с острова Игунок, «имел умысел убить нашего судна людей подговаривая к тому злу и других мужиков»⁴. Прибыл он с пятью алеутами, привезли свежей рыбы и в ясак одну лисицу сиводушку. Левашов угостил их сладостями, одарил бисером, дал квитанцию за ясак и потом спросил тойона, «по какой причине имеет он... такой худой умысел... во время зимовки нашей еще не одному их жителю не оказали ни-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 131, л. 109.

² Там же.

³ Там же, л. 110.

⁴ Там же, л. 110 об.

какой грубости, а делали единственно всем им добродетель»¹.

На этот вопрос тойон Хасиник ответил довольно откровенно. Жители острова Акуна не имеют никакого плохого умысла против пришельцев, а их подговаривает тойон Седаника с острова Уналашки с залива Угодья, «чтобы вашего судна людей всех побить да и промышленных также»². Он же в 1763 году, собрав группу алеутов, рассказывал Хасиник, нападал на промышленников с прибывших судов. В конце беседы Хасиник заверил Левашова, что он и его люди никакого вреда экспедиции чинить не будут.

По-прежнему часто приезжали алеуты и привозили свежую рыбу. Правда, ее не хватало, но все же эта пища поддерживала силы ослабевших, и число больных снизилось. Привозили и пушнину в ясак: с 11 марта по 1 апреля тойоны сдали 2 шкурки бобров и 12 лисиц.

Когда приезжали алеуты из дальних мест, Левашов старался узнать что-нибудь о судьбе галиота «Св. Екатерина», расспрашивая их, не видели ли они судно капитана Креницына, но всегда получал отрицательный ответ. В один из приездов уже знакомых тойонов острова Уналашки он уговорил их съездить на остров Унимак и Аляску «для проведывания не зимует ли какое там российское судно и перевезти... письмо»³. Тойоны, учитывая «прежде бывшей от нас к ним ласковости и подарки»⁴, ссгласились, но сказали, что сейчас с малым числом людей идти туда они опасаются, так как с теми племенами воюют, а пойдут, когда наберут как можно больше людей. Свое обещание они выполнили, и 27 марта в 10 часов

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 131, л. 110 об.

² Там же.

³ Там же, д. 130, л. 109.

⁴ Там же, л. 113.

утра прибыло 65 байдарок, готовых в дальний поход на поиски зимовки Креницына.

Левашов пригласил тойонов в юрту, угостил как можно лучше, «одаря их большими подарками»¹, и старшим передал четыре конверта в разные руки, рассчитывая, что из них хоть один конверт может дойти до Креницына, пожелал всем счастливого возвращения. В знак дружбы он приказал дать залп из трех пушек, «за что они благодарили и отправились с веселым видом»².

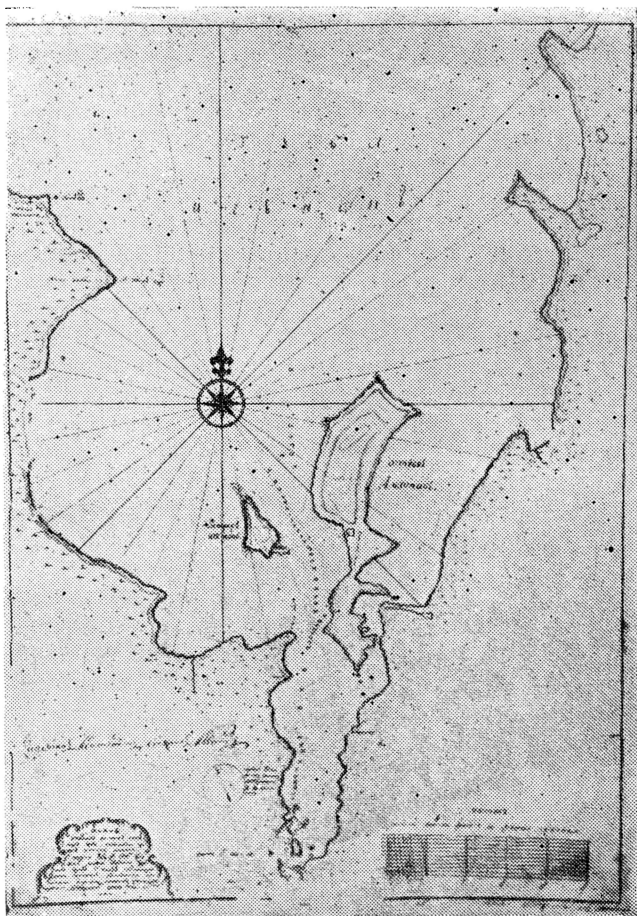
Шел второй месяц весны, иногда выпадал снег, но солнце все заметнее согревало каменистую почву острова, и потоки талой воды увеличивались. В юрты часто попадала вода, и все ходили промокшие. Высушиться было негде: все время ощущался недостаток дров, которых едва хватало на приготовление горячей пищи. Такие условия обессилевшая команда переносила с трудом, многие сильно простудились, и больных цингой стало больше.

Вторично заболел, но продолжал работать Левашов. Во время болезни он начал составлять записки под названием: «О промысле российских людей на острове Уналашке разных родов лисиц», «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке». Вместе со штурманом Шабановым он составлял карту гавани Св. Павла и делал с натуры этнографические рисунки из жизни алеутов.

Вся здоровая часть команды готовилась к предстоящему вояжу: строили новые и ремонтировали старые байдары, смолили ялбот, плели канаты, исправляли таке-лаж, шили паруса, ремонтировали бочки. С нетерпением ожидали возвращения алеутов, посланных на поиски судна Креницына.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 109.

² Там же.

Карта губы Игунок острова Уналашки, где зимовал гукор «Св. Павел».

22 апреля на 10 байдарках прибыл тойон из Макушинского жилия острова Уналашки, который первым согласился совершить поход к острову Уникаму. Он через толмача рассказал, что в пути они собрали около 100 байдарок и, как пришли к острову Кугалга, услышали от жителей, что унимацкие алеуты намерены убить всех, которые поедут к российскому судну, отчего большинство разехалось по своим домам. Только он, невзирая на объявленное, с 30 байдарками пришел на остров Уникам, где жители этого острова его задержали, отняли все вещи и в том числе подаренные Левашовым корольки и бисер, предупредив при этом, что если они отважатся идти и дальше к упомянутому судну, то их всех убьют.

Из разговора тех жителей он понял, что там действительно есть российское судно, до которого оставалось дня два похода на байдарке в тихую погоду. Ему также сказали, что они туда сами не ездят, и сообщили, что якобы ранее какие-то алеуты убили одного человека из команды того судна. Далее его не пропустили, и он был вынужден возвратиться.

Выслушав доклад тойона и сопоставив все факты и решение консилиума от 31 августа 1768 года, по которому положено было в случае неблагоприятного исхода и невозможности пройти к острову Кадьяку зимовать на острове Уникаме или Аляске, предположили, что там зимует капитан Креницын и «для точного осведомления и вспоможения тому судну с крайним поспешением стали приготавливаться к походу»¹.

Но прежде чем идти к Креницыну, Левашов еще раз предпринял попытку уточнить его местонахождение. Он уговорил отвезти на остров Уникам письмо на зимующее там русское судно одного из алеутов острова Акутан,

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 113.

прибывшего к ним 1 мая 1769 года, «который взял письмо и обещал отвезти»¹.

С приходом весны все трудней становилось жить в юртах. Крыша и стены часто обваливались, и в них было постоянно сыро, «отчего великую нужду претерпевали служители... а болезнь у всех цинготная и изо дня в день умножается от худова воздуха и от малой худой пищи»². В начале мая больных уже было 22 человека. Дальше жить в таких юртах становилось опасно, и 9 мая все больные перешли на корабль. Остальные разместились на берегу под байдарками, а юрты начали ломать на дрова к будущему вояжу.

21 мая зимовщики получили радостное и одновременно печальное известие. Посланный 1 мая алеут с острова Акутан привез ответное письмо от Креницына. Начальник экспедиции сообщал, что в его команде уже умер 31 человек, а из оставшихся служителей много больных и поэтому следовать к зимовке гукора он не может. Креницын предлагал взять для проводки судна островных жителей и идти к нему.

Получив такое указание, Левашов отдал приказ «с крайним поспешанием приготовляться к походу»³. Немедленно приступили к работам по ремонту гукора и начали грузить в него провиант, такелаж, различный инвентарь, хранящийся на берегу, и пушнину.

Еще в апреле принесли в ясак 10 шкурок лисиц, да штурманский ученик Очередин привез с купеческого судна собранный за три года ясак с жителей островов Умнака и Уналашки — 51 бобра и 47 лисиц.

Когда сообщили аманатам, что скоро корабль покидает остров и уходит в обратный путь, многие из них стали

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 118 об.

² Там же, д. 131, л. 118.

³ Там же, л. 120 об.

просить Левашова «взять к себе в услужение к русским»¹. За время зимовки они вместе переживали все трудности, всегда чувствовали заботу и дружеское внимание моряков.

Дав знать в ближайшее поселение алеутов, что судно уходит, аманатов оставили на острове Игунок до приезда их родителей, и 26 мая все живущие на берегу под байдарами перебрались на гукор. Судно вышло на середину гавани и стало ждать благополучного ветра. На берегу поставили крест с надписью: «С 1768 г. на 1769 г. зимовал здесь с судном флота капитан-лейтенант Левашов». На борту гукора «Св. Павел» находилось всех служителей 60 человек и трое сирот-алеутов. За время зимовки трое умерло и двое пропало без вести.

1 июня в 8 часов утра пошли курсом к проливу между островом Унимаком и Аляской, а 6-го, как только вошли в пролив, увидели галиот «Св. Екатерина», стоящий в небольшой бухте острова Унимака. Дали залп из всех пушек и подняли флаг. В 5 часов вечера 7 мая Левашов на ялоте поехал к Креницыну на доклад.

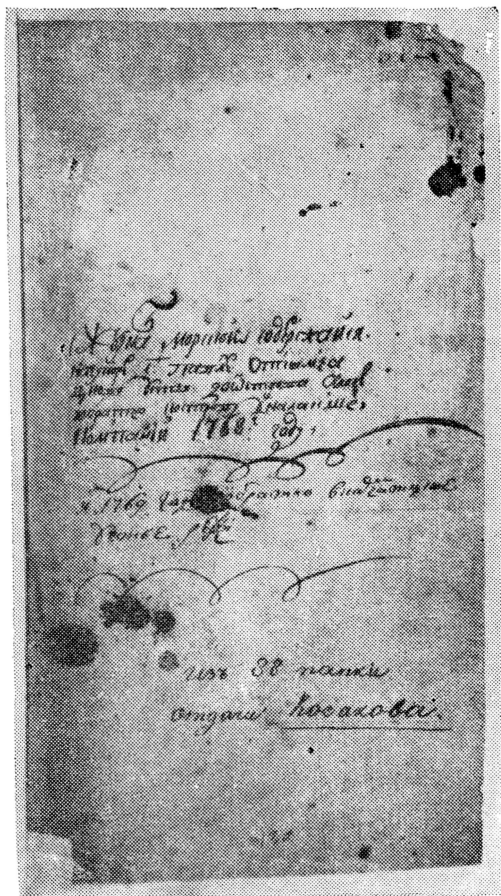
После того как ошвартовались, все здоровые служители были направлены на галиот «Св. Екатерина», чтобы помогать в работе по подготовке галиота к вояжу. На гукоре в это время было только 18 больных.

По приказу Креницына 10 человек из команды Левашова перевели на галиот для пополнения весьма поредевшей команды галиота «Св. Екатерина».

16 июня Левашов и штурман Шабанов прибыли к начальнику экспедиции на консилиум, где приняли решение: ввиду малочисленности команд, слабости людей из-за болезней и недостатка провианта «далее к востоку путь свой продолжать не можно»² и при первом благопо-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 131, л. 123.

² Там же, л. 138.

Путевой журнал
гукора
«Св. Павел»
(1768—1769 гг.).

лучном ветре «не упуская времени следовать к Камчатке»¹. Если же после Уналашки последуют противные ветры, указывалось в решении консилиума, то зайти в бухту островов Умнака или Атхи и там, заготовив для питания рыбв, идти далее к Камчатке.

Хотя по инструкции требовалось от Ближних островов идти к Командорским «и тем привязать их на карте»² к Алеутским островам, однако было решено от Ближних островов идти к Большерецкому устью и далее к Охотскому порту. При противных ветрах разрешалось следовать к Камчатскому устью, а при разлучении следовало брать курс к любому ближайшему порту на Камчатке и там дожидаться другого судна.

22 июня суда снялись с ягоя и пошли Исаоцким проливом. Как только вышли в открытое море, повернули на запад и шли вдоль южной стороны островов Унимака, Уналашки, Умнака.

29 июня, находясь южнее острова Уналашки, попали в густой туман, начали стрелять из пушек и слышали ответные выстрелы галиота «Св. Екатерина», а когда туман рассеялся, увидели на горизонте огни галиота. Утром следующего дня опять появился густой туман, стреляли, но ответа не получили, и с этого времени шли самостоятельным курсом, так как галиота больше не видели. Гукор на полных парусах устремился на запад. 12 июля были уже на северной стороне Алеутских островов и держали курс к Камчатке.

В течение всего этого времени стояла облачная погода с постоянными туманами, но ветры были попутные, и Левашов, посоветовавшись со штурманами, отменил первоначальное решение и дал команду идти к Командорским

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, ок. 1, л. 131, л. 138.

² Там же.

островам, чтобы определить их точное положение по отношению к Алеутской гряде. Это было очень важно потому, что мореходы, начиная свой вояж от Камчатки на восток к Америке, вначале шли к Командорам, а оттуда брали курс по назначению. Карт с градусной сеткой не было, и всегда возникал вопрос, какое брать направление после островов Беринга или Медного, чтобы попасть в определенное место Алеутской гряды. Это была первая попытка привязки Командорских островов к Алеутским.

2 августа гукор «Св. Павел» лавировал в проливе между островами Беринга и Медным, делая их съемку, и, обойдя с севера остров Беринга, направился к Камчатке.

10 августа попали в полный штиль, а затем начались сильные встречные ветры, что затруднило движение гукора, и пришлось идти длинными галсами¹ и все время лавировать, медленно приближаясь к Камчатке. Запасы пресной воды на судне значительно сократились, дрова кончились, и команда питалась только сушеной рыбой, не имея горячей пищи. Лавируя у Шипунского мыса Камчатки, Левашов созвал консилиум, на котором решили идти в ближайший порт — Нижнекамчатск, так как уже немало времени продолжались ветры, «почти беспрестанно зюйд-вестовые, которыми не могли попасть в Петропавловскую гавань, да и Курильскую лопатку проходить не можно и в силу того консилиума, опасаясь далее быть в лавировке, чтоб не дойти до последней крайности, взяв курс северо-запад пошли к Камчатскому устью»².

24 августа подошли к устью реки Камчатки и пошли вверх по реке, где 28 августа ошвартовались рядом со

¹ Г а л с — курс корабля относительно ветра.

² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 131, л. 195 об.

«Св. Павлом», который был уже здесь, а в 7 часов утра «сего часа опустили вымпел»¹ и стали разгружать судно.

Длительный вояж и трудная зимовка на дальних Алеутских островах подорвали здоровье многих участников экспедиции, и Креницын решил провести зиму в Нижнекамчатске, дав возможность отдохнуть команде и подготовиться к переходу в Охотск. По опыту 1766 года он знал, что осеннее плавание в Охотском море таит в себе немало опасных неожиданностей.

Сразу по прибытии Креницын распорядился отпустить всех промышленников, а служащих, взятым из Камчатских острогов, разрешил выехать на зиму домой. Все остальные моряки расселились в Нижнекамчатском остроге и несли гарнизонную службу.

В начале зимовки положение экспедиции осложнилось отсутствием провианта. Не прибыло обещанное продовольствие из Охотского порта. К тому же за время плавания экспедиции Камчатку постигло два бедствия: оспа и плохой улов рыбы. А начались они в то время, когда корабли экспедиции пересекали океан для поиска дальних Алеутских островов.

В сентябре 1768 года в Большерецк пришло судно «Св. Павел», на котором находился казак Таробукин, не совсем выздоровевший от оспы. От Таробукина оспой заразились люди из команды судна и жители Большерецка, а потом страшная болезнь распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, «и с такой быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших...»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 131, л. 196.

² А. С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — «Морской сборник», 1869, № 6, июнь, стр. 47.

Оспа свирепствовала на Камчатке до конца июня 1769 года, и за это время умерло около шести тысяч человек, больше всего камчадалов.

Оставшиеся в живых местные жители, напуганные большой смертностью, бросили обычные занятия, разбрелись по полуострову, и в 1769 году было потеряно время для заготовки зимних запасов продовольствия. В этот же год был очень бедный улов рыбы — основного питания камчатских жителей. Грозил голод, но помочь было нельзя ничем. Запасов провианта не хватало и для снабжения военной команды.

Креницын и Левашов предприняли срочные меры. Прежде всего они отправили несколько партий казаков ловить рыбу и организовали группу охотников для отстрела дичи и зверя. Местные жители также пришли на помощь путешественникам, снабдив их теплой зимней одеждой.

Всю зиму Левашов и штурман Шабанов занимались обработкой путевых журналов галиота «Св. Екатерина» и гукора «Св. Павел». Они составляли генеральную карту Алеутских островов и частные карты мест, где производили более подробную опись залива Игунок и гавани Св. Павла на острове Уналашке, острова Унимака и северо-восточной части полуострова Аляски, обследованной участниками экспедиции на протяжении 200 километров.

Одновременно работали над зарисовками быта алеутов, видов побережья Аляски и Алеутских островов. Составленная Левашовым и Шабановым карта плавания галиота «Св. Екатерина» и гукора «Св. Павел» отображает район, который был ими обследован во время путешествия, и на ней было нанесено более 40 Алеутских островов, часть полуострова Аляски, и все это показано относительно Камчатки.

Экипажи судов занимались своими работами: ремонтировали такелаж, строили новый ялбот, собирали бочки, солили рыбу, исполняли уставную морскую службу.

11 ноября 1769 года в вахтенном журнале появилась запись: «В начале 3-го часа пополудни было сильное потрясение земли. Сперва начался шум, происходящий от северной стороны, потом вдруг в остроге все строения заколебались, а на колокольне колокола сами звонили и продолжалось 2 минуты»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 136, л. 52 об.

Глава VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как только ушел последний лед с реки Камчатки, а это произошло 23 апреля 1770 года, приступили к ремонту судов и началась подготовка к отправлению экспедиции в Охотск.

Погрузочные работы были закончены, и 27 июня всем служителям дали отдых до обеда, а после крепили грузы и были уже «к походу в готовности»¹. На следующий день отошли на рейд ближе к северному берегу реки и стали ждать попутного ветра.

5 июля 1770 года экспедицию неожиданно постигло большое несчастье. В час дня начальник ее, П. К. Креницын, съехав на берег и взяв с собой четырех казаков, пошел проверить команду, ранее посланную для рыбной ловли к устью реки Камчатки. Идя по берегу реки, увидел небольшую лодку, и Креницын приказал спустить ее в реку, послав казака Михаила Замютина принести травы для подстилки в лодку. Но в это время нашли подле берега доску, которую положили поперек лодки, и Креницын сел на нее. Затем один казак сел на носу, другой — на корме, а казак Иван Черепанов стал позади Креницына, и шестом оттолкнулись от берега. Лодка зашаталась и в 5—6 саженьях от берега, где было сильное течение, опрокинулась. Сидящие в ней упали в воду, и течением всех разбросало в разные стороны. Креницына и Черепанова мгновенно отнесло на середину реки, и они утонули, а казаки спаслись. В тот момент, когда лодка опрокинулась, к берегу подошел Замютин, но помощи ничем не мог оказать и стал кричать, что тонут люди. Быстро прибежал штурман Балакирев с людьми, подошли байдарки, но утонувших уже не нашли. Затем Левашов послал штурмана Дудина-меньшего с командой моряков искать утонувших в устье реки, но найти их не удалось.

Команду над экспедицией принял капитан-лейтенант М. Д. Левашов. 6 июля в 2 часа дня прибыл он на галиот «Св. Екатерина» и «при собрании всей команды объявил

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 137, л. 78 об.

на оном быть командиру штурману Афанасию Дудину-меньшему»¹. Совместно с Дудиным Левашов сосчитал денежную казну, где оказалось 1541 рубль 27 копеек, а затем деньги, секретные документы, карты, морские журналы и личные вещи Креницына перевезли на гукор.

10 июля гукор «Св. Павел» и галиот «Св. Екатерина» вышли из реки в море, взяв курс на юго-восток. Когда прошли Кроноцкий мыс, попали в шторм, суда разлучились, и только 29 июля, уже находясь в Охотском море, идя курсом на северо-запад, они опять встретились.

4 августа при хорошей солнечной погоде оба судна вошли в устье реки Охоты. Уже на следующий день с нарочным Левашов отправил в Адмиралтейств-коллегию рапорт об окончании экспедиции, где сообщил о гибели Креницына. Передав в распоряжение канцелярии Охотского порта оба судна и взятых от них служителей, начали собирать лошадей для дальнейшего следования в Петербург.

22 августа с частью команды и с молодыми алеутами-толмачами Левашов выехал из Охотска на лошадях. Началась осень, пошли дожди, ехать становилось все труднее, да к тому же лошади оказались плохие и корма для них нигде нельзя было достать. Поэтому, когда достигли Юдомского Креста, решили далее идти на лодках по рекам Юдоме, Мае и Алдану.

С трудом приобрели две лодки и, погрузив вещи, 31 августа отправились вниз по реке Юдоме, взяв в проводники двух лоцманов. На следующий день в 100 верстах от Юдомского Креста подошли к первому большому и опасному порогу. Первая лодка, в которой находился Левашов и с ним двадцать служителей, подхваченная течением, на большой скорости в середине порога носом

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 126, л. 175.

вошла в каменистый грунт и чуть не опрокинулась. При этом корма высоко поднялась вверх и сидевший на ней лоцман упал в воду вместе с веслом. Лодка наполовину наполнилась водой и застряла между камнями. Вторая лодка прошла порог благополучно, и сидевшие в ней успели подхватить упавшего в воду лоцмана.

Уже наступила ночь, а люди в полузатопленной лодке не знали, как выбраться на берег, и «ежеминутно ожидали гибели»¹. Члены экипажа второй лодки разошлись в разные места и зажгли множество костров, чтобы можно было в случае чего перехватить плывущего человека. Все думали, как спасти людей, так как «вспоможения на камнях стоящей лодке никакова подать было не можно из сильной быстроты воды в пороге»².

Уже утром на рассвете, держась за вещи, стали выбрасываться по одному в водоворот. Так же поступил Левашов. Держась за мешок с постелью и чемодан, где хранились секретные документы, он прыгнул в воду, а товарищи в разъездной лодке его подхватили. Так же были спасены все остальные. Но в лодке еще оставалось пять человек, которые побоялись «пустить в такую опасность как прочие»³ и упорно не хотели прыгать в холодную воду, куда накануне уже падал снег. В 7 часов утра воды в реке немного прибавилось, и облегченную лодку течением снесло с порогов. Лодку быстро перехватили и доставили к берегу.

Три дня стояли на берегу Юдомы у порога. Разыскивали вещи, часть которых утонула, ремонтировали лодку и «пересушивали письменные дела, журналы и карты»⁴.

¹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131, л. 382 об.

² Там же.

³ Там же, л. 383.

⁴ Там же.

Случай на пороге не прошел бесследно для Левашова. Он простудился, но и больным продолжал свой путь, описывая природу, города, селения и жизнь народов Сибири. Много страниц он уделил описанию берегов Юдомы, Май и Алдана, где встречались шумные, как водопад, пороги, частые шиверы¹ и причудливые утесы, напоминающие древние строения, или исполинского человека, или еще что-то такое, что можно запомнить на всю жизнь.

Когда достигли Ноторской переправы, расположенной на реке Алдан в 350 верстах восточнее Якутска, удивились большому скоплению людей там, где шло строительство домов. Оказывается, для сбора ясака с народов, живущих далеко от Якутска, создавался новый город в Сибири.

Отсюда на лошадях отправились прямо на запад в сторону Якутска, но проехали только 130 верст, так как надо было идти тропами через горы и болота. Преодолев этот трудный участок, 23 сентября вечером подошли к реке Амге, переправились через нее и 30 сентября прибыли в город Якутск, где стали по квартирам в ожидании зимнего пути.

Только 21 ноября первая партия под командованием штурмана Дудина-меньшего покинула Якутск, а через неделю на семи подводках выехал и Левашов.

28 января прибыли в Красноярск. Более 2500 верст путешественники ехали зимней дорогой по реке Лене и ее берегам. Страницы путевого журнала красочно описывают эту живописную дорогу, окружающую местность, леса, пашни и встречающиеся селения.

В Красноярске экспедиция понесла тяжелую потерю. 29 января 1771 года скоропостижно умер штурман Яков

¹ Шивер — в Сибири так называли подводную каменистую или песчаную отмель.

Иванович Шабанов — исполнитель всех основных карт экспедиции, прекрасный специалист-картограф и талантливый моряк.

Левашов с тех пор как простудился, спасая имущество с затопленной лодки, часто болел, но в пути нигде не останавливался для лечения и спешил как можно быстрее доехать до Tobольска.

Не ожидая казенных лошадей, Левашов за свой счет нанял почтовую подводу и 8 февраля покинул Красноярск. Штурман Дудин-меньший с остальной командой выехал позднее. Ровно через неделю Левашов был в столице Сибири — Tobольске и немедленно явился к губернатору Д. И. Чичерину, предъявив ему для просмотра все морские журналы и карты, отражающие итоги работы секретной экспедиции. Чичерин проявил большое внимание к участникам экспедиции, дав всем возможность до августа отдохнуть в Tobольске.

В Петербург экспедиция прибыла 22 октября 1771 года, то есть через 7 лет и 4 месяца со дня выезда.

Левашов после возвращения недолго служил на флоте. Летом 1772 года, будучи командиром корабля, он совершил переход из Петербурга в Архангельск и обратно, а в декабре подал рапорт, где просил уволить со службы «за слабостью здоровья»¹. 31 декабря 1772 года вышел указ об увольнении Левашова.

С тех пор как экспедиция прибыла в Петербург, Левашова не покидала забота о судьбах участников экспедиции, с которыми он семь лет делил все трудности путешествия. Он много раз обращался в правительственные учреждения с ходатайством об их награждении и для многих участников плавания добился повышения оклада с выплатой разницы за прошедшие годы.

¹ ЦГАВМФ, ф. 217, д. 32, 1771 г., л. 89.

Глава IX. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

Уже в день приезда Левашов узнал от знакомых моряков, что по настоянию адмирала Нагаева ему 12 марта 1771 года присвоили звание капитана 2-го ранга, а Креницын еще с 4 июня 1769 года, когда находился на остро-

ве Унимаке, имел уже звание капитана 1-го ранга, о чем он и не знал.

Приступая к сдаче отчетного материала, Левашов прежде всего составил списки всех участников экспедиции и отдельно список «морских разных чинов и служителей», прибывших с ним в Петербург, где значились командированные из С.-Петербурга: капитан-лейтенант М. Д. Левашов, штурман ранга прапорщичьего А. И. Дудин-меньший, сержант И. Л. Шипицын, квартирмейстеры Е. И. Иванов, К. И. Лошкарев, Р. И. Абрамовский; командированный из Тобольска лекарь И. М. Гриневский; командированные из Иркутска и Томска штурманские ученики Иван Андреевич Кондратов, Афанасий Михайлович Романов, командированный из Якутска казак А. П. Мокрошубов, взятый для охраны письменных дел, принадлежащих Креницыну.

В Коллегию были представлены списки, где подробно рассказывалось о судьбе каждого участника экспедиции и о трудностях, выпавших на долю этих смелых людей.

Вскоре М. Д. Левашов представил Адмиралтейств-коллегии все подлинные экспедиционные материалы: инструкции, карты, взятые в Адмиралтействе, корабельные журналы, переписку экспедиции и выполненные им и штурманом Шабановым карты островов Алеутской гряды и Аляски, атлас рисунков алеутов и берегов Камчатки, Алеутских островов и Аляски. Кроме этого, Левашов составил и передал в Коллегию «Экстракт из журналов морской секретной экспедиции», где сжато изложил историю плавания экспедиции и приложил копии составленных им записок: «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке», «О промысле российских людей на острове «Уналашке разных родов лисиц».

Коллегия ознакомилась только с «Экстрактом», а весь остальной материал передала А. И. Нагаеву для научной обработки, проверки и составления генеральной карты, записав в протокол: «Представленные от него Левашова вояжа капитана Креницына и капитана Левашова черные журналы и секретные сочиненные карты препоручить вам господин и кавалер... как вам с сей экспедицией довольно известного»¹.

Одновременно Коллегия поручила Нагаеву проэкзаменовать четырех штурманских учеников, привезенных Левашовым в Петербург, которые Креницыным были взяты в экспедицию из Сибири и оказались способными мореходами.

Изучив все материалы экспедиции, Нагаев, как современник всех географических открытий, совершенных в XVIII веке (до 1780 года), и ведущий гидрограф и картограф того времени, должен был дать объективную оценку экспедиции Креницына — Левашова.

В 1767 году по заданию Адмиралтейств-коллегии А. И. Нагаев составил генеральную карту открытий на Тихом океане, используя карты Беринга и Чирикова, Петра Шишкина и карту Василия Шилова².

В своем примечании к этой карте Нагаев подробно разъяснил трудность такой работы, так как ни одна из карт, которыми он пользовался, не давала точного положения островов Алеутской гряды по широте, долготе и относительно друг друга. На всех картах острова именовались по-разному и количество их было различное.

В примечании А. И. Нагаев обращает внимание и на такой интересный факт. В 1753 году указом сената велено было все карты и журналы походов Беринга и Чири-

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, отд. II, д. 452, л. 66.

² Промышленник купец Василий Шилов привез в Петербург составленную им карту Алеутских островов в феврале 1767 года.

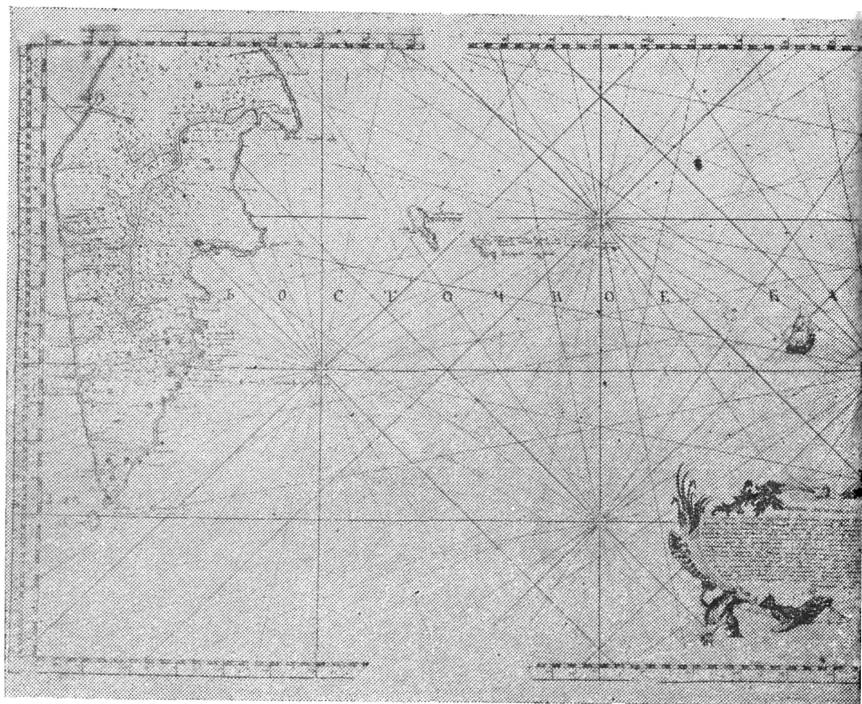
кова скопировать и копии отослать сибирскому губернатору, а от него — камчатским управителям для руководства мореходам, отправляющимся на восток к островам. И поэтому, говорит Нагаев, некоторые открытые Берингом и Чириковым Алеутские острова еще до похода казака Пономарева были известны промышленникам. Пономарев, да и Шилов, пользуясь картами Беринга и Чирикова, шли около открытых островов, однако «по незнанию навигацкой науки ни счисления лагом дистанции преплытью своего пути ни склонения компаса»¹ не использовали, но эти же острова наносили на свою карту. Поэтому положение одних и тех же островов на картах промышленников и Беринга с Чириковым не совпадало.

На картах промышленников многие острова нанесены по рассказам местных жителей, поэтому, указывает Нагаев, требуется дальнейшее экспедиционное исследование. Свою карту Нагаев считал несовершенной, многое на ней было ошибочным и неясным, она нуждалась в большой корректировке. Когда он сравнил ее с картами, составленными экспедицией Креницына — Левашова, ошибки прежних карт были ясно видны.

Левашов привез в Петербург четыре карты²: «Карту морскую меркаторскую, сочиненную от Охоцкого устья до острова Аляксы на галиоте Св. Екатерине в команде флота капитана Петра Креницына...» (размером 80×241 см); «Карту меркаторскую описи морской секретной экспедиции под главною командою флота капитана Креницына ис плаваний гукора Св. Павла под командою флота капитан-лейтенанта Левашова...» (размером 53×138 см); «Карту плоскую описи морской секретной

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 304 об.

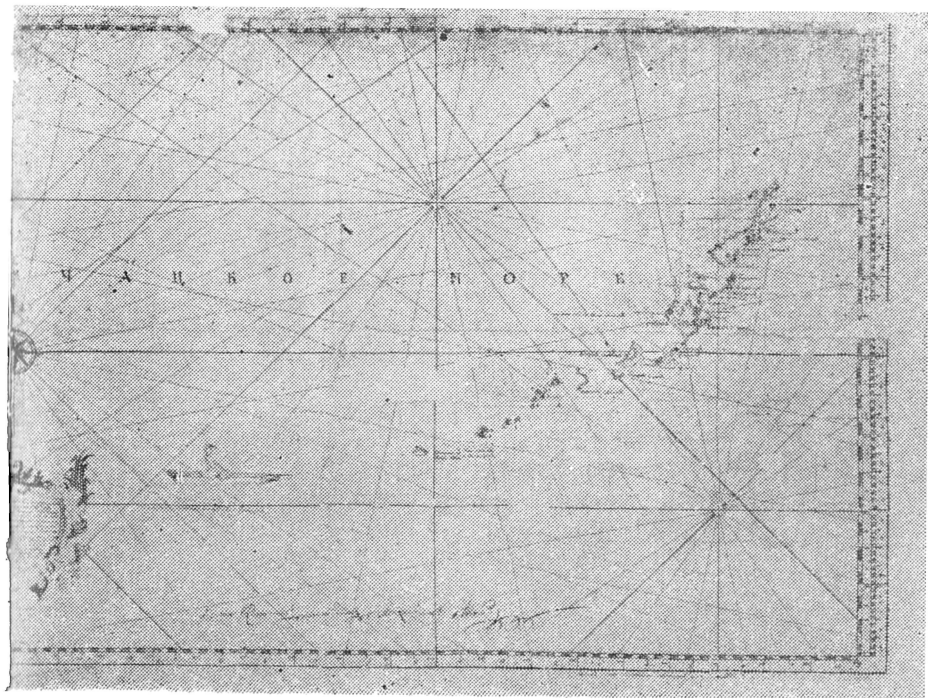
² ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, л. 91, 96, 97, 98.

Карта плавания экспедиции Креницына и Левашова (1768—1769 гг.).

экспедиции под главною командою флота капитана Креницына ис плаваний гукора Св. Павла под командою флота капитан-лейтенанта Левашова...» (размером 144×147 см); «План впавшей в остров Уналашку губы называемой Игунок...» (размером 39×54 см).

Все карты, за исключением первой, выполнил штур-

ман Яков Шабанов под руководством Левашова. По сравнению со всеми предыдущими картами на них более точно нанесены Алеутские острова, показано их положение относительно Камчатки и полуострова Аляски. Пояснительные надписи дают некоторое представление о географии отдельных мест, о жителях Алеутских островов.

о их промыслах. Камчатка и западный берег Аляски показаны с подробностями.

Большой интерес представляет ранее нигде не опубликованная «Карта плоская...», на которой в крупном масштабе нанесены 45 островов Алеутской гряды из группы Андреяновских и Лисьих и показан полуостров Аляска. Особенно детально показаны на этой карте Лисьи острова (Умнак, Уналашка, Унимак) и западная часть полуострова Аляски, где довольно подробно нанесена береговая полоса и хорошо читается материковый рельеф. Здесь же, в районе острова Унимака и полуострова Аляски, экспедиция произвела разреженные промеры и нанесла глубины, места якорных стоянок, отмели и песчаные косы.

Нагаев остался доволен картографическим материалом, представленным Креницыным и Левашовым, позволявшим утверждать, что географические результаты этой экспедиции велики. Экспедиция завершила открытие гигантской Алеутской цепи, протянувшейся почти на 1800 километров, особенно малоизвестной восточной ее части, где открыла ранее неизвестные острова, заливы, бухты и проливы.

Экспедиция обследовала около 200 километров побережья полуострова Аляски. До этого полуостров посетили мореход Г. Г. Пушкарев, но его пребывание ограничилось только зимовкой на западном берегу Аляскинского берега в заливе Бечевина.

Экспедиция также основательно исследовала Лисьи острова, впервые открыла Исаноцкий пролив, отделяющий Алеутские острова от полуострова Аляски, и, пройдя его, произвела гидрографическое описание пролива и районов северней Унимака и западней Аляски. Здесь же была открыта группа мелких островов, лежащих у северного и южного берегов полуострова Аляски. За время плава-

ния в 1768—1769 годах путешественники научно описали и нанесли на карту свыше 40 островов Алеутской гряды. Такой картой могли уже пользоваться мореходы и географы. Она служила практическим пособием до 1802 года, то есть до карт Г. А. Сарычева.

Всем помещенным на карту островам экспедиция присвоила местные алеутские названия и только трем небольшим островам, лежащим около полуострова Аляски, дала собственные наименования (остров Дудина, Безымянный и Моржевой). С тех пор как Аляска вместе с Алеутскими островами была продана Соединенным Штатам Америки, большое количество названий географических объектов, открытых русскими исследователями, американцы переименовали, заменив алеутские и русские названия английскими, «иногда совершенно не имеющими смысла»¹.

Просмотр материалов экспедиции убедил Нагаева в том, что основные пункты обширной инструкции, которую он сам составлял, выполнены, и в этом была большая заслуга руководителей экспедиции.

На заседании Адмиралтейств-коллегии 22 ноября 1771 года Нагаев подробно доложил о результатах секретной экспедиции и просил наградить офицерский состав. Просьба Нагаева была выполнена. Из отправленных в путешествие шести офицеров в живых осталось только двое. Их и отметила Коллегия, записав в протокол: «Капитану 2-го ранга Михаилу Левашову за сделанное по данной флота капитану Креницыну инструкции исполнение, о чем Коллегии словесно от господина адмирала и кавалера Алексея Ивановича Нагаева объявлено, объявить чин флота капитана 1-го ранга и штурману

¹ З. Н. Зубкова. Алеутские острова. М., 1948, стр. 4.

Дудину подпоручтеский... им же обоим производить вечный пенсион...»¹.

Вместе с Левашовым Нагаев приступил к составлению генеральной карты открытий на Тихом океане по материалам секретной экспедиции, одновременно приобщив к рассмотрению все журналы и карты экспедиций Беринга — Чирикова и отдельных походов промышленников на Алеутские острова.

В этой большой камеральной работе Нагаеву помогали штурманские ученики, участники секретной экспедиции, взятые Креницыным из Томска и Иркутска. Нагаев предложил Коллегии повысить их в звании, указав, что работа над картой производится «через вспоможение мншими штурманскими учениками из чего усмотрено, что они всю теорию до круглой навигации обучили, практику морскую, что до малых судов морских касается, знают, щисление путей морских весть могут, подштурманами во флоте быть достойны»².

Вскоре Нагаев доложил, что все исследованные мореплавателями «в путешествиях их по восточному океану берега Камчатской и Чукотской земли и берега островов, положил... по точным каждого плавателя исправленным мною щислениям на одну общую меркаторскую карту...»³. К сожалению, эта карта не найдена: она, по-видимому, пропала во время пожара в доме Нагаева в 1771 году.

В дальнейшем Нагаев намеревался издать описание путешествия Креницына и Левашова, начал собирать все материалы, относящиеся к экспедиции, составил план по обработке этих документов, но в связи с тяжелой болезнью он так и не смог закончить работу.

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, отд. II, д. 452, лл. 125—125 об.

² Там же, л. 169.

³ Там же, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 63.

К отчетным материалам своего путешествия М. Д. Левашов приложил чрезвычайно ценный альбом рисунков — «Атлас видов Камчатских и Алеутских островов, снятых капитан-лейтенантом Левашовым»¹. Зарисовки выполнены на ватманской бумаге размером 45×29 сантиметров. На 40 страницах выполнены тушью виды берегов и на 16 — этнографические рисунки, сделанные акварельными красками. На рисунках изображены различные уникальные самобытные предметы материальной культуры алеутов. Все они выполнены профессионально. Пояснения к ним помогают понять назначение традиционных предметов культуры и быта этих народностей. На рисунках изображены также алеуты, мужская и женская одежда, орудия охоты и рыболовства, жилище, предметы труда и вооружения алеутов, деревянная утварь и обрядовые принадлежности, различные женские украшения и узоры татуировок. Есть рисунки алеутских байдарок и байдар промышленников, морских зверей и много зарисовок видов Камчатки, Алеутских островов и Аляски.

Это уникальный памятник в истории русских географических открытий и исследований во второй половине XVIII века. Едва ли не впервые при обследовании неизведанных районов делались такие зарисовки и рисунки.

Атлас рисунков удачно дополнял научные записки Левашова и обогащал их содержание. Рисунки и записки Левашова первые и наиболее ценные научные материалы по этнографии, истории и географии Алеутских островов.

Свои четыре этнографические записки Левашов поместил в путевом журнале. Писал он их в разное время на острове Уналашке. Работая над ними, он делал в журнале множество пометок. Познакомимся с ними несколько подробнее.

¹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702.

«Описание острова Уналашки» состоит из двух частей. В первой приводится краткий географический обзор острова. Вторая часть, где довольно подробно показана общественно-бытовая жизнь алеутов, названа «О жителях того острова».

Остров Уналашка, говорится в записках, простирается в длину с северо-востока на юго-запад. На северо-восточной стороне острова есть несколько больших бухт. Одна из них простирается в длину верст на 40 и называется Угади (современное название «Залив Угадьяк». — *И. Г.*). Для зимовки судов годна бухта Игунок (современное название «Капитанский залив» в честь капитан-лейтенанта Левашова, а названная экспедицией гавань Св. Павла — сейчас главная гавань Уналашки. — *И. Г.*). В гавани грунт песчаный и иловатый. Поблизости от гавани Св. Павла впадает речка с пресной водой.

На берегах острова низменных мест нет — везде камень и утесы, есть только в некоторых бухтах «и то весьма мало и на них обывательские жилища в разных местах числом 16»¹. Весь остров каменный, «а сверх оною земля в разных местах глинистая и черная поросла травой»². Растет малина, жимолость, голубица, брусника, но только мало, а больше всего шикши. Огнедышащая гора на острове, называемая Аягиш, временами горит, и около нее жители берут горячую серу, такую же, как у Макушинского жилья около горячих ключей.

На острове водятся лисицы черно-бурые, сиводушки и красные; из морских зверей — много сивучей, которых промышляют два раза в год, весной и осенью, есть бобры. Этих зверей бьют на воде стрелами. Около острова ловится треска, палтус, терпуг, камбала, в заливах

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 117.

² Там же.

местами есть окунь, налим, корюшка, а в реках — красная рыба и гольдь, но только мельче, чем на Камчатке. Из птицы водятся вороны, куропатки, гуси светло-серые, утки до шести родов, урилы, гагары, ары.

О жителях Левашов рассказывает следующее: «Оной народ не имеет никакого закона, бога не исповедует, да никакого к тому понятия не имеет»¹. Во время веселья, которое начинается после промысла котиков, то есть с половины декабря, и продолжается до апреля, они часто собираются вместе и пляшут в масках, сделанных из дерева и выкрашенных разными красками. Пляску начинают дети, затем выходят женщины по одной и по две, имея в руках надутый пузырь, потом мужчины. Во время пляски бьют в бубны и поют песни как мужчины, так и женщины.

Мужчины носят платье длиною до пят, сшитое из разных птичьих кож с перьями, называемое «парка». Во время езды на байдарках или в дождливое время сверх парок надевают камлеи, сшитые из китовых тонких кишок, а на голове носят деревянные шапки, украшенные пером, сивучьими усами, корольками разных цветов или сделанными из белого мягкого камня статуэтками. Из такого же камня или из кости делают спицы и вставляют в проколотую ноздрю. А во время веселья и в хорошие времена в ушах и в нижней губе навешивают бисер, который выменивают у русских промышленников, и янтарики, которые достают на острове Аляксы (имеется в виду полуостров Аляска. — И. Г.).

Женщины платье носят такой же длины, как у мужчин, но сшитое из котиковых кож. На голове они ничего не носят и волосы спереди подрезают, как мужчины, а позади завязывают пучком. На щеках делают синей

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 117 об.

краской две или три полосы, а в хряще носа, как и мужчины, носят костяную спицу, на концах которой так же, как вокруг рта и на ушах, навешаны корольки и янтарики.

«Оной народ росту среднего, волосы имеют на голове черные, жесткие, лице смуглое»¹. Живут в земляных юртах, сделанных из выкидного леса, и этим же лесом пользуются для варки пищи, но варят мало и чаще употребляют в пищу сырую рыбу, ракушки и морскую капусту, в трудные же времена питаются кореньями: «саранюю», «макаршею», «кутажем» и прочими.

Огонь добывают, ударяя камень о камень, и от искры зажигают сухую траву и птичий пух, посыпанный мелкой серой, «а некоторые достают огонь и деревом, на подобие как сверлом вертят»². Байдарки делают наподобие челнока и обтягивают их котиковой или нерпичьей кожей, с круглым отверстием посредине для гребца. Весло на концах имеет лопаточки. Шьют одежду костяными иглами и нитки делают из китовых жил. Рыбу промышляют костяными крючками, привязывая их на длинную морскую капусту, которую сначала пропитывают китовым жиром, а потом просушивают. Зверей и птиц бьют костяными стрелами, вкладывая их в деревянные тонкие штоки и бросая правой рукой с дощечки, а каменные стрелы употребляют во время боя с людьми.

Заканчивается это описание замечанием, что алеуты лисиц для себя не промышляют и ни для какого платья их не употребляют.

В записке «О ясаке» Левашов писал, что до тех пор, пока на острова приходят небольшие группы русских людей, сбор ясака наладить невозможно, так как алеуты

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 118.

² Там же, л. 119.

считают, «что только в свете и людей сколько они знают на островах, а ныне имеют малое понятие о Камчатке и якобы все люди которые приезжают к ним обитают на Камчатке, а более нигде нет»¹.

Пытаясь выяснить происхождение алеутов, Левашов лишь узнал, что название «алеут» впервые вошло в обиход от М. В. Неводчикова, первооткрывателя Ближних островов Алеутской гряды, а затем это название русские промышленники завезли на все острова, «а до российских промышленных людей они не знали, что есть алеут, а ныне и сами себя так называют»².

Раньше они все назывались по-разному: жители острова Уналашки назывались коголаги, острова Акутан и далее к востоку до острова Унимака — кигигусы, а жители Унимака и Аляски назывались катагаегуки. Из опроса многих алеутов и сравнения их нравов, обрядов и сходства языков Левашов сделал предположение, что они пришли с «аляскинской земли» и далее «с оста»³.

Записка «О промысле российских промышленных людей на острове Уналашке разных родов лисиц» рассказывает о пути следования промышленников на Алеутские острова и способах промысла. Когда промышленники отправляются с Камчатки, рассказывает Левашов, они обычно зимуют на Медном острове, заготавливая там «китовый и сивучий корм»⁴, а кожи употребляют на байдарки, подошвы, одеяла, парки и так далее, после чего отправляются на дальние алеутские острова и там в заливах свои суда вытаскивают на берег. Бисер, корольки, небольшие медные котлы и прочие вещи отдают жителям тех островов, которые кормят их рыбой. Сами промышленники

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 130, л. 118 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 111.

имеют старание к промыслу, но обычно их мало, и поэтому, подчеркивает Левашов, только своим трудом не будешь много пушнины,— необходимо привлечь и жителей островов к этому промыслу. По рассказам промышленников, за последние годы зверей стало значительно меньше и качество добытых шкур понизилось. Левашов объясняет это тем, что здесь все породы лисиц перемешались и приплод их стал хуже.

Правительственная экспедиция Креницына — Левашова, открыв остров Унимак и полуостров Аляску, закончила начатое еще в 1741 году открытие Алеутской гряды и закрепление за Россией Аляски и Алеутских островов.

С этого времени и начинается быстрый рост русских поселений в Америке. Составленные экспедицией карты и достоверное описание островов, Аляски и их жителей явились важным научным материалом для дальнейшего изучения и экономического освоения этого района. Эти документы уже можно было предъявить миру для защиты своих прав на новооткрытые территории в Тихом океане.

Морское ведомство России долго сохраняло в секрете итоги экспедиции Креницына — Левашова, и только после Северо-восточной экспедиции Биллингса и Сарычева в 1785—1795 годах ее материалы стали более доступны историкам.

Когда в XIX веке начали изучать историю экспедиции Креницына — Левашова, ее стали невольно сравнивать с экспедицией Биллингса — Сарычева, которая также занималась исследованием Алеутских островов. Это сравнение было не в пользу секретной экспедиции, так как ошибочные оценки снижали ее значение и роль в географических открытиях и исследованиях на Тихом океане. Подобное сравнение сделал Соколов, когда об экс-

педиции Креницына — Левашова сказал, что «последующие описи этих островов, разумеется, сделали ненужными все настоящие»¹.

В XVIII веке результаты экспедиции Креницына — Левашова расценивались как большое достижение. Адмиралтейство в 1786 году направило в Коллегию иностранных дел обширную справку по случаю «представления к сохранению права нашего на земли мореплавателями открытые»², где указала: «Капитан Креницын пошел в море из реки Камчатки в 1768 г. июня 24 дня. Продолжал свой путь к востоку и, проходя мимо островов Умнака, Уналашки и Унимака, пришел к Аляскинскому проливу (Исаноцкий пролив.— *И. Г.*) 1-го сентября, а потому первый и открыл в тех местах западный мыс Америки, перезимовав же на одном из сих островов возвратился на Камчатку, сделав многие открытия между Алеутскими островами»³.

Вся работа этой незаслуженно забытой экспедиции имела большое социально-политическое и научное значение. Сделанные описания и карты малоизвестных и неизвестных ранее островов, заливов, бухт, мысов, проливов, побережий, относящихся к Алеутской гряде и Аляске, служат новыми данными о приоритете отечественной науки в истории географических открытий и исследований.

Материалы экспедиции приобретают особый интерес и значение для современной географической и исторической науки, поскольку традиционная культура алеутов разрушена политикой «американизации», а Алеутские острова превращены в военные базы США.

В 1799 году была создана Российско-Американская

¹ А. П. Соколов, указанная работа, стр. 79.

² ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. II, л. 259.

³ Там же, л. 271.

компания, объединившая мелкие купеческие компании русских промышленников, существовавшие в предыдущие десятилетия. Эта компания получила разрешение на монопольное владение и эксплуатацию вновь открытых земель и природных богатств Аляски и Алеутских островов. Главным занятием Российско-Американской компании являлась добыча пушного зверя русскими промышленниками с привлечением к этому промыслу алеутов и эскимосов.

Работа на компанию и тесные контакты с русскими не могли не сказаться на материальной культуре и социальной организации коренного населения, но, как отмечают американские и английские авторы, компания старалась сохранить основные формы традиционного хозяйства и культуры алеутов и эскимосов. И хотя их самобытная культура несколько изменилась, она не была разрушена: русские с уважением относились к культуре коренного населения.

Во второй половине XIX века произошли значительные изменения в жизни алеутов. В 1867 году Россия продала Аляску и Алеутские острова Соединенным Штатам Америки. Уже с 1868 года американские торговые компании и различного рода авантюристы, жаждущие верной наживы, хлынули на Алеутские острова, скупая у местного населения за бесценок шкуры морских зверей и меха.

Соперничая между собой, предприимчивые торговцы заполнили все острова, находящиеся в северной части Тихого океана, и всю Аляску. Проникли они и на Командорские острова, где с 1871 года американский торговый дом «Гутчинсон и К°» развернул свою деятельность как арендатор. В 1868 году на Командорских островах насчитывалось 387 алеутов, переселенных с островов Алеутской гряды, а в 1880 году их уже было 501 человек.

Американцы принуждали алеутов усиленно заниматься добычей котиков, бобров, песцов и по-своему регламентировали всю общественную жизнь населения, подчиняя ее своему стремлению как можно больше и быстрее добиться прибылей любыми путями. Их не интересовало будущее коренного населения. Они хищнически истребляли животный мир Аляски и прилегающих островов.

За добываемые шкурки платили некоторыми товарами, а в основном водкой. В погоне за заработком стали бить зверей без разбора. «Да и где было всматриваться в зверя, когда в спирту можно было купаться...»¹. Это был «период спаивания жителей и бесцеремонного расхищения пушнины»².

Усиленная эксплуатация аборигенов компаниями привела к тому, что уже к концу XIX века среди алеутов наблюдалось значительное превышение смертности над рождаемостью. Тяжелые условия жизни и работы, частые голодовки, алкоголизм, завезенные эпидемические инфекционные заболевания — все это обусловило исключительно высокую смертность коренного населения Алеутских и Командорских островов³ и всей Аляски. В результате численность коренного населения Аляски и Але-

¹ Е. К. Суворов: Командорские острова и пушной промысел на них. СПб, 1912, стр. 21.

² Там же.

³ Коренные изменения в хозяйстве и культуре алеутов, населяющих Командорские острова (острова Беринга и Медный) произошли только в советский период. Уже в первые годы работы советских организаций начался учет промысловых зверей и нормирование добычи. Выстроены крупные зверофермы. На острове Беринга в с. Никольском в благоустроенных домах со всеми коммунальными услугами живет большинство населения островов, и в том числе алеуты, которых на островах числится 331 человек. Имеется средняя школа, детский сад, библиотеки, краеведческий музей, местный радиоузел, и вот уже 32 года выходит газета «Алеутская правда».

утских островов к 1909 году сократилась примерно на 66 процентов¹.

По данным научно-исследовательского института экономики Аляскинского университета, производившего с 1947 года социологические и экономические исследования, на 1 апреля 1960 года, в юго-западном районе Американского Севера, куда относится полуостров Аляска, Алеутские острова и острова Берингова моря, принадлежащие США, смертность детей коренного населения в возрасте до 1 года составляла 121,9 процента на 1 000 рождений². Этот же институт выявил большой процент больных туберкулезом из среды коренных жителей. Тяжелое положение со здоровьем населения Аляски и Алеутских островов заставило власти в последние 10—15 лет обратить серьезное внимание на организацию здравоохранения.

С 1940 года население Аляски значительно возросло за счет притока жителей извне, вызванного главным образом военным строительством, причем численность военнослужащих здесь к 1967 году возросла в 33 раза.

Во время войны с Японией американцы построили на Аляске и Алеутских островах множество аэродромов и несколько крупных морских портов военного значения. С окончанием войны строительство военных объектов не только не прекратилось, но даже усилилось. Основное развитие этого района подчинено главной задаче — созданию военно-стратегического плацдарма.

Исследователь Т. Бенк из Мичиганского университета, побывавший в 1948—1949 годах на Алеутских островах, в своей книге «Колыбель ветров» правдиво рассказал о

¹ А. О. Шпайхер. Иностранная информация. «Динамика населения Аляски»: — «Проблемы Арктики и Антарктики», 1969, вып. 31, стр. 93—96.

² Там же.

тяжелом современном положении алеутов. Если в первой половине XVIII века их было около 20 тысяч, то сейчас, по сведениям Бенка, их осталось около тысячи человек¹. Касаясь истории, автор рассказывает, что в конце XIX века на острова нагрянули американские администраторы и учителя и стали бездумно ломать традиционную культуру. Пытаясь вытравить из жизни алеутов остатки влияния русских, они вменяли в обязанность изучать только английский язык, глумились над их обычаями, старались перестроить весь экономический уклад жизни алеутов².

В связи со строительством военных баз многие алеуты еще в 1942 году выселены из своих исконных мест. Эти национальные меньшинства подвергаются откровенной национальной дискриминации и вынуждены терпеть на своей родине обиды и унижения со стороны американских военнослужащих.

«К сожалению,— пишет Бенк,— история человечества изобилует главами, подобными этой, повествующей о вымирании алеутов — народа в прошлом сильного и многочисленного, великолепно приспособившегося физически и духовно к окружающей суровой среде, ныне же обнищавшего, пораженного болезнями и ослабленного морально»³.

Запасы морского зверя в этих краях сократились, и алеуты поставлены перед необходимостью искать какие-то новые источники существования. Мужчины покидают свои селения и идут на заработки по найму в «белые» поселки или расселяются вокруг баз и аэропортов, где можно получить работу по обслуживанию военного

¹ Коренное население Алеутских островов (алеуты), по переписи 1939 года, составляло 800 человек.— Краткая географическая энциклопедия. М., 1960, стр. 70.

² Тед Бенк. Колыбель ветров. М., 1960, стр. 155.

³ Там же, стр. 65.

персонала. Неудовлетворенность низким материальным уровнем жизни побуждает алеутскую молодежь навсегда уезжать на чужбину в поисках заработка, и численность коренного населения Алеутских островов неуклонно сокращается, а традиционная культура алеутов бесследно исчезает.

Сегодня, когда маленький алеутский народ поставлен в условия трагически вымирающего населения, научные результаты экспедиции Креницына — Левашова по исследованию островов Алеутской гряды, Аляски и изучению жизни алеутов представляют несомненный интерес и большую ценность для науки.

Замечательное по своему значению плавание увенчалось большим успехом. Карты Тихого океана сохраняют память об этой экспедиции: на Аляске имеется мыс Креницына, а место на Унимаке, где зимовало судно «Св. Екатерина», названо бухтой Екатерины. На острове Уналашке есть Капитанский залив, названный в честь Левашова. Одна из групп восточных островов Алеутской гряды носит название островов Креницына.

Экспедиция Креницына — Левашова по праву составляет одну из ярких страниц русских исследований в северной части Тихого океана.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Агранат Г. А. Из истории Аляски.— «Зарубежный Север», М., 1957.
- Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.
- Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., «Наука», 1966.
- Алексеев А. И. Колумбы росские. Магадан, 1966.
- Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.
- Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (обзор источников и литературы).— Сб.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948.
- Андреев А. И. Первые исследователи Алеутских островов.— Исторические записки, т. 68, 1961.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. Под ред. и с введ. А. В. Ефимова. М., «Наука», 1964.
- Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, М., 1956.
- Бенк Т. Колыбель ветров, М., 1960.
- Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов.— «Землеведение», т. XXVI, вып. 1—2, 1924.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742. М.—Л., 1946.
- Берг Л. С. Открытие русскими Северо-Западной Америки. Л., 1950.
- Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. СПб, 1823.
- Берх В. Н. Жизнеописание адмирала Алексея Ивановича Нагаева. СПб, 1831.

Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб, ч. I—III. 1840.

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 года). М.—Л., 1939.

Глушанков И. В. Секретная экспедиция.— «Морской флот», 1969, № 10, 11.

Глушанков И. В. Алеутская экспедиция Креницына и Левашова.— «Природа», 1969, № 12.

Глушанков И. В. Секретная экспедиция 1768—1769 гг.— «Наука и жизнь», 1971, № 1.

Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946.

Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов. М., «Наука», 1966.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М.—Л., 1960.

Гренадер М. Б. Историческая обусловленность возникновения Северо-восточной географической экспедиции 1785—1795 гг.— «Ученые записки Петропавловского государственного педагогического института», вып. 2. Петропавловск, 1957.

Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948.

Зубкова З. Н. Алеутские острова. М., 1948.

Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1957.

Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию— Сочинения. Т. VII. Л., 1934.

Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.

Марков С. Н. Летопись Аляски. Изд. 2-е. М.—Л., Изд-во Главсевморпути, 1948.

Медушевская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века.— Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 7. М., 1954.

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1—2. М.—Л., 1937—1941.

Окунь С. Б. Российско-американская компания. М.—Л., 1939.

Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой.—Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. IV. СПб, 1970.

Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. М.—Л., Изд-во Главсевморпути, 1949.

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956.

Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк).—«Морской сборник», 1869, № 11, 12.

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке.—«Морской сборник», 1869, № 4—8.

Соколов А. П. Первый поход русских к Америке.—Записки Гидрографического департамента, ч. IX. СПб, 1851.

Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743 гг.—«Записки Гидрографического департамента, ч. IX. СПб, 1851.

Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Лезашова.—Записки Гидрографического департамента, ч. X. СПб, 1852.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Русско-американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I—II. СПб, 1861—1863.

Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., «Наука», 1964.

Экспедиция Беринга. Сборник документов (подготовил к печати А. Покровский). М., 1941.

Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М., 1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Бобровое море	15
Глава II. Секретное поручение	33
Глава III. К берегам океана	54
Глава IV. Начало бедствий	67
Глава V. Незведанные острова	90
Глава VI. Могилы на Унимаке	104
Глава VII. В заливе Игунок	127
Глава VIII. Возвращение	151
Глава IX. Результаты экспедиции	157

Глушанков Иван Венедиктович

СЕКРЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Редактор *Л. Н. Ягунова*

Художественный редактор *Д. Д. Власенко*

Технический редактор *В. В. Плоская*

Корректор *М. Л. Лисичкина*

Сдано в набор 16/VI 1972 г. Подписано к печати 2/X 1972 г. АХ—00465.
Формат 70×108/32. Объем 5,75 физ. п. л., 8,05 усл. п. л., 7,84 уч.-изд. л.
Заказ 3937. Тираж 15 000. Цена 34 коп. Бум. тип. № 2.

Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15.
Магаданская областная типография Управления по печати, г. Магадан, пл. Горького, 9.

- Г55 Секретная экспедиция. Экспедиция Креницына — Левашова, посланная для открытия, исследования и точного нанесения на карты наиболее восточных островов Алеутской гряды. Магадан, Кн. изд-во, 1972.

184 с. с ил. (Первопроходцы). Список лит.: с. 179—181.

Автору книги удалось ознакомиться с важнейшими архивными материалами экспедиции Креницына — Левашова, которые до сих пор считались утраченными. Это позволило ему на основании подлинных документов рассказать о героической судьбе, мужестве и несгибаемой воле к победе над трудностями русских моряков-первопроходцев.

Секретная экспедиция завершила открытие гигантской Алеутской дуги, и материалы ее стали большим вкладом в изучение и освоение Алеутских островов.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Выпуск
2

Магаданское книжное издательство

